

№ 5
2013

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

НИВА

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Учредители: ОО «Союз писателей Казахстана» и Центр «Каламгер-медиа»

Председатель совета редакторов: **Н. М. ОРАЗАЛИН**

Редакционный совет:

Б. М. КАНАПЬЯНОВ (г. Алматы), **Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ** (г. Астана),
А. Ю. КУРЛЕНЯ (г. Петропавловск), **Р. Ю. МАХАТАДЗЕ** (г. Караганда),
Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), **В. И. РЫЖКОВ** (г. Караганда),
Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), **А. Ю. ТАРАКОВ** (г. Астана),
И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), **В. В. ШУПЕЙКИН** (г. Алматы),
Л. Ю. ЮРКОВА (г. Усть-Каменогорск).

В номере:

Проза

- А. Бекбосын.** Медаль за город Будапешт. *Повесть* 3
О. Марк. Два рассказа (*Голос; Озеро*) 47
В. Ножкина. Деревенские сказы Пропа 66
У. Сагинханов. Микентайка. *Сказка* 91

Поэзия

- С. Крюков.** «Между землёй и вечностью...». *Стихи* 41
Б. Каирбеков. «И с небом длится честный диалог...». *Стихи* 59
О. Белов. «Зачем поэт слова рифмует?..». *Стихи* 85

Память

- Н. Слепцов.** Для поэта смерти нет 92

Наш общий дом

- С. Жагипаров.** В небесах мужал фронтовик 95

История без купюр

- В. Могильницкий.** Безымянные тюльпаны 102

© «Нива», 2013, Астана

К 60-летию целинной эпопеи

В. Владимиров. Оглянись не в досаде. Ещё раз о том, что такое Целина *(продолжение)* **109**

Параллели и меридианы

А. Волков. Дневник отдыхающего путешественника *(продолжение)* **128**

Искусство

С. Беккулова. Святая к родине любовь **141**

Летопись Евразии

«Огуз-намэ» — «Легенда об Огуз кагане» **145**

Далёкое — близкое

В. Сороченко. Огонь, вода без медных труб *(продолжение)*... **158**

Приключения. Детектив. Фантастика

Л. Лазарева. Посох Байбосына. *Фантастическая повесть* **174**

Сатира и юмор

В. Дунаев. Занимательная астрология **201**

Изоальбом «Нивы»: из работ Ирины Яремы.

Аргынбай БЕКБОСЫН

Повесть

Как всякий урождённый степняк, я люблю, особенно по утрам и вечерам, долго поглядывать вдаль, на горизонт, как будто за его кромкой находится и вот-вот раскроется доселе неизвестный, загадочный и в то же время почему-то очень желанный мир. Но откуда такое тихое удовольствие мне, давным-давно по воле судьбы ставшему постоянным жителем разных городов. Вот и в это весеннее утро, стоя на балконе своей квартиры, что в таразском микрорайоне «Астана», не вижу никакого горизонта, даже с четвёртого этажа. Кругом однотипные пятиэтажные белые дома, бока которых раскрашены то малиновым, то зелёным, а чуть дальше и синим цветами. Нету горизонта. Полноценного, куполообразного неба тоже нет. Есть только какой-то бесформенный, отрезанный кусочек его. Но этот кусочек, к моему изумлению, сегодня оказался очень чистым, голубым-голубым... И вдруг из-за жестиной крыши соседнего дома сверкнуло ещё красноватое после ночного сна солнце, согрев лицо ярким, молодым лучом. Не обшарпало жаром, как обычно, уже успевшее впитать в себя свежайшего, чуть сыростного воздуха, оно нежнейшим образом стало ласкать, поглаживать всю открытую часть тела. Какая благодать!.. Чудеса, да и только!..

Солнце, небо... Не успел я произнести мысленно эти два слова, сразу услышал одну знакомую до боли песню, которую пел звонкий детский голос:

Пусть всегда будет солнце,

Пусть всегда будет небо.

Пусть всегда будет мама,

Пусть всегда буду я!..

О, чудо! Тот же ангельски чистый, тонкий голосок запел и на казахском.

Да, это была та самая песня, рождённая в годы так называемой «холодной войны» и распета на разных языках если не во всем мире, то точно во всех уголках огромного Советского Союза. Пели её не только дети, нередко многотысячные хоры, но и масса взрослых. Пели как гимн мира, единодушно желая, чтобы «холодная война» не переросла в горячую третью мировую. И это желание было естественным. Даже по прошествии уже многих лет после окончания второй мировой раны, нанесённые ею не только телу, но и душе человечества, не зажили ещё как следует. Разве, допустим, я сам могу забыть когда-нибудь утрату своего старшего брата Ашима, младших братьев отца Копбосына, Копбая, нашего близкого сородича Героя Советского Союза Агадила Суханбаева и многих других, погибших на той проклятой, зарева и раскаты которой охватили полпланеты?.. Нет. Никогда. Поскольку погибшие были, в основном, цветом народа, нации, людьми высокой нравственности, гражданственности, смелыми. А «кто смел, тот и пулю съел», как говорится. Это они в первую очередь творили победу. И сегодня, 9 мая 2012 года, очередной День Победы...

После таких вот дум, появившихся когда я стоял на балконе, решил, что перед утренним чаем прочту сура Ихлас из священного Корана, посвящая духам всех воинов, погибших на поле брани, а потом по телевизору буду смотреть сперва Астанинский, затем Московский военные парады. Когда я вместе с домашними завершил чаепитие, зазвонила сотка. На её маленьком экране надпись: «Рахмет Есенов». Это мой старый приятель. (Возможно, мои читатели знакомы с ним по повести «Купейная исповедь, или Неспетая песня любви»).

- С праздником, дружище! – громко и весело звучал его баритон.
- Спасибо, взаимно, старина! – в его же бодром тоне отвечивал и я.
- Ну, какие планы у тебя на сегодняшний праздник? – поинтересовался сразу Рахмет.
- Какие планы... По телевизору буду смотреть парад. А после обеда, наверное, посетю памятники Бауыржану Момышулы и Агадилу Суханбаеву...
- Вторая часть твоего плана правильная. Первую не одобряю, ты это зря.
- Почему?
- Да потому, что телевизионные парады сможешь посмотреть и вечером. Будет повтор. Давай, дорогой, лучше взглянем на наших солдат на местном параде. Каковы они, наши современные защитники – интересно ведь воочию увидеть. Мы с тобой всё же офицеры запаса, хотя отставные...
- Я задумался.
- Чего ты молчишь? – оторопел Рахмет.
- Я недавно в рекламной газете «Магнолия» прочитал одно объявление... – начал было я, Рахмет резко прервал.
- Причём тут объявление?! Или ты с самого утра в честь праздника, ну, того самого?..
- Да нет же... ты ведь знаешь, что я... Ну, вот там написано: «Разрушаю бетон»...
- Ну, и что же, пускай разрушает себе на здоровье. Нам-то что?
- Ты тоже разрушитель, вот что! – нарочно буркнул я.
- Я... я разрушитель?! Чего же разрушил я тогда? – ужасно удивился Рахмет.
- Мой план...
- Ах, вон оно что!.. – громко засмеялся друг.
- И, думаю, правильно сделал. Где и когда встретимся?
- Давай в девять тридцать возле гостиницы «Жамбыл».
- Хорошо, договорились...

... На место встречи явились мы оба одновременно, хотя и живём в разных частях города. Вот он мой Рахмет – высокий, стройный, светлолицый, с чёрными волнистыми волосами и усами, чуть тронутыми сединой. Ладно сидел на нём и новенький серый костюм. Не только широкая улыбка, раскрывавшая ровный ряд белых и целых зубов, но и твёрдая, энергичная походка выдавали в нём отличное здоровье и одухотворённость, которые прекрасно соответствовали сегодняшнему ясному небу и яркому солнцу, праздничной атмосфере. А праздник на площади уже гремел под звуки военного духового оркестра. Лёгкий ветерок игриво колыхал множество разноцветных стягов, в воздухе гуляли, как малыши, маленькие воздушные шары.

Мы двинулись к центру, памятнику Байдибеку, приветствуя и поздравляя встречавшихся знакомых. Там под временным матерчатый навесом расставлены стулья, на которых уже сидели, блистая на солнце множеством орденов и медалей, пожилые ветераны. «Да, ряды аксакалов-фронтовиков заметно поредели, – думалось мне. – Что же поделаешь, таков закон природы. У времени абсолютно нет чувства жалости. Даже вот мы с Рахметом, дети военных лет, и то уже, считай, постарели...». И нам, старым «детям войны», один молодой человек в чёрном костюме, видимо, работник городского акимата, услужливо нашёл места в задних рядах.

Завучали фанфары. Выступили с поздравительными речами аким нашей Жамбылской области Канат Бозумбаев и новый командующий Южным военным округом генерал Талгат Койбаков. Через некоторое время Рахмет, поворачиваясь ко мне, задумчиво произнёс:

– Мне иногда кажется, что новое, нам, старикам, порой не совсем понятное время приняло облик этого молодого человека.

– Ты имеешь в виду генерала?

– Губернатора, то есть акима.

– Тут ты, Раха, никакую Америку не открыл, – сказал я, смеясь. – Твоя такая мысль всего-навсего эхо уверения наших предков, которые говорили: «У каждой эпохи – свои представители». Поэтому особенно не волнуйся, не ты представляешь нынешние времена, хотя ходил когда-то в немаленьких начальниках!.. Давай лучше посмотрим на это театрализованное зрелище.

Рахмет, смеясь, пожал мне руки:

– Молодец! Ты прав, как всегда.

– Не всегда. Следующую правоту оставлю тебе по дружбе!

– Весьма благодарен...

А театрализованное представление, изображающее на фоне музыки и песни лихие годы, было небезынтересным. Создавалось такое ощущение, как будто все мы, сидящие и стоящие по краям площади тысячи людей, с трепетом и тоской в душе встречаем героев, давно ушедших в мир иной и ставших легендарными, но в этот час каким-то чудом триумфально оживших... Вот генерал Панфилов, а вот прославленный Бауыржан на белом скакуне... За ним следуют вечно любимые дочери казахского народа пулемётчица Маншук и снайпер Алия... Вот появился и Агадил Суханбаев, вставший на века в родном Таразе в виде бронзовой скульптуры, хотя прах остался в далёкой Литве...

Парад войск оставил приятное впечатление, у ребят хорошая выправка. Только общую картину немножко испортило, по-моему, то, что среди командиров были несколько низкорослых, да к тому же с бултыхающимися в маршировке животиками. На гражданке ладно, а вот в армии... Особенно тогда, когда во всём стремимся к мировым стандартам... С этим летучим, лёгким недовольством в сознании поднялся я с места после окончания парада. Рахмет взялся помочь встать рядом сидевшему старику с тросточкой, судя по внешности, русскому.

– Э-эх, старость – не радость... Спасибо, – сказал он, – медленно выпрямляясь. Сухонький, с желтоватым морщинистым лицом старичок в соломенной шляпе всё ещё острым взглядом внимательно разглядел сперва Рахмета, затем и меня.

– С праздником, ребята! – со сдержанной улыбкой протянул нам свою костлявую, сморщенную ладонь.

– Вас в первую очередь с праздником, дядя!.. Это Вы сделали этот праздник. – Мы с Рахметом пожали его дрожащую мелкой дрожью руку.

– Сколько Вам, дядя, годиков-то? – шутливо интересовался Рахмет.

– Э-э... недавно только удалось перемахнуть через девяносто...

– Правильно поступили. И не напрасно жили – вон сколько у вас наград! Прямо как у маршала Жукова...

– Жуков есть Жуков. Мы – солдаты... воевали под его командованием...

Любознательный Рахмет стал руками перебирать ряды множества медалей.

– О-о, Берлин брали!..

– Было такое дело, – тихо ответил фронтовик, в голосе было заметно уже застарелое удовлетворение своим прошлым.

– И, оказывается, Будапешт взяли... – Рахмет почему-то стал особо поглаживать, осторожно протирать надпись медали «За взятие Будапешта».

– Значит, черпали шлемом воду из Дуная?

– Это, наверно, наши далёкие предки так делали. А мы... мы-то... Ой, сколько там полегло наших... – на лице старика появились явные признаки грусти. – Особенно при переправе через Дунай и в западной части города... как, как называлась она...

– Буда, – подсказал я.

– Ах, да, Буда... Пешт же на восточной стороне...

И старый воин начал рассказывать эпизоды тех давних сражений, когда мы уже медленно подходили к фонтану. Рахмет превратился весь во внимание. А перед моим мысленным взором встал Будапешт, один из красивых и уютных городов Европы, который посетил весной 1989 года в составе делегации советских журналистов. Встал он во всей своей красе с широкими и узкими улицами, утопающими в зелени и цветах, старинными домами с маленькими статуями в античном стиле, неповторимыми в архитектурном плане зданиями парламента. Голубой, сказочный Дунай с его семью удивительными мостами и райским островом Маргит, где гуляли в сопровождении незабываемой Анны, нашего гида... В ушах начал звенеть, как перекаты волн, божественный «Голубой Дунай» Штрауса...

Когда снова взглянул на старика, который неспешно продолжал говорить, так сразу прекратилась прекрасная музыка и перед моими глазами появилась другая, очень мрачная картина: Буда, старинная крепость, что на самом берегу Дуная, сложенная из тёмно-красных каменных глыб, закопчённая чёрным дымом, со множеством крупных и мелких пробоин – следами снарядов и пуль... Венгры после войны, оказывается, не коснулись их. Оставили такими, какими были. Как памятники той страшной войны, непревзойдённой во все времена существования человечества трагедии, трагедии всех участвовавших в ней народов: как побеждённых, так и победителей...

Мы тепло простились с незнакомым старцем.

– Доброго здоровья вам, ребята, – сказал он.

– Вы, дядя, – сказал Рахмет улыбаясь, – в будущем старайтесь перемахнуть и через сто!

– Э-э, это... это как получится... Жаль только бабу свою пару лет назад схоронил...

– Тем более вы должны пожить ещё и за неё! – сказал Рахмет.

– Спасибо, ребята, спасибо.

Мелким, осторожным шагом, чуть опираясь на тросточку свою, отдалялся от нас ветеран. Ветеран второй мировой...

– Как я заметил, тебя очень заинтересовала медаль за Будапешт, тогда как у старика были медали ещё внушительнее, например, «За отвагу», «За оборону Сталинграда», орден Красной Звезды, ещё два ордена «Отечественная война»... Почему? – спросил я у Рахмета, когда мы остались вдвоём.

– Как... как тебе объяснить... – Рахмет задумался.

Теперь я увидел, что у него на лице незаметно стёрлись следы того утреннего праздничного настроения. Голос тоже стал каким-то вязким, ослабленным.

– Знаешь, – произнёс он после долгого молчания, держа верхнюю пуговицу моего пиджака, – эта медаль всколыхнула всю мою душу, разбудив в ней одну старую боль... Вот так, дружище...

Я не знал как быть. Спросить: в чём дело? Это, может, хотя и ненарочно, берeditь ту самую рану... Умолчать? Это может означать оставаться равнодушным к душевному состоянию приятеля.

– Рассказать тебе всю эту историю? – резко, решительно сказал Рахмет, вдруг нарушив общее молчание.

– Мог бы этого вопроса не задавать, – тихо ответил я.

– Ну, тогда пойдём и найдём удобное место.

– Давай к нам. Заодно и гостем будешь, – предложил я.

– Нет, это в другой раз. А сейчас... сейчас спустимся вниз по Абая до Пушкина. Там у памятника Пушкину есть хорошая скамейка, на ней сядем, и я всё

расскажу. К тому же на месте памятника была когда-то библиотека нашего милого педучилища, в которой мы с тобой подолгу впроголодь сидели... Помнишь? – Рахмет уже говорил более ровным голосом.

– Ещё как помню. Идём. Ну, вот теперь и ты прав! – громко смеясь, сказал я, стараясь настроить его на прежний лад...

Проходя через слонявшийся везде и всюду праздничный люд, состоявшийся в основном из шумливых детей, дошли и до памятника. Блиставшая лаком скамейка пустовала. Уселись. Кажется, уже медленно наступала жара. Но от неё, хотя бы на время, обещала спасать нас мягкая тень очень медленно плывущих хлопьев белёсых облачков, да и еле заметный, маленький кокетливый ветерок, втихомолку играющий с молоденькими листочками деревьев...

– Аргынбай, ты знаешь изъяны своего характера? – вдруг задал мне вопрос Рахмет. Неожиданный вопрос.

– Это ты к чему? – удивился я.

– Да, к тому, чтобы в обход изъянов, к которым у тебя наплевательское отношение, отметить одну положительную черту твою, – с хитринкой во взгляде сказал Рахмет. – Притом при свидетеле в лице самого Александра Сергеевича! – указал он на памятник, стоящий напротив нас.

– Ну, что это за «одна черта»?

– Ты умеешь слушать.

– Что ты хочешь этим сказать? Чтобы я не прервал тебя, как в тот раз, когда мы ехали в Алматы?

– Ты догадлив.

– Это твоё последнее замечание мне?

– Нет, предпоследнее. Последнее скажу, когда закончу повествование, для чего мы и пришли сюда.

– Ну, валяя тогда...

Рахмет не сразу «валял», как я в порядке шутки выразился, а промолчал некоторое время, поглядывая вверх куда-то, как будто собирался с мыслями. Лицо его постепенно стало серьёзнее, приобретя какой-то пепельный цвет, утратив лёгкий природный румянец.

Наконец, поворачиваясь ко мне всем телом, он начал говорить несколько надтреснутым голосом.

– Помнишь, я сказал на площади, что та медаль старика всколыхнула мою душу?

– Помню, конечно...

– Всколыхнула потому, что напомнила мне песню Блантера на стихи Исаковского «Враги сожгли родную хату», а песня воскресила в памяти дорогого мне Али-агу и заставила мысленно пережить горчайшую его судьбу. Знаешь ту песню?

– Будто когда-то слышал её в исполнении Марка Бернеса. Очень трогательная была, особенно слова. Но, к сожалению, не всё помню.

– Тогда послушай, я помню. Петь не буду, конечно, только прочту:

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошёл солдат в глубоком горе
На перекрёсток двух дорог,
Нашёл солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат — и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя-мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, —
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришёл...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только тёплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вдохнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришёл к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...».
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил — солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:
«Я шёл к тебе четыре года,
Я три державы покорил...».

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт...

– Да-а, поразительно... Не песня, а целая трагическая баллада о солдате, – сказал я, когда Рахмет, закончив чтение, умолк. Молчал он, пожалуй, долго. И наконец-то тихо-тихо произнёс:

– Всё же этот неизвестный солдат счастлив...

– Да ты что?! Смеёшься что ли?! – молнией шарахнули из моих уст слова возмущения. – О каком счастье может идти речь?! – с трудом затормозил я себя.

– Ты не дал мне до конца высказаться, – отвечал Рахмет спокойным, задумчивым тоном. – Я хотел сказать, что он счастлив в сравнении с моим дядей Али, у которого тоже была медаль за город Будапешт.

– О-о, глубоко несчастный счастливее... Что же получается?! Разве может быть такое? – теперь задумался я. Возникло такое чувство, будто через сердце прошла тяжёлая, мутная волна. И она постепенно начала поглощать всё ясное, что было в моём сознании.

– Такой вопрос ты задал только теперь, – голос Рахмета дошёл до моего слуха так, как будто он находился не рядом. – А я задался им тогда, когда впервые услышал эту песню. И, вспомнив судьбу Али, пришёл к выводу, что такое бывает.

А вообще-то нет никакого прибора, измеряющего глубину горя, несчастья. Его полностью ощущает либо он сам, если нету самого, то самый близкий ему человек... Али-ага – родной младший брат моей матери. И он с годами для меня из человека, жившего когда-то, превратился в боль, появляющуюся с воспоминанием... Давай-ка, лучше я расскажу тебе всё. Может, мне станет легче.

И Рахмет начал своё повествование.

***

– Ты сам знаешь, наш небольшой аул размещён так, как, наверное, было угодно далёким предкам, в очень удобной местности для житья-бытья. Удобна она тем, что с восточной стороны к нам протягивает, как длинную и толстую шею свою, залив озера Карасу, окаймлённый камышитовой зарослью. Правда, там немного пахло тиной и сыростью, что я не особо любил. А на западе его ласково, бережливо огибает неугомонный даже в зимнее холодище Талас, беспрерывно носящий свою тёмно-зелёную, а иногда и глинистую воду в далёкие барханы Мойынкумов, находясь прямо под крутым яром, в низине. Оба берега реки, заросшие тальниками, джидой и разными кустарниками, о-о, это целый мир. Мир пернатых. Тут круглогодично галдят вороны да грачи, лениво махая широкими крыльями, без усталости ища своими острыми, хищными глазками какую-то живность, парят стервятники. Тут беспрестанно прыгающие с одного на другое дерево и щебечущие воробьи. Хвастливые кукушки тоже здесь. Хотя изредка, но всё же гуляют и фазаны, как будто вышедшие для демонстрации на смотринах своих блестящих, переливающихся при движении цветами перьев. Весной и летом целый рой бабочек с невообразимыми божественными рисунками на крылышках. Все они живут здесь. А вот ласточки, милые ласточки, в моём понимании самые красивые и благородные из диких птиц, хотя ищут тут чего-то, не живут. Они живут в домах вместе с людьми. И в нашем доме, что в середине аула, на невысоком холме, возвышающемся прямо над Таласом, тоже жила одна парочка темноголовых с нежно-белыми грудями, стреловидными крыльями и раздвоенными хвостиками красавиц в построенном ими же самими глинобитном гнезде под потолком на балке в прихожей. А от прихожей, послужившей котельной и кладовкой, расходились направо и налево две большие комнаты. В правой жили мы. Мы – это отец, уже пожилой аксакал, работавший почтальоном, он ежедневно на лошади рано утром отправлялся в райцентр и оттуда привозил полную сумку газет и писем, а после обеда распространял их по всему аулу; мать – тоже в годах, звеньевая свекловодческой бригады, и я, к началу сорокового года достигший шестилетнего возраста. Я был единственным у них, поскольку все трое детей, родившиеся до меня, умерли в малолетнем возрасте. Медицины, как таковой, особенно в аулах, по существу, сам знаешь, тогда не было.

На левой половине дома жили дядя Али с женой Алипой и сынишкой на два года младше меня – Димашем. Как я позже узнал, когда Али-ага ещё подростком остался сиротой, его к себе забрали мои родители и всячески заботились о нём. Он сам тоже был, оказывается, смышлённым парнишкой: окончив семилетку, отправился в Жамбыл и поступил на шофёрские курсы, после окончания их начал работать на Шаповаловской МТС водителем грузовичка, так называемой «полуторки».

Когда Али было двенадцать, мой отец сосватал за него дочь своего старого друга из соседнего аула Дихан, невесту Алипу. И вскоре у них появился Димаш, мой двоюродный брат по материнской линии.

Вот мы все и жили одной большой семьёй. Ели из одного казана, как говорится, собирались все в нашей комнате вокруг низкого стола. На почётном месте всегда восседал седобородый мой отец. По правой стороне от него – мать, по

левой – Али-ага, ниже него – тётя Алипа, она и обслуживала. А мы с Димашем устраивались возле неё. Обед, конечно, был скромным, поскольку были у нас только лишь одна корова с тёлкой, четыре барашка и несколько кур. На двадцати пяти сотках при доме выращивали только кукурузу и тыкву. Заниматься повседневно овощами и бахчой было некому. Все были заняты на работе с раннего утра до вечера. Иногда Али-ага заезжал домой и днём. Когда из-за бугра появлялась в клубах бурой пыли его машина с солнечными бликами на стёклах, мы с Димашем страшно радовались, зная, что Али-ага в таких случаях приезжает, как правило, не с пустыми руками. Сразу одаривает нас то яблоками, то помидорами, то чем-то ещё. А мы, хватая такое лакомство и спешно отправляя его в рот, быстренько устраиваемся в кабину, слегка пахнущую бензином, берёмся поочередно крутить баранку, нажимать на педали, не забывая сигналить. Тут прибегают и другие ребята, чумазые, босоногие, почерневшие от палящего солнца, как и мы сами. И лезут кто в кабину, кто в кузов, толкая друг друга, устраивая такой шум, доходящий до самого последнего дома аула. Из этого невообразимого шума всегда выделялся крик, смешанный нередко и с матернёй, сына колхозного пастуха старика Сарсенбая, Раткула, почему-то чаще называемого Кодаром, именем отрицательного героя из народного эпоса «Козы Корпеш и Баян Сулу». Может от того, что он был горазд сквернословить, несмотря на свой возраст?

Наш ребячий базар прекращался только тогда, когда из дома выходил Али-ага. Несмотря на суровую внешность, его отношение к детям было добрым. Был он почти двухметрового роста, самым высоким в ауле, с чёрными косо изогнутыми бровями, несколько выгоревшими на солнце длинными ресницами, вокруг больших чёрных родниковой глубины глаз, что придавали ему строгий, даже суровый вид. И голос у него был красивый, бархатный, как будто вся душа вложена в нём.

– Ну, товарищи ребятки, наверное, вы знаете, что мне пора на работу, – улыбаясь говорил он обычно. – Как-нибудь я вас всех прокачу и, возможно, отвезу куда-то...

И он держал своё слово. Помню, однажды ватагу ребятшек повёз на станцию Акшолок. Я тогда там впервые увидел пассажирский поезд на колёсах. Но самое главное, что удивило нас – это был паровоз. Огромный, чёрный, пыхтящий мощью, испускающий временами целое облако белого пара, с большой красной звездой на лбу. Большущие колёса тоже были кроваво-красными. А какой гудок у него! От его мощи как будто треснуло небо. А когда трогался с места, из верхней трубы вырывался огромный клубок чёрного густого дыма, с движением поезда превратившегося в длинейший шлейф. И паровоз в нашем воображении превратился в сказочного тулпара-скакуна с чёрной гривой...

Ещё одна особенность Али заключалась в том, что если он приобретёт какой-нибудь подарок, игрушку или рубашонку или ещё что-то для Димаша, то никогда не забывал и обо мне, сыне сестры. Такие поступки его радовали всю нашу большую, трудовую семью. Кстати, Алипа-женеше тоже работала на свекловичном поле. Дома оставались мы с Димашем да ещё пара наших ласточек, у которых к лету вылуплялись маленькие птенчики. И мы на целый день оставляли настежь открытой дверь, чтобы родители птенцов залетали свободно. Даже тогда, когда шли играть со сверстниками или выполняли единственное поручение матери: вести в полдень ленивого ушастого телёнка на водопой к каналу Байзак-тоган.

И вот однажды после выполнения этого задания, переступая порог дома, мы застыли в ужасе: по шершавой стене ползёт вверх серая с чёрными полосками

змея! А там гнездо наших родных ласточек с двумя птенчиками, которые чирикают тоненькими, слабыми голосами, прося еду или ища родителей... Маленький Димаш страшно вскрикнул. Я тоже боялся змей. Но как стерпишь, видя такое зло?! Хорошо, что у меня все еще в руке находилась хворостинка, отломанная от тополя, чтобы приструнить теленка, если он не захочет идти. Ею с размахом и ударил злоумышленницу. Она, гадюка проклятая, свалившись на пол, вмиг образовав своим длинным, ужасающим телом многослойные круги и высоко подняв свою голову с острыми, немигающими глазами, начала шипеть чёрным раздвоенным языком с таким видом, что вот-вот нападет. Мы в страхе отшатнулись назад. Что же делать? Может, не успею я ещё раз ударить, как она нападет на нас? В это время сзади неожиданно раздался знакомый голос:

– Что там у вас? – это Раткул-Кодар. Появление этого отчаянного мальчика придало мне смелости, и я поднял хворостинку. Но тут же меня удержал Раткул, сказав:

– Подожди, Рахмет! Я её сейчас отправлю к предкам...

И он быстро, как молния, своей босой, давно затвердевшей, растресканной чёрной ногой наступил на змеиный круг, оставив только накоротке головёшку. Эта тварь гнусная не успела даже шевельнуться. Только продолжала яростно шипеть.

– Ну-ка, дайте мне клочок бумаги! – крикнул Раткул своим мощным гортанным голосом. Я, быстро порвав газету, отдал клочок. Одной рукой зажав голову змеи, он другой через бумагу поймал её язык, начал упорно тянуть его. Показался и вынулся изо рта красноватый корень языка, который Раткул кинул вместе с бумагой через дверной проём. Затем, ухватив всю змею, живую ещё, и выйдя во двор, швырнул далеко от дома.

– Пускай теперь ею лакомятся собаки, – сказал, тяжело дыша, Раткул.

– Ну и молодец же ты, Кодар! – воскликнул я.

– И ты тоже называешь меня Кодаром... – непривычно тихо, обиженно произнёс Раткул.

– Ой, ты прости, прости, Раткул! Больше не буду! – и я крепко пожал ему руку, которой он только что держал змею...

А вечером мы с Димашем, перебивая друг друга, рассказывали Али о случившемся. Он, внимательно послушав нас, спросил:

– Когда вы всё это делали, были ли родители этих птенцов?

– Их тогда не было, – ответил я.

– Ну, раз так, я за них благодарю вас и Раткула, передайте завтра ему... Молодцы! – Али-ага обняв нас, легко похлопал по спине. – Вообще правильно поступили, защитив беспомощных птичьих детей от ползучего гада.

Но откуда тогда нам, ещё не совсем смыслённым детям, да и даже Али было знать, что с запада ползёт невообразимая чудовищная огнедышащая змея-дракон, пожирая всё без разбора: и детей, и стариков и дома, и целые города на своём пути, создавая моря из крови и слез, тем самым творя преступления, которые невозможно ничем оправдать не только в последующие тысячелетия, но и через миллионы лет человеческого существования. Имя этого чудовища было Война...

В то лето у всех на устах днём и ночью, звучали прежде никогда не слышанные, непонятные слова: «Война! Питлер! Фашист! Германия!». Звучали они с каким-то холодным веянием, оттенком, иногда и явно со страхом, особенно у женщин. А нам, детям, эти слова, казалось, сулили что-то очень и очень интересное, заманчивое.

– Иахимет, – обратился однажды ко мне Димаш, он меня так называл – чуть ли не Архимедом, – ты скажи мне: что такое «война», ты же всё знаешь, а... –

глядит он на меня в упор, одновременно решительным движением вытирая носик рукавом полинявшей и измазанной чем-то рубашонки. Я сперва не знал, что ответить. Задумался. И вдруг осенила меня одна мысль.

– Помнишь, недавно Али-ага повёз нас посмотреть кино про батыра Шапайыва? – быстро спросил я.

– Помню... начало только видел... Заснул, – виновато ответил Димаш.

– Плохо, что заснул, засоня. А там показывали, как батыр Шапайыв на белом коне и в чёрной бурке с саблей гоняют каких-то людей с ружьями... Ох, какой он батыр! Те все побежали! Вот эта и есть война, по-моему.

– А недавно приехал да уехал дядя Абдиман, отец Онласына, тоже на коне... и у него тоже была сабля, длинная такая! – оживлённо говорил Димаш. – Он тоже на войну?

– Наверно...

– А мой папа почему не едет? – теперь несколько ущербно спросил он.

– У Али-ага – не конь, а машина. Как он... – озадаченно ответил я.

– На машине быстрее же доедет... и быстрее вернётся...

– Не знаю я, Димаш! – резко, чуть ли не окриком сказал я. Потому что я тоже чувствовал себя каким-то ущемлённым, завидовал Байкадаму, Сейсебаю и другим многим пацанам, у которых отцы или старшие братья отправлялись в армию. Вот в таком состоянии спросил у отца: «Почему ты не поедешь туда?». А он тяжело вздохнув, тихо ответил: «Меня же не возьмут, сынок, старый я». – «Хоть не возьмут, давай поедем, ата?» – настаивал я. «Э-э, куда же нам, Рахметжан...» – ещё с большей грустью ответил отец.

Что ни день из аула кто-то из взрослых уходил в Жамбыл, а оттуда, видимо, на войну. К осени было заметно уже, что сильно поредели аулы. И однажды после обеда Али-ага вернулся домой, к нашему удивлению, пешком, без машины.

– Жезде, апке, – обратился он к моим родителям с грустной, усталой улыбкой, – настал и мой черёд – завтра рано утром, наверное, проводите меня в город...

– На войну, коке? – Почти радостно спросил Димаш, не дав другим и рта открыть. Али-ага, подняв и крепко обняв его, ответил:

– Да, Димашжан...

– А где твой конь?

– У меня будет танк.

– А что такое танк?

– Это очень большая машина, сыночек.

– А в ней есть сабля?

– В ней будет пушка.

– Что такое пушка?

– Это очень большое ружьё.

– И будешь им стрелять?

– Придётся, наверно, и стрелять.

– О-хо-о! – восклицал Димаш с очень довольным горделивым видом. Зато лица, как я заметил, родителей и тёти Алипы стали сразу тревожно-грустными. Почему? Я никак не понимал их такого состояния.

Уже вечером Али-ага, взяв с собой нас с Димашем, заходил по многим домам, прощаясь с их хозяевами. И многие из них просили его передать привет своим родным, если, конечно, он с ними встретится, говоря «пускай не волнуется, мы все живы-здоровы, пусть бережёт себя...». Когда мы возвращались домой, Али-ага, ласково поглаживая мою голову, тихо говорил мне: «Айналайын, Рахметжан, ты уже большой у нас. Присмотри за Димашем, братишкой своим... Он же ещё маленький, не дай его никому в обиду. Часто пиши мне письма, ты же грамотный, второклассник».

Начали дробно стучать капли дождя, звучно восседая в дорожную пыль и выбивая в ней пенные пузыри.

– Давайте, ребятки, побыстрее шагайте, вы же будущие солдаты. А то промокните.

Все мы рано поднялись. Отец спешно запряг свою лошадь в бричку и застелил её сперва соломой, затем цветастой кошмой. И все устроились: отец с Али впереди рядом, сзади них мать и Алипа. А мы с Димашем – в конце кузова. Тихо тронулись со двора, на днях смазанные солидолом колёса брички издали очень мягкий монотонный звук, так что ничьи собаки не залаяли. Может, они ещё спят, поскольку влажный воздух располагал ко сну. А аул за ночь успел застелить жидковато-белёсый туман. И кругом стояла тишина. Но она вскоре, когда мы начали спускаться вниз к мосту с высокой деревянной аркой через Талас, неожиданно была нарушена. Спешно пролетела целая стая чёрных ворон о чём-то жутко, тревожно каркая, чуть ли не касаясь крыльями макушек карагачей, оголённых, потерявших с началом прохладной, ветреной осени свои мелкие листья и ставших похожими на огромные старые веники из полыни.

– Ух, проклятые, накличете беду на свои же головы! – гневно произнесла мать, злым взглядом провожая ворон.

– Да, ты не обращай внимания на них. Вороны созданы для карканья, что с них... Карга есть карга, – отец успокаивал её. А Али-ага, молча повернувшись назад, долго поглядывал в сторону аула, крайние дома которого уже начали вновь входить в объятия тумана. Затем он медленно перевёл свой взгляд на оба берега Таласа. Серьёзное, даже несколько грустное выражение его продолговатого худощавого лица сохранилось, как мне показалось, до тех пор, пока дорога не сравнялась с окраиной аула Дихан и не обратился к нему отец, многозначительно улыбаясь:

– Алижан, тебе знаком этот аул?

Али-ага тоже мягко улыбнулся, кивая головой:

– А как же...

– А ты помнишь, как мы сватали и увезли отсюда Алипу?

– Это вы уж лучше спросили бы у самой Алипы...

Все взрослые рассмеялись. А мы с Димашем не поняли смысл этого весёлого смеха. Мало ли что на уме у старших...

Когда уже порядочно отделились от Дихан и рассеялся туман, отец и Али-ага начали какую-то длинную и долгую беседу. Говорили они вяло, без воодушевления. Но зато мать с Алипой живо обсуждали что-то. Смысл их разговора я тоже не уловил. Скучно стало. И вдруг я, вспомнив об асыках-альчиках, что всегда находились в левом кармане фуфайки, вытащил их и мы с Димашем приступили к игре «Ийрмекил». Была такая очень интересная, занимательная игра. И мы продолжали шумно играть до тех пор, пока в полдень отец громко не объявил:

– Вот и Сарыкемер, теперь и до Аулие-аты не так уж далеко, бог даст, к вечеру доедем.

Затем он обратился к матери: «Давай, выкладывай что имеешь, будем обедать».

После обеда, накормив лошадь из торбы овсом и напоив её арычной водой, продолжили путь. Мы с Димашем ещё поиграли, пока он вдруг в сидячем положении не заснул, а Алипа уложила его рядом с собой, подложив под голову свой бархатный камзол. А я держался, оглядывая ранее не виданные, незнакомые места. Но мне это позднее надоело, и с хныканьем я спросил у отца:

– Ата, когда же мы доедем?

– Теперь недолго нам ехать. Ну-ка, смотри вон туда, – сказал отец, указывая плетью вперёд куда-то. – Что видишь?

Я напрягся. Впереди белело что-то похожее на крошечные дома, и их было очень много.

– Кажется, дома...

– Правильно говоришь. Это и есть Аулие-ата... – отец обычно на старый лад называл Жамбыл Аулие-атой. Мне стало спокойно, и я лёг возле Димаша. Смотрел в тускнеющее небо. И постепенно мир как будто мягко сузился надо мной... Я не заметил, как заснул крепким, безмятежным детским сном.

Только утром следующего дня проснулся я в какой-то незнакомой комнате. Протирая глаза, вспомнил, что отец ещё вчера говорил: «Возможно, мы остановимся у хозяйки постоянного дома нашего колхоза, у старушки Келеке». Оглядываясь вокруг, увидел, что Димаш, лёжа рядом со мной на нарах, всё ещё спит. В это время вошли в дом наши родные.

– А где Али-ага? – сразу спросил я у отца.

– Отправили... отправили мы его под утро... на... на фронт.. Дай Бог ему вернуться целым и невредимым... – отец провёл морщинистыми ладонями по лицу.

– Ай, Рахмет, и тебя, и Димаша сколько мы будили, чтобы Алижан простился с вами. Но напрасно, – почти плачущим голосом с трудом выговаривала мать. – А Алижан целовал да целовал в щёчки вас обоих. О, аллах, спаси его доброе сердце...

Вижу, что глаза и лица у матери, да и у Алипы красные, опухшие. А отец казался мне только за один день ещё более постаревшим.

Так мы проводили дорогого нам всем Али на войну, всю адскую сущность которой не только мы – дети, но и наши родители толком не представляли себе.

Страшная сущность того, что творилось на далёком западе, проявлялась сперва массовой отправкой молодых парней в неизвестность и с каждым днём становившимися более тревожными разговорами взрослых.

Однажды, где-то ближе к зиме, наша учительница Алтынкуль-апай вошла в класс с печальным видом. Мы никогда не видели её такой, она была всегда спокойной, даже тогда, когда мы боролись и устроили настоящую свалку, чтобы хоть таким образом согреться в холодной, неотапливаемой классной комнате. Мы встревожились.

– Что с вами, апай, не заболели? – это Раткул осмелился задать ей вопрос. Она, промолчав малость, медленно поправляя седые волосы с висков, всё же ответила. Ответила подавленным голосом:

– Вот что, дети... Враг приближается к Москве...

Я невольно задумался: «Как же так? Москва же, как нам говорят, сердце Родины... Там же мавзолей Ленина, там же находится Сталин... Кто же пропустил врага? Ах, как жаль, что убили батыра Шапайыва, то есть Чапаева! Если бы он был жив, то давно прогнал бы врагов... А что делает Абдиман-ага, отец Онласына, у которого была тоже длинная сабля? Где же дядя Айтбек, Канибек, Байсак, Ержан... и наш Али-ага?.. Почему они не побьют и не остановят врагов? Может, Али-ага ещё не успел, ведь он недавно только в своём письме говорил, что учится на танкиста недалеко от Москвы... Вот он вскоре пойдёт на врага на своём танке и даст им жару!».

– Не бойтесь, ребята, – сказала теперь уже более бодрым голосом Алтынкуль-апай, как будто угадав мои мысли. – Наша Красная Армия победит врага. Так сказал наш великий вождь товарищ Сталин.

Мы, дети, и без уговора Алтынкуль-апай особо не боялись. Не боялись до того самого дня, когда отец после обеда приехал со свежей почтой из Сарыкемера в каком-то непонятном настроении, с почти измождённым лицом. И, слезая с лошади, ещё не заходя в дом, что-то сказал шёпотом матери, встретившей его

и помогавшей ему забрать с седла огромную чёрную почтальонскую сумку. Мать моментально ахнула, ухватив обеими руками голову, сумка рухнула на землю.

– Что случилось, апа? – со страхом поинтересовался я. Мать смотрела на меня каким-то горестным, блуждающим взглядом и не отвечала. Только отец, крикнув, стал успокаивать меня:

– Ничего, Рахметжан... У неё разболелась голова... Такое бывает иногда.

Он, войдя в дом, небрежно скинул свою оранжевую овчинную шубу и сапоги, в бешмете сразу лёг на деревянную кровать, повернувшись к стене. Отказался и от чая. Безмолвно пролежав пару часов, вдруг быстро встал и, одевшись, вышел во двор. Когда он уже сел на коня, я опешил:

– Ата, ты забыл свою сумку!

– Не надо, это потом... Я сейчас по другому делу.

Уже к вечеру вернулся отец, и вместе с ним в наш дом нахлынули почти все аксакалы аула. Кто на лошади, кто на ишаке, кто пешком. За ними последовали женщины. Все они, собравшись в толпу и шушукаясь о чём-то, направились в соседний абдимановский дом. Пошли и мать с Алипой. Мы с Димашем, хотя ничего не понимали, следовали за ними.

– Так много гостей к нам! – удивлённо, даже чуть горделиво сказал нам Онласын, когда встретились в их дворе.

– Давай, снова сыграем, – сразу предложил ему Димаш. – В тот раз ты меня обыграл, и мои два альчика у тебя.

– Ну, давай, коль хочешь... – и Онласын начал было вытаскивать асыки из карманов своих изношенных ватных брюк, как из дома раздался страшный женский вопль. Взглянув друг на друга, мы трое устремились к двери. Открылась перед нами ужасная картина: безудержно ужасно крича с распущенными чёрными волосами и исцарапанным до крови лицом сидела возле печки, иногда сильно стуча кулаками об пол, покрытый кошмой, тётя Илескуль. А бабушка Бубишаим в белом кимешеке тоже лежала на полу, кажется, без сознания, распластав руки по сторонам. Женщины хлопотали возле неё, брызгая водой на лицо. А старики, опустив головы, сидели посередине большой комнаты на невысоких стульях. Через некоторое время начал говорить Садык-ата своим могучим басовитым голосом, прикрывая крик тётя Илескуль:

– Успокойтесь, успокойтесь, Илес. Абдиман дорог не только вам, но и нам всем. Не парнем, а настоящим соколом был он. Сломали ему крылья эти проклятые враги... Что поделаешь, такова была, наверное, воля божья. Вот сыночек Абдимана, Онласын, бог даст, скоро вырастет, вас будет лелеять... Успокойтесь, я сейчас буду читать слова священного Корана, посвящая духу нашего Абдимана.

Все стихли, даже тётя Илескуль сдерживала себя, хотя иногда коротко рыдала и тяжело вздыхала.

В произносившихся мелодичных, пусть даже непонятных, арабских словах было что-то успокаивающее, убаюкивающее.

– Онласын, ты не горюй. Абдиман-коке ещё прискачет на коне домой. Куда же он денется, – сказал я, когда мы втроём вышли из дома, хотя сам не очень верил сказанному. А Онласын был в каком-то непонятном состоянии, в шоковом что ли, в его с жидким водянистым блеском глазках блуждали не то печаль, не то ожидание чего-то. В таком виде его, бедного, мы и оставили...

Не зная, что делать, я с Димашем долго стоял во дворе нашего дома. В голове смешалось всё: и сегодняшние уроки, и взгляд Онласына, и думы о войне. Война... Она мне казалась до сегодняшнего дня какой-то очень интересной, занимательной игрой для взрослых. А в самом деле, что же получается? Раз в ней человек совершенно здоровый, в расцвете сил погибает. О-о, это...

– Иахимет, – прервал ход моих мыслей Димаш, – укажи мне, ты же знаешь, мой папа уехал туда? – и он махнул рукой на юг, в сторону гор Алатау. – Может, я пойду туда, и ты тоже, если хочешь ...

– Нет, не туда... А вон туда, – я указал на запад. А там красным огнём догорал закат.

– Там же... там же огонь, пожар! – сказал чуть дрожащим голосом Димаш. – И мой отец со своей машиной... может сгореть, а?..

– Нет, сгорит не Али-ага, а враги! – резко и твёрдо ответил я. Смотря на его обмякшую физиономию, я понял, что в его душе осталась тень сомнения, подозрения. Она присутствовала и во мне. Стало тревожно. И эта тревога нарастала, набирая всё новые и новые силы. Нарастала потому, что отец стал нередко привозить с собой ту проклятую «чёрную бумагу» – похоронку. То в одном, то в другом доме нашего небольшого аула раздавались душераздирающие крики, безудержный плач, заполняя небо как неожиданно взметнувшимся вверх пламенем. Пламенело глубочайшее горе, обжигая, пожирая души.

Однажды отец, приехав с Сарыкемера, с грохотом скинул на пол свою тяжёлую чёрную сумку.

– Не буду больше таскать почту! – гневно сказал он ошарашенной матери. – Хватит мне на старости лет быть вестником смерти!

Я и раньше замечал, что в последнее время у отца, обычно спокойного, вдумчивого человека, участились такие вот вспышки страстных, порой даже страшных слов.

Мать старалась всячески успокоить отца, уже развалившегося на кровати: прикрыла его спину шубой, спросила, не подать ли ему горячего чаю. Но вместо успокоения отец ещё громче уже с дрожью в голосе буркнул:

– Ко всему-то, кажется, подлец-человек привыкает. А я последний подлец, что ли?!

– Нет, конечно, – сказала мать, и, сделав некоторую паузу, продолжила. – Успокойся... Ты же сам не раз говорил, что нельзя обо всём судить быстро и пылко. И сам учти это... К тому же, ты привозишь не только эти ужасные «чёрные бумаги», но и письма, которые приносят ни с чем не сравнимую радость. Люди, когда их получают, готовы тебе руку целовать! Разве это плохо? А как мы сами радуемся, когда получаем письма от Али!

В самом деле, каждое письмо Али было для нашей семьи настоящим праздником. Особенно одно, где он сообщил, что 7 ноября на своём танке в параде прошёл через Красную площадь, хотя издалека, но всё же видел самого Сталина, стоящего среди других вождей на Мавзолее, и затем сразу били врагов под Москвой, погнали их... В письме больше всех обращался к Димашу: вот, мол, ты на следующую осень пойдёшь в школу, а там хорошо учись, как Рахмет, он молодец, если что не понятно, то он обязательно поможет.

Услышав эти слова отца своего, ох, как радовался и гордился Димаш! Да и мы все не меньше. Алипа и я много раз перечитывали письмо с упоением.

Другое, более позднее письмо было нерадостное: «Приходится отступить, оставили большой город Харьков, днём и ночью сражаясь, приближаемся к большой реке Дон... Но не бойтесь, всё равно побьём и уничтожим чёртового фашиста...».

С фронта по-прежнему не только поступали письма и похоронки, которые всё же продолжал привозить отец, но и возвращались, хотя редко, раненные, покалеченные. Первым был Мадибай, потерявший обе ноги до колен. Вместо ног у него были протезы. Рассказывали, что он у нас был муллой, за что его когда-то чуть не погнали в какую-то далёкую, холодную Сибирь. Но, несмотря на это, его уважали все, включая детей. Он был очень добродушным и милым...

После него вернулся Нуртай, потерявший пол-лица и несколько рёбер. Он подарил мне свою солдатскую пилотку с красной звездой, которую я носил с гордостью...

Однажды летней ночью, когда все легли спать, я услышал тихий, молитвенный голос матери: «О, всевышний Аллах, верни нам Али живым, пусть... пусть даже раненным...». Я понимал эти слова и легкую дрожь в голосе матери. С тех пор как наступило лето, прекратились письма от Али-ага. Поздно ночью возвращаясь с поля, мать и Алипа первым делом смотрели с надеждой на отца: нет ли письма? А мы с Димашем раньше их, когда вернёмся с хлебных нив, где под палящим солнцем, мучаясь от жажды, по одному собирали и укладывали в торбу, прикрепленную к поясу колосья пшеницы, оставшиеся по краям загона нескошенными комбайном, интересовались. Отец молчал... Мы, чтобы хоть немножко развеселить его, показывали собранное добро. А он, чуть улыбнувшись, мягко хлопал нас по спине:

– Молодцы, кормильцы наши!

... Шли дни, шли и похоронки, как будто соревнуясь с письмами. Газетные сообщения, которые читал отец ночью при свете керосиновой лампы, становились одно тревожнее другого.

– О боже, враг приближается к Сталинграду... Это же совсем недалеко от Казахстана! Неужели, неужели...

Все мы насупились... «А где тогда Али-ага? Почему не пишет он? Или он...» – я задумался. Такие мысли, я чувствовал, были у всех на уме. И все молчали, хотя всех изводили ожидание и нетерпение. В середине осени пришло спасительное письмо от самого Али! Мы свободно вздохнули. Извиняясь за то, что не мог подать весточки, он сообщил: «В бою враг поджёг наш танк, и мы с товарищами остались под огнём, но все спаслись, хотя и были ранены. Меня ранили прямо под левую лопатку, хорошо, что не задела сердце. Осколок вынули. Правда, пришлось долго лечиться, теперь я в своей части, находимся под Сталинградом. И мы его ни за что не отдадим. А я сполна дам сдачи врагам...». В конце письма он, как обычно, обратился лично к Димашу самыми ласковыми словами, на сей раз желая ему отличной учёбы в первом классе.

Димаш, этот чернобровый, весь в отца, добрый мальчонка и так был чрезвычайно склонен к учёбе. Он, несмотря на плохую погоду, и зимой, и летом дожидался меня возле школы. Постоянно расспрашивал меня, ещё не став учеником, знал почти весь казахский алфавит и цифры до десяти. А как пошёл в первый класс, то уже через месяц умел писать целые предложения. Когда однажды я под диктовку матери писал письмо Али, он под конец дописал собственноручно: «Папа, я уже умею писать, у меня одни пятёрки. Ты быстрее победи врага и возвращайся. Я тоскую по тебе. Твой сын Димаш. 1 декабря 1942 года».

В самом деле, он учился «на отлично», и перед зимними каникулами председатель нашего аулсовета Зияда-апай вручила ему премию в виде полотенца. Кстати, и мне, третьекласснику, тоже. Ликовала наша семья. У всех, даже у отца, на лицах были улыбки, на устах радостные возгласы, которых давно я не видел и не слышал. Но... но в тот день никто из нас ни чуть не подозревал, что к нам бесповоротно, упорно приближается страшное горе со своим неотразимым ужасным ударом. В последний день зимних каникул, в то злосчастное, трагическое утро отец как обычно отправился в райцентр за почтой, а мать во время чая сказала:

– Кизяки кончились, а жантак на исходе и скоро нечем будет растапливать печь. А мороз, наверно, ещё затянется. Сейчас все пойдём в Карасу, да и ишака нашего погоним туда, мы с Алипой будем рубить камыш, а Димаш, если сможет, будет таскать его на берег по льду...

– О, я смогу это сделать! – воскликнул Димаш.

– Ну и хорошо, молодец. А Рахмет, когда мы снопы погрузим на ишака и привяжем арканом, повезёт их домой и разгрузит, затем снова сюда. И до вечера заготовим топливо...

На дворе стоял мороз. Маленькое бледное солнце, за весь день ничуть не поднимающееся высоко в зенит, а быстро колесящее по какой-то короткой дорожке своей в низине, не грело. К тому же год был снежным и мы все шли гуськом, протаптывая дорожку в сторону залива озера Карасу, что в метрах двухстах-трёхстах от нашего дома. Трудно было угадать, насколько крепок лёд, поскольку всё было покрыто толстым слоем снега. А камыш, высокий, с пуховой головкой, весь пожелтевший за осень, стоял плотно. И мать с Алипой, надев большие самодельные рукавицы из дублёной овчины, то серпами, то кетменем начали прямо под корень рубить камыш. А Димаш стал непрерывно таскать охапками их на берег, довольный, румяный. Работа спорилась, как и предполагала мать... Вот и я отправился домой с первой партией. Наш серый ишак, когда загрузили на его спину целых восемь толстых и длинных снопов, ничуть не напрягаясь, уверенно стал карабкаться за мной, разрезая и вытаптывая снег слегка своими острыми небольшими копытами. «Да, это животное – настоящий трудяга, – подумал я, – к тому же неприхотлив, довольствуется даже остатками сена от отцовской лошади. Не боится капризов погоды: хоть дождь, хоть снег – ему нипочём, стоит себе преспокойно, иногда только хлопая большущими ушами, как будто выражая нежелание слушать излишний шум или не очень одобряя что-то...».

Когда я к обеду, сделав уже четвёртый или пятый рейс, освобождал от груза нашего доброго помощника-осла вдруг долетел до меня слабый крик матери. Повернул голову с птичьей быстротой. Она отчаянно махала рукой. «Рахмет, давай, давай скорее!» – доносился голос матери. Я, прыгнув на осла, сильно ударил камчой беднягу. Поскакали рысью. А мать исчезла – быстро спустилась вниз. Когда я доехал, видел, что Алипа, ухватив Димаша с обеих сторон, тащит вверх его, еле держащегося на ногах. А он весь мокрый, с полушубка, брюк и сапог течёт вода. Сам бледный-бледный, трясётся. Дрожит стуча зубами. Я, не задумываясь, сразу надел ему свой полушубок. Но какой толк, у него внутри вся одежда мокрая.

– Что случилось с Димашем? – со страхом спрашиваю я.

– Проклятый лёд лопнул! – начала быстро объяснять мать. – Услышала треск, смотрю, Димаш барахтается по горло в воде между льдинами. Еле вытащили...

А Алипа не переставала плакать даже тогда, когда мы Димаша спешно посадили на осла и тронулись, что злило мать:

– Кончай же ты выть, дура! Что кличешь беду, перестань!

Потом она ласково обратилась к Димашу, которого я придерживал:

– Потерпи, Димаш, немножечко... Сейчас затопим печку, укутаем тебя шубой Али и тебе будет тепло...

Так и сделали, постелив для Димаша возле печки. Но он беспрестанно ужасно дрожал. Скоро приехал и отец. Он, узнав, в чём дело, пощупал его пульс и недовольно покачал головой. Затем быстро оделся и вышел из дома, сказав:

– Позову доктора.

Вскоре снова раздался топот копыт – значит, вернулся отец. И все смотрели на дверь. Но зашёл он один.

– Нету его, Поликовского. Оказывается, ещё утром уехал в город за лекарствами.

Все промолчали, только Димаш временами издавал лёгкие вздохи.

– Что же делать, а?.. – отец в раздумье начал ходить по комнате туда и сюда. Вдруг он резко остановился и, повернувшись к матери, строгим голосом сказал: – Вы, кажется, дали ему только чая, дайте же ему и горячего молока с маслом!

– Дали, но Димаш не хочет, – каким-то беспомощным голосом тихо ответила мать.

– Димаш, выпей-ка... Тебе станет лучше, – теперь отец стал уговаривать Димаша.

– Нет, не хочу, ата, – с трудом, шёпотом ответил он.

Уже вечерело. Сквозь окно проникли последние красные лучи солнца. Из-за них мне казалось, что бледные щёки Димаша стали алыми.

Отец, сев возле Димаша, сперва слегка погладив его по голове и шепча «Димаш, дорогой...», осторожно положил свою ладонь на лоб мальчика.

– Жар... начинается жар... О, Аллах!.. – тихо вздохнул отец.

– Что же нам делать?!

Хоть я и не знал смысл слова «жар», но судя по выражениям лиц взрослых, понял что это означает что-то нехорошее. У Димаша участилось дыхание, как будто ему не хватало воздуха, к тому же он начал кашлять. На лбу появились мелкие бусинки пота... Так длилось долго. Мне стало страшно жалко Димаша. И я готов был, ничуть не раздумывая, принять все его мучения на себя, если бы это было возможно. К полуночи ему как будто стало легче. И он, найдя меня взглядом, улыбаясь с трудом, с очень ослабленным голосом произнёс протяжно:

– Иахимет, я... я позавчера не смог.. не смог решить одну задачку... которую мы ещё не прошли... Ты... можешь?

Я, быстро обняв его, сказал ему на ухо:

– Помогу, конечно, Димаш! Обязательно помогу.

Димаш смотрел на меня благодарным взглядом.

– Рахмет, иди спать, завтра же в школу, – сказала мать. – Мы здесь с Димашем побудем ещё...

Проснувшись рано утром, даже не одевшись, побежал в другую комнату. Мать и Алипа находились возле изголовья Димаша. А он лежал неподвижно с закрытыми глазами. Мне от утреннего полумрака его лицо казалось синеватым.

– Димаш, – потрогал я его руку, а она была почему-то холодной, мать предупредила:

– Тише... Димаш спит...

В это время Димаш, вдруг широко раскрыв глаза, вскинув вперёд обе руки, поднимая голову умоляющим хриплым голосом почти крикнул:

– Папа! Забери меня с собой! Не оставляй!

И его голова тут же упала на подушку, глаза закрылись, руки опустились. В это время шумно вошли отец и доктор Поликовский. Доктор, пощупав пульс и послушав грудь Димаша, выпрямился и снял свою ушанку.

– Крепитесь... Вы потеряли мальчика, – медленно сочувственно бубнил он. – Жаль, очень жаль... Я ничего не могу сделать...

Эти его слова были для нас сильнее удара молнии. После минутного остоления раздался многоголосый плач. Плакали мы все.

На следующий день наш Димаш так неожиданно, так быстро, разрывая наше сердце, превратился в маленький рыжеватый холмик на родовом кладбище, что на высоком холме недалеко от Таласа. Вечером запылили его хлопья белого-белого снега, как сама душа моего Димаша. И мне казалось, что с уходом Димаша я потерял половину собственной души. Я плакал не только наяву, оказывается, и во сне. По утрам подушка была всегда мокрой. Так я впервые в жизни встретился с настоящим горем, этим огнём, безжалостно обжигающим весь внутренний мир человека, его существо. Страшно горевали и отец, и мать, а бедняжка Алипа вообще слезла. У матери, кроме глубочайшего горя, было ещё и отчаянное сожаление:

– Это я, старая дура, убила Димаша! Зачем, зачем я взяла его с собой? Сами управились бы... Лучше утопла бы я сама, о боже!.. – Часто повторяла мать, с трудом сдерживая рыдания.

– Перестань убивать себя, Талим. На всё воля Божья, – старался успокоить отец, хотя сам тоже горевал не меньше. Он пробовал своим красноречием хоть чуточку утешить и Алипу. – Дорогая, хватит плакать. Слезами уже не вернёшь Димаша... Давай, лучше помолимся Аллаху, чтобы он оберегал нашего Али. Бог даст, он вернётся. И снова у вас пойдут дети, вы молодые. Если появится мальчик, уверен, что Али не будет возражать, я назову его Димашем.

Я сам, улавливая подходящие моменты, тайком от родителей почти каждый день посещал на кладбище Димаша. «Ой, как холодно под землёй Димашу! Как мне помочь ему хоть немножко согреться?». От жалости и бессилия сердце сначала сжимается до предела, а затем бьётся у самого горла... В таком состоянии я подолгу стоял до окоченения и тогда мне казалось, будто слышу мягкий, милый голос Димаша: «Ияхимет, ты замёрз, иди домой. Мне тут тепло». Поворачиваюсь, глаза и лицо обжигают слёзы.

По прошествии нескольких дней однажды вечером отец Алипу и меня строго-настрого предупредил:

– Когда пишете письмо Али, о смерти Димаша – ни-ни! Даже полслова. Это будет для него хуже вражеской пули.

Наша семья, получившая так нелепо страшный удар и кровоточащую рану в самом сердце, хотя и не оправилась, но всё же стала медленно, болезненно входить в ритм жизни, в её водоворот. Отец, разумеется, возился со своей почтой, мать и Алипа, несмотря на зимние холода, с утра до вечера работали на заготовке навоза на фермах и перевозке их на будущие свекловичные поля, а я, конечно, был занят до обеда в школе, после – расчисткой двора от снега, кормил и поил малочисленный скот. И всё время, где бы я ни был и чем бы ни занимался, у меня было такое ощущение, что со мной рядом Димаш, и даже слышал его дыхание.

Где-то в середине февраля 43-го года нас из горестного оцепенения вывело очередное письмо Али, походившее на яркое, тёплое солнышко, неожиданно выплывшее из-за серых, суровых облаков, давно окутавших наши души. В нём он с восторгом сообщил, что в городе Сталинграде уничтожено великое число вражеских войск, остальные бегут туда, откуда пришли.

– Так и надо сволочам-разбойникам! Пусть скорее бегут к своим норам! – воскликнул отец, прервав чтение Алипы. Обычно первой она читала каждое письмо, а я затруднялся, поскольку Али часто использовал латинские буквы, которые они учили в школе.

В конце письма Али снова обращался к Димашу: «Почему ты перестал писать мне, или ленишься? Не надо быть лентяем, сыночек. Я тебе и Рахмету скоро привезу много тетрадей и карандашей, и даже цветных...».

Ох, знал бы он что случилось! Мать и Алипа зарыдали, кончиками платков вытирая льющиеся горячие слёзы. А отец, сморщившись, опустил голову и остался долго в этом угрюмом положении.

В тот же вечер при свете десятилинейной керосиновой лампы я под диктовку отца писал ответное письмо. Рассказывая о том, о сём, в том числе, что в ауле поселились несколько семей немцев, но они не те, с кем вы воюете, а наши советские, люди очень порядочные, мастеровые. В конце объяснили Али, что пишем мы обычно поздно ночью, когда Димаш уже спит. Поэтому не надо думать, что он лентяй, он просто молодец...

Кем-то из числа мудрецов сказано, что время и труд способны исцелять всякую раненную душу человеческую. Я эту истину, неосознанно ощущал впервые той долгожданной весной, с наступлением которой стала пульсировать жизнь нашего аула. Разнесчастные старики, женщины, да и дети – все взялись за что-то: кто на севе, кто на фермах... На колхозной кузнице взялись за дело

немцы-переселенцы. Среди них особо выделялся Володя Штальбаум, по-казахски Болатка, громадный парень-блондин с красивыми голубыми глазами, мастер на все руки: то ремонтировал брочки, косилки, то ковал ножи и копачи для уборки сахарной свёклы. А то чинил домашнюю утварь. Никогда никому не отказывал в помощи.

В школе часто прерывались занятия. Нас посылали работать на первых порах на свекловичные поля прореживать всходы, уничтожать сорняки. А летом, уже в каникулы, работали на току на очистке зерна. Зерно в основном на телегах, а то и в малочисленных автомашинах, непрерывно отправлялось на станцию Акшолок. Везде были видны белые надписи на красном полотне: «Всё для фронта! Всё для победы!». Эти слова, по моим ощущениям, были и велением, беспрекословным приказанием грозного времени, и единственным жгучим желанием нашей огромной Родины. И все подчинялись этим магическим словам, имевшим мобилизующую силу. А я иногда мечтал: «Как хорошо было бы, если бы Али ел хлеб, испечённый из нашего зерна! Но как жаль, что его не коснулись ручки Димаша...». В последнее время стали звучать в ушах слова, неоднократно произнесённые отцом: «Всякие невзгоды укрепляют тебя, как сталь». И они действительно подействовали. Не только на меня, мать и Алипа стали плакать реже, крепились...

Настала осень – в наших краях пора смягчения красок после разноцветного, резко яркого, бурно растущего лета. Всё пожелтело, слегка золотилось, приобрело неброскую окраску. Но вразрез с этим природным явлением, задался мощный темп уборки урожая на свекловичных полях. Задали его, в основном, женщины... Вот они на машине едут по главной Советской улице аула перекусить в обед. Все стоят в кузове, впереди – наша Алипа, самая красивая, солидная из всех, в белом платье и чёрном жилете, с тугой длинной косой на спине... И все они – солдатки, некоторые уже успевшие стать вдовами. Стоят, обнимая друг с друга, и поют. Поют новую песню, неизвестно кем сочинённую, но исходящую из самого сердца, и тем самым трогающую душу каждого, особенно часто повторяющийся припев: «Госкую, госкую по тебе, родной! В здравии ли ты, любимый мой?!».

Среди других выделялся голос Алипы, выделялся высотой, широтой и какой-то неуловимой яркой краской.

Вообще-то она пела редко, разве что на молодёжных вечеринках вместе с Али. Это в прошлом. А в настоящем иногда из их комнаты доносились тихие, очень грустные напевы, и мне казалось, что она одна для себя пела и плакала.

Плакала не только она. Не прекратились похорожки, несмотря на то, что радио и газеты постоянно сообщали об освобождении того или иного города, о вражеских потерях. Участились также возвращения раненых. В числе их в начале 1944 года явился и Сагит, которого в ауле и стар и млад называли не иначе, как «Гундосый Сагит». В самом деле, он – низкорослый, курносый, с узкими глазами, в которых постоянно высвечивались какие-то искорки мелкой хитрости, корысти – страшно гундосил. Сказывали и то, что от него всегда идёт дурной запах. Тем не менее у него была миловидная, тихая жена Турсынкуль, а также сын Бейсенбай – мой ровесник, к его счастью, походивший на мать.

И этот Сагит вернулся целехоньким, не так как Нуртай-ага и другие искалеченные фронтовики, чуть-чуть только хромал на левую ногу, обутую в блестящие хромовые сапоги, а не солдатские кирзовые, не сильно опирался на трость с набалдашником и круглым резиновым наконечником, похожим в аулсоветовскую печать. На груди гимнастёрки была одна медаль с надписью «За оборону Кавказа», и слепому было видно, что Сагит очень гордился ею.

Через пару дней после приезда отлучился он куда-то. Долго пропадал. Кое-кто из стариков объяснил это тем, что он, наверно, ведёт переговоры с

райкомом чтобы стать начальником. И он добьётся своего, потому что с рождения такой настырный...

А вскоре это предположение оправдалось: бригадира Шынгысбая, семнадцатилетнего парнишку, досрочно отправили в армию, а его место занял гундосый Сагит. Узнав эту новость, отец, ударив камчой по голенищу своих сапог, фыркнул: «Когда нет собаки, свинья лает во дворе...».

Рано утром каждый день тишину нарушал то в одном, то в другом дворе своим гундосым голосом Сагит. Этот голос был удивительно похож и на лай какой-то паршивой собачки, и на хрюканье беременной свиноматки одновременно. Говорил он также не по-человечески со всеми, без уважения, с гонором и угрозой, не забывая никогда возвеличивать себя. Однажды утром, когда собирався в школу, я сам стал свидетелем такой картины.

По-соседству с нами жила с двумя малолетними детьми, теперь уже вдова, Айымкуль. Женщина лет за тридцать, крупного телосложения, со строгим смугловатым лицом. Зубастая, но справедливая. Муж её Кыдырбай был до войны единственным трактористом-казахом в ауле, водил огромный гусеничный трактор ЧТЗ. Он очень дружил с Али, хотя был несколько старше его. К их дому подъехал на коне Сагит и, не слезая, стал стучать камчой в окно так сильно, что стёкла могли запросто разбиться.

Спешно вышла тётя Айымкуль, натягивая рукава фуфайки.

– Ты, баба, почему так долго спишь? – громко гундосил Сагит.

– Не сплю я, бригадир, всю ночь не спала, – усталым голосом вяло ответила она. – Дочурка моя сильно заболела. Кашляет и жар у неё! Глаз не сомкнула. Ой, что же мне делать, а?

– Иди-ка на работу, на прополку!

– А как же с дочкой-то? – удивлённо и тревожно глядела она на гундосого.

– Ничего, не сдохнет.

– «Не сдохнет» говоришь? – уже гневно переспросила тетя Айымкуль, презрительно сощуриив глаз.

– Болеют да выздоравливают. А работа не терпит.

– А ты разве не слышал, что в прошлом году сын Али – Димаш болел вот так всего один день и помер?

– Э-э, я не ангел-хранитель, чтобы...

– Ты... сволочь бездушная, вот ты кто! – тётя Айымкуль уже заорала, исказилось и побледнело её смуглое лицо.

– Кого ты сволочишь, баба негодная?! Меня, фронтовика, проливавшего кровь за Родину! – каркал Сагит.

– Плевала я такому фронтовику, как ты! Вон мой Кыдырбай – фронтовик, дважды был тяжело ранен, а на третий – погиб! Если бы живым вернулся мой милый суженый – настоящий герой, ни за что не бил бы себя в грудь: «Я – фронтовик, я – фронтовик!», как паршивая самозванка-кукушка! А ты... чёрт знает, чем и кем ранен! Может, это ты сам?! – Видимо, эти яростные слова солдатской вдовы подействовали, и гундосый, помолчав немножко, более спокойно произнёс:

– Значит тебе, баба, захотелось в Караганду. За оскорбление и отказ от работы отправляют на шахту... И мне будет легче – не буду гоняться за тобой.

– В Караганду говоришь, поганец?! Если сможешь – хоть на край света! Но прежде чем идти туда, я сперва заколю тебя! – она уже держала в дрожащих руках вилы. – А гоняться, гоняйся ты, бессовестный, знаем за кем...

В это время гундосый почему-то бросил быстрый взгляд в сторону нашего дома. Потом, ударив камчой лошадь, повернул на улицу и через плечо бросил:

– Как бы не пожалела, баба-хулиганка...

– Пошёл ты, скотина эдакая! – с этими словами тётя Айымкуль швырнула вилы и, поправив чёрный платок на голове, быстрыми, не по-женски крупными шагами направилась куда-то. Видимо, в медпункт к Поликовскому...

Через дня три рано утром они вместе с моей матерью и Алипой пошли на свекловичную плантацию, а мы с её сыном Отызбаем и уже выздоровевшей дочерью Галиёй отправились в школу. Раньше туда ходили вчетвером, а теперь втроём... Негу моего Димаша... Ох, Димаш, братец мой, знал бы ты как мне не хватает тебя!

Спустя несколько дней вечером увидел гундосого, скакавшего, как сумасшедший, на лошади по улице, вызывая лай собак, и качающегося в седле, как хмельной. Я невольно вспомнил его перепалку с тётей Айымкуль: на что намекнула она в ссоре. Неужели... Почему он стал шастать к нам по утрам и даже вечерами, и всегда, как правило, обращается не к матери, ведь она же звеньевая, а к Алипе?.. А в выходной день, когда я помогал матери и Алипе в прореживании всходов свёклы, раз десять, наверное, без всякого повода почему подходил к нам? И каждый раз подходил так важно и стоял, широко расставив свои кривые ноги, не спеша вытаскивал кисет, сделав козлиную самокрутку, курил. Выпустив клубы дыма изо рта, всё время вглядывался в Алипу. А когда нечаянно у неё приподнялись полы юбки, гундосый прямо-таки впился в её открытую часть тела своими идиотскими глазками, забыв всякую порядочность. Видимо, это заметила и мать, достаточно грубо сказала ему: «Что, бригадир, нет других у тебя дел, кроме как караулить нас?». Хихикнув, всё же ответил гундосый: «Вы же передовицы у нас. Вот и люблюсь!». – «Любуйся своей женой и не стой над душой», – раздражённо буркнула мать и больше не обращала на него внимания. А Алипа осталась безучастной в этом разговоре. Продолжала молча работать.

«Да, всё это глупости. Алипа даже не удостоила бесстыжего вниманием. Так что и мне тоже не стоит подозревать. А тётя Айымкуль... Чего не наговорит человек когда сердится... Может, она имела в виду другую...», – так заключил я свои раздумья.

Наступило жаркое лето. Стояло полнолуние. В тот безветренный тихий вечер мы с Лесбеком, одноклассником, долго, аж до лунного света удили рыбу в Карасу. Клёв был отличный, каждый из нас поймал с полведра различной рыбы: сазана, карася и маринок. Довольные уловом разошлись на окраине аула. Лесбек жил на другой улице. А я напрямик по бездорожью через чахлое поле, иногда наступая босой ногой на колючки, направился домой и, перемахнув плетень, в тени кукурузы и тополей бесшумно подошёл к дому. Вдруг позади дома в углу вижу две людские фигуры, стоящие друг против друга. Осторожно, кошачьими движениями стал приближаться... Это же гундосый Сагит и... наша Алипа! Что-то кольнуло в сердце... Уже слышны их голоса. Я не смог различить, о чём говорит гундосый, но зато чётко донеслись до меня слова, строго сказанные Алипой:

– Ещё раз говорю, больше не приближайся ко мне! Я замужняя, жду и не дождусь своего Али... Тебе не хватает своей жены или считаешь меня подлюкой?!

– Нет же... но ты... больно нравишься... – теперь стало слышно и гундосого.

– Мало что нравлюсь! Иди отсюда! – почти гневно сказала Алипа, махнув рукой.

– И пойду, но посмотрим...

– Нечего смотреть! – Алипа резко повернулась и быстро ушла. А тот, подняв вверх свой курносый нос так же, как делает это осёл, почуяв издали запах ослихи, немного постоял и засеменил в сторону. Он жил недалеко от нас. «Оказывается, не напрасно тётя Айымкуль, тогда говорила... Молодец, Алипа», – думалось мне...

Увидев принесённое мною добро отец заулыбался:

– Давно не ели рыбу! Спасибо, Рахмет, ты просто молодец!

Спустя несколько дней утром, перед уходом в школу вижу, что Алипа всё ещё дома возится с мытьём посуды. А матери не было.

– Женеше, что же не пошли на работу? – интересовался я.

Она каким-то недовольным голосом, не поворачиваясь, ответила:

– Я вечером пойду в ночной полив... заставляют...

Я знал, что в период полнолуния свёклу поливают и ночью, чтобы экономить воду, также учитывают и то, что растения в ночной прохладе очень хорошо впитывают в себя влагу. Недавно мать тоже уходила в ночной полив.

Вечером, перед закатом солнца заехал во двор Сагит. В доме были Алипа и я, отец увёл корову в ветпункт для какой-то санобработки.

– Ну, ты готова, поехали? – гундосый приказным тоном обратился к Алипе.

– Готова, но я сама пойду, – ответила она.

– Зачем сама... Садись, я тебя быстренько подвезу да уеду, у меня тоже много дел...

– Нет, я сама, уезжай.

– Пока ты дойдёшь до поля, пройдёт больше часа, сколько воды впустую... Садись, ничего с тобой не случится, – гундосый говорил деловым тоном и слез с лошади.

Алипа, смотря себе под ноги, как будто находясь в состоянии нерешительности некоторое время, наконец, прихватив свой кетмень, легко поднялась в седло. Гундосый, быстро вскочив, устроился за ней. И тут в чуть открывшейся чёрной полевой сумке блеснули сургучные головки двух бутылок. «Это же водка, зачем?» – ударила мне в голову мысль. Потом я успокоился, вспомнив что он пьющий. Взял, наверное, в магазине для себя... Когда лошадь рысью тронулась с места, гундосый обеими руками ухватился за талию Алипы. Я стал с тревогой смотреть вслед удаляющимся, исчезающим в темноте...

Вернулась Алипа только утром. И я её с трудом узнал. Её красивое, тронутое загаром, пышущее здоровьем лицо, полные малиновые губы были бледными, даже распухшими. Глаза были красными, взгляд очень усталым, блуждающим. Словом, вся её внешность кажущаяся раньше налитой сладким соком, теперь как будто без остатка выпиты... А широкое белое платье и чёрный жилет изрядно помяты и запачканы большими тёмно-зелёными пятнами, волосы выбились из под белой косынки.

Я такой раньше её никогда не видел. «Неужели гундосый, сволочь, что-то сделал с ней?.. Но она могла защитить себя, у неё же был кетмень, ударь им, и от кривого могло остаться мокрое место! Как тогда Айымкуль с вилами...».

– Что с тобой, женеше? – всё же спросил я. Она, небрежно поставив кетмень в угол сарая, даже не взглянув на меня, упавшим голосом сказала:

– Ничего, устала... всю ночь... – и она войдя в комнату плотно закрыла за собой дверь.

«Хорошо, что отец и мать не видели её в таком странном ужасном состоянии», – подумал я.

Алипа до вечера ни разу не выходила. А мелких дел в доме хватает не на один день. Странно...

И вечером, когда собрались мы все и сидели за ужином, она вела себя как-то по-другому: не разговаривала ни с кем, не смеялась как обычно, никому не смотрела в глаза. Вид у неё был потерянный, из рук всё валилось.

Всё это, кажется, не осталось без внимания матери. И она спросила:

– Алипа, ты не болеешь?

– Да, кажется болею... – вяло ответила она, не поворачиваясь лицом к матери.

С той поры сильно изменилась Алипа во всё: выражение лица стало унылым, поведение рассеянным, даже раздражительным, иногда совсем равнодушным. Вижу, что и письма Али не радовали её как прежде. Читала их без заметного волнения и не спешила писать ответ. Однажды она даже сказала мне: «Ты пиши Али, у тебя почерк хороший...». Но как же я передам её мысли, чувства, пожелания? Наверняка, Али-ага желает прежде всего получить письмо именно от неё – самого близкого своего человека, пускай даже буквы корявые и кривоватые. Неужели она этого не понимает? А письма Али были теперь радужными: освобождали от фашистов то один, то другой город, названий которых я раньше никогда не слышал, гнали врага из нашей страны... И как прежде самые тёплые, ласковые слова были адресованы Димашу...

«Ох, как мне писать тебе, дорогой наш Али-ага?! – ломал я голову. – О том, что Алипа болеет какой-то неизвестной болезнью, но всё равно не ходит к доктору, а работает, как и мать? Не стоит, наверное, его беспокоить... А о Димаше что сказать? Тем более Али каждый раз просит, чтобы Димаш тоже писал. Как же быть, а?». И тут я вдруг придумал пойти на хитрость: от имени Димаша сам напишу несколько слов, изменив свой почерк. Так я и сделал: «Папа, скорее возвращайся с победой. Я с тоской жду тебя. Учусь на отлично! Димаш».

Хотя я в письме писал обо всё с теплотой, в наш дом начала проникать неиспытанная доселе, непонятная тревога, вытесняя постоянный уют. Родители и Алипа стали замкнутыми, а мать какой-то хмурой. В чём дело? Во всяком случае, я не слышал ничего зазорного. Может, родители мои просто устали, всё же пожилые люди... Там война, здесь плач и горе, нехватка всего, тяжёлая работа без отдыха... Радоваться нечему... Но раньше не было разве таких горестей-напастей? Даже после смерти нашего Димаша, по прошествии нескольких месяцев появился же вновь хоть какой-то уют в нашем доме? Тогда в чём же дело? Что же довлеет над всеми нами? Как ни ломал голову, ничего не понимал...

Наступил сентябрь. Я пошёл в пятый класс. Но через неделю прекратили занятия на целый месяц. Всех учащихся, начиная с третьего класса, направили на уборку свёклы. А там кипела работа: после прополки рядов руками вытаскивали, если не поддавалась, то копачом, большими ножами вручную чистили и резали ботву, на носилках таскали очищенные свеклины и кучевали, потом грузили в телегу или на машину и отправляли на станцию Акшолок, а оттуда поездом в Жамбыл, на сахарный завод. Вот к такому, как называли старшие, «трудовому фронту» подключились и мы. Я, Лесбек, Раткул, Токтасын, ещё несколько ребят и девочек работали на поле звена моей матери. Старались изо всех сил, да и нам самим было весело, работу восприняли как игру...

Но моя весёлость вскоре потухла, как огонь, залитый водой. Однажды тётя Илескуль, мать Онласына, бросив копач, обратилась к тёте Айымкуль, чистившей свёклу:

- Что-то не видно с утра нашего гундосого, опять пьянствует, что ли...
- Наверное... Этой сволочи всё позволено! Куда смотрит наш председатель?
- сказала Айымкуль, продолжая работать. Помолчав немного, она раздражённо сказала: – А ты не знаешь разве?
- Чего? – с интересом спросила Илескуль.
- Что гундосый нашёл себе тёпленькое гнёздышко?
- Какое гнёздышко?
- Айымкуль резко кивнула в сторону Алипы, находящейся недалеко.
- А-а... я тоже что-то подозревала... – тихо сказав это, Илескуль задумалась.
- Мы-то с тобой вдовы. А она, потаскуха, при живом муже!.. – Айымкуль стала ещё яростнее орудовать ножом.

Эти слова ударили меня, как молния. Кольнуло сердце, не хватало воздуха. Неужели... О-о, Али-ага! Димаш мой! Перед глазами всё плыло. Взглядом искал мать, которая находилась в конце поля. О, мама, бедняжка моя!

– Что ты встал, как вкопанный! – громкий голос Раткула вернул меня к действительности.

– Ничего-ничего... у меня закружилась голова... – промямлил я.

– Ну, она остановилась, голова твоя?

– Остановилась, кажется...

– Тогда давай работать. Вон видишь, шестиклассники сколько куч соорудили!

«Эх, Раткул, Раткул... Знал бы ты что со мной... Змеи бывают, оказывается, в облике людей... И ты не сможешь никак жало им оторвать!». Снова затуманились глаза, но это, оказывается, от слёз, от обиды.

В это время подошла мать. Мне стало очень жалко её...

– Что с тобой, Рахмет? Бледный такой, не заболел ли ты? – спросила сразу она, взглядевшись в моё лицо.

– Нет, мама... От жары, наверное.

– Ай, не знаю, от жары здоровый человек наоборот краснеет. Скажи, что с тобой?

Как же мне ответить ей, рассказать об услышанном? Нет, это будет равносильно убийству родной матери... Она у меня сердобольная, благоразумная... Лучше совру...

– Я очень пить хочу...

– Понятно, – она успокоившись, обратилась к ребятам: – Идёмте, дети, в шалаш, там я полный бидон айрана поставила в холодильник...

Материнский айран, хоть он прохладный, никак не успокоил меня. Комок в горле не исчезал довольно долго. С этого дня я стал по-другому относиться к Алипе – холодно, подозрительно, а гундосого и раньше ненавидел, теперь он казался мне олицетворением подлости. В моём сознании стоял постоянно мучительный вопрос: «Неужели они?..». Ответ ему нашёлся неожиданно.

Наступил ноябрь, выпал небольшой снег. В тот самый вечер устал от чистки снега, рано лёг и крепко спал. И снилась мне война. Какие-то страшные взрывы, огонь и дым, застилавший снежное поле на опушке леса, длинные траншеи, и Али-ага... выходит из горящего танка и прыгает в траншею... А из леса выходят какие-то люди в чёрной форме с винтовками с блестящими кинжалами наперевес и быстро приближаются к траншее. Али-ага, другие красноармейцы целятся в них из автоматов, но огня нет! А враг уже в двух-трёх метрах. «Стреляй, стреляй, Али-ага!» – кричу, и тут я проснулся. Сердце сильно билось, стучало в висках. Придя в себя, обрадовался, что этот ужас всего-навсего плохой сон. Завтра же напишу Али. Успокоив себя этой мыслью, хотел спать дальше. Но не получилось, сон куда-то исчез. Достаточно долго пролежав так без толку, ощутив потребность идти во двор, бесшумно накинул полушубок и осторожно, чтобы не разбудить родителей, вышел в прихожую. А там слышу странный, ритмично повторяющийся монотонный звук: «Зрк... зрк... зрк... И идёт он из комнаты Алипы... Ой, это же звук пружин польской кровати, блестящей такой, с красивыми шариками в четырёх углах, которую из города привёз Али-ага. Алипе тоже не спится, или болеет и в мучениях поворачивается с боку на бок. Подумав так, я вышел во двор. Хотелось немного постоять. Снег оказывается, принёс с собой и мороз, между прочим неслабый, отчего в тёмном небе, как мне показалось, беспрестанно дрожали даже звёзды... Мне тоже стало холодно. Осторожно открыл дверь, и тут же слышу уже другой звук: «Чик... чик... чик...». Тоже из комнаты Алипы. Что же это такое? Может, завелись крысы, ведь старый кот сдох

ещё в прошлом году. Нет, не похоже... Это же кресало, которым пользовались курящие... И в подтверждение правильности моего предположения ударил запах дыма от горького самосада. Алипа закурила?.. С началом войны почти все солдатки, особенно вдовы, стали курить, видимо, от горя. Хотя Али жив-здоров, но разве у Алипы нет горя? Она же потеряла родного сына! Несмотря на моё, ставшее хроническим, подозрение, мне стало жалко Алипу. С этой искренней жалостью я вновь заснул. Но уже утром это чувство сменили горечь, гнев, бессилие! Когда я вышел, чтобы идти в школу, увидел начинающийся прямо у порога чужой след, и остолбенел. Ещё на снегу рябинами темнели ямки, вдавленные шляпками гвоздей, а следы сапог сопровождали круглые отпечатки чего-то резинового, и все следы шли на улицу... «Гундосый!..» – подобно молнии промелькнуло в моём мозгу, а в глазах потемнело. Такого потрясения я до этого момента никогда не испытывал. Даже когда умер мой Димаш. Хоть то и была смерть, в ней было что-то ангельское, кристально чистое, недостижимое для моего понимания, возвышенное, небесное... А это?.. Грязь, омут, скверна!.. И в эту отвратительную пучину попала любимая жена Али, мать Димаша! Как же это вообще возможно?! Откуда мне тогда было понять, что из-за хитросплетений каких-то мужчин-тварей восковая мягкость женского сердца может превратиться в безрассудство...

Об увиденном и услышанном я, конечно, отцу и матери ни словом не обмолвился. Замкнулся в себе. И всё время думал как бы отомстить гундосому, наказать. Бить, понятно, не смогу, не дорос. Что же делать? Вдруг осенила мысль, и я приступил к делу. Вечером большую площадь, что на углу дома, полил водой. Ночью на морозе образуется лёд, ровный как зеркало, и его тонким слоем покроет снег, тогда образуется настоящий ледяной кашкан. Пусть тогда гундосый попробует совершить свой ночной поход, не сломав свою собачью голову или кри-вых ног!.. Но когда рано утром проверил свой «кашкан», не нашёл ни одного следа. Не приходил, сволочь!.. Я тут же стал лопатой крошить лёд: могут же нечаянно поскользнуться свои. Разочаровался, но не прекратилось кипение зла в душе, ищущего выхода. А его я никак не мог найти. После обеда, чтобы хоть немного отвлечься от этого мучительного бестолкового поиска, надев коньки, отправился к Токтасыну, у него дома было нужное снаряжение для игры «кызай», некоторые элементы которой схожи с хоккеем. Возле дома гундосого встретил его сына Бейсенбая – упитанного, белолицего с румянцем на щеках, очень похожего на мать. На его голове солдатская шапка с красной звездой. Я немного завидовал тем, кто её носит. Наверно, гундосовская!.. Одна эта мысль как будто добавила огня тому, что кипело внутри. А Бейсенбай встретил меня улыбкой и сразу предложил:

– Давай сыграем в альчики?

Я, недолго помолчав, ответил:

– Давай, сперва съешь свои, я должен посмотреть.

Бейсенбай сыпанул на землю целую горсть, и я тут же собрав их, сунул в свой карман.

– Эй, что ты делаешь? – сказал удивлённый Бейсенбай.

– Не видишь, что ли, беру! – уже недружелюбно, сквозь зубы произнёс я.

– Почему? – спросил ошарашенный Бейсенбай, держа меня за рукав.

– Потому что!.. – хрипло произнеся эти слова, я быстро схватил его за пояс и подставил ногу, не дав ему очухаться, свалил на снег. Не знаю, откуда появился приступ немой ненависти к нему, или, может, в тот момент принял его как частицу гундосого. Сперва пару раз нанёс удары по лицу, затем стал сжимать горло Бейсенбая. Он побагровел до синевы, задыхался. В это время за спиной послышался тревожный, но мягкий голос Турсынкуль:

– Ой, что вы делаете, дети?!

Я, мигом поднявшись, быстро, без оглядки, побежал. Сзади не слышалось никаких ругательств. Я знал, что обычно взрослые считают, если двое детей собираются вместе и ссорятся или творят что-то нехорошее, то всегда виноваты оба. Может, правы они. Но на сей раз виноват был только я. И эта вина вместо удовлетворения принесла в душу острое сожаление, жгучее раскаяние. Зачем, зачем я обидел его, своего доброго одноклассника? Он же ни в чём не виноват! Как глупо всё это! Лицо горело, хотя на улице было холодно. С северо-востока, со стороны Мойынкумских песков порывисто выл ветер, подняв снежную пыль, протяжно стонали карагачи и тополя.

Ветер ветром, но впереди нашу семью ждала настоящая буря. Спустя несколько дней после того случая с Бейсенбаем, после ужина отец сказал матери:

– Талим, я завтра рано утром не на почту, а в Жанатурмыс поеду. Оказывається, из трудармии вернулся Ибраим, говорят, он болен. Навешу старого приятеля. Ты положи в курджун кусок мяса, пусть будет гостинцем. Ждите меня к вечеру, дорога не близкая...

Как и обещал, отец поднялся рано. Я тоже проснулся, хотел полежать ещё в тёплой постели. Но вдруг подумал, что может чем-то подсоблю отцу и, быстро одевшись, вышел во двор, направился к базе. В предутренних сумерках различил, что отец, погладив своего коня, надел ему узду и начал не спеша седлать. А я тем временем подложил сена нашей коровушке с тёлкой, не забыл и осла, спокойно глядевшего на меня. Как пахло сено! Какой аромат, лучше всяких одеколонов! С наслаждением, жадно шевеля ноздрями, полной грудью дышал им! Потом бесшумно двинулись домой. Когда оказались у двери, она осторожно открылась и... вышел гундосый Сагит! В тот миг он мне показался не человеком, а той ползучей змеей, которой вырвал язык Раткул. И эта змея, остолбенев от неожиданности, возможно, и от страха, через какие-то секунды невольно протянув правую руку отцу, дрожащим голосом начал было произносить «Ассалаума...». Отец правой рукой сделал без замаха короткое, резкое движение – восьмижильная толстая камча со змеиным свистом легла на его лицо, и сразу на левой щеке от виска до подбородка появилась кровавая линия. Когда Сагит, взвизгнув, повернулся к нам спиной, отец ещё три раза сильно прошёлся по нему и затем, свирепо сверкая глазами, тихо, но страшным голосом сказал убегающему Сагиту:

– Если ещё раз переступишь через этот порог – убью! Если тебя не достала фашистская пуля, то здесь я достану, поганый кобель! Ещё называет себя фронтовиком, сучий сын! Будь ты проклят!

Отец, хоть и старый, но был ещё крепким, своими тяжелейшими кулаками запросто мог бы завалить не одного Гундосого. «Жаль, что мало бил!» – пожалел я.

Мать встретила нас с тревогой в глазах:

– Что за шум, что случилось?

– Ничего, – буркнул отец, переводя дыхание, – просто прогнал одного блудного кобеля, зашедшего во двор.

Выпив пиалу айрана и прихватив с собой поданный матерью курджун с мясом, отец уехал в Жанатурмыс. А я снова лёг в постель, поскольку было воскресенье. Но после той отвратительной сцены сон не шёл. Теперь всё ясно: Алипа спуталась с Гундосым... Интересно, она слышала шум? Даже, наверное, видела всё через окно... Будь она тоже проклята! А я ещё жалел её!.. Но всё же, что тянуло её к этому воюющему? Чего интересного нашла она в нём? Я же своими ушами слышал, когда она говорила, чтобы он не приближался. Тогда что же подействовало на неё? Тут перед моим мысленным взором вдруг появились сургучные головки двух бутылок водки... и Алипа в ужасном виде после ночного полива. Значит, той ночью Гундосый поил Алипу водкой до опьянения, а пьяные совсем не понимают, что делают. Ох, проклятье!

Потом вспомнились слова отца: «Ещё называет себя фронтовиком, сволочь!». Я обожал вернувшихся фронтовиков, считал их настоящими героями, добрейшими людьми. Сколько их, покалеченных, работает в ауле: Даркенбай и Тайберген пасут скот, одноногий Сулеймен – учётик в МТФ, одноглазый Бекдуйсен – извозчик, Мадибай, у которого нет обеих ног, – счетовод, раненый в живот Сейтхан – косарь... И все они ласково относятся к детям! Но и среди них, оказывается, нередко встречаются и такие, как Гундосый...

Вспомнился один неприятный случай. Было это накануне Первомайского праздника. Стояла ясная тёплая погода. Я шёл из школы домой. Когда проходил мимо чайной, встретился с кузнецом Володей Штальбаумом, шедшим навстречу. С улыбкой приняв мое приветствие, он на ломаном казахском языке спросил: «Как ваша бричка бегаёт?». Он прошлой осенью по просьбе отца чинил сломанную оглоблю. «Бегаёт!» – ответил я. Вдруг услышав чей-то окрик, мы обернулись. Чуть шатаясь, со стороны чайной к нам шёл Андрей Берсеньев, недавно вернувшейся с фронта, всё ещё носивший выцветшую солдатскую гимнастёрку, правда без погонов и галифе. О нём говорили, что комиссовали его не по ранению, а по какой-то плохой болезни – окопной, психической, и что он чуть не расстрелял своих. Правдивость этих предположений он уже успел доказать, несмотря на свою шуплость, дважды влезал в драку, и каждый раз, оказавшись избитым, рвался, крича: «Я – фронтовик, я проливал кровь за Родину!». Как бы там ни было, все его называли «стриженным, бешеным козлом»... И вот он с красными глазками, подходя к нам, закричал кузнецу: «Ух ты, фашист!..». И неожиданно ударил его по лицу. Я подумал было, что вот сейчас Штальбаум даст «козлу» так, что полетит он аж до своего дома, что недалеко отсюда. Но, увы... Вытирая платочком кровь из носа, тот стерпел. Я же не стерпел, закричал: «Бей же его!..». Услышав мой крик, «стриженный» резко повернулся и ринулся ко мне с криком: «Я покажу тебе как бить!». Но тут случилось непредвиденное. Кузнец быстро схватил его за поясной ремень и, подняв над головой, раскачал и грохнул, как мешок с навозом, в арык с мутной водой. Немного побарахтавшись и выйдя из арыка, «козёл» с трудом встал на ноги, закачал мокрой головой и, указав правой рукой куда-то, пригрозил: «На тебя, недобитого фашиста, заявлю в НКВД! Там они покажут тебе, как относиться к фронтовику!». На это кузнец спокойно ответил: «Иди, иди... А то я тебя повешу над горящим угольком в кузнице, чтобы скорее обсох!». Расставаясь, он остерг меня: «Не приближайся к этому бешеному».

Откуда было мне, одиннадцатилетнему мальчику, знать тогда, что война является, как утверждают иные, катализатором не только подвига, но и всяких подлостей...

И вот один из этих подлых, оказывается, крадучись, вошёл в наш дом и самым грязным образом разрушил, сломал все устои... В тот злосчастный день отец, вернувшись из Жанатурмыса, сказал матери:

– Всё! Больше не буду сидеть за одним дастарханом с этой... Алипой! – и нервно кинул камчу и лисью шапку, как будто они виноваты во всём. А мать закрыла ладонями лицо и дрогнувшим голосом сказала:

– О-о, Аллах!.. Я, горемычная, тоже подозревала, что она... – и как будто кто-то безжалостно сжимал её горло, душил, побагровела. Еле отдышавшись, зарыдала, хрупкое тело всё дрожало. Я, быстро обняв её, концом платка вытирал обильно текущие слёзы и говорил: «Мама, не плачьте же... А то вам будет плохо... Вот Али-ага придёт с войны, и всё наладится...». – «Ой, Али, братец мой, золото моё!» – заголосила она вновь. – Какое горе настигло нас! Пусть бог бережёт тебя, единственный, бесценный мой...».

Отец вдруг строго сказал:

– Талим, кончай плакать среди ночи, ещё не конец света. Прав Рахмет, Али придёт, и всё встанет на место. Лучше всегда моли бога, как сейчас, чтобы целым и невредимым вернулся Али.

Я понимал и отца, набожного человека с его суровой строгостью, когда дела коснулись нравственности. Я также понимал и мать, с её бесконечной болью в душе. И эта материнская боль перешла в моё сердце. Я не понимал только Алипу...

В ту ночь у меня возникло ощущение, что разверзлась земля, и глубокий разлом её проходит через переднюю нашего дома, оставив в одной половине духовную чистоту, а в другой – греховную грязь. Переступить этот разлом никто из нас и не думал.

Если быть честным, о последующих днях тяжело мне вспоминать, ещё тяжелее подробно рассказывать о том, что пережили тогда... Но всё же придётся сказать об одном дне, так как мне он казался и до сих пор кажется знаковым.

Март наступил с тёплыми ветрами с запада, и за каких-нибудь пару дней сошли сугробы, по арыкам и оврагам текли ржавые талые воды. Земля, освободившись от холодного зимнего покрова, свободно дышала, испускала лёгкий пар, радовалась долгожданной весне. Поддерживая эту радость, солнце с каждым днём светило горячо, и лучи его ярко отражались на снегах вершин Алатау.

Вот в один из таких ясных дней рано утром раздался истошный, отчаянный крик. Узнали. Кричала во весь голос Алипа.

– Что же это она, волк раздирает её на куски, что ли?! – буркнул отец, одетый и готовый к отъезду.

– Это, наверно, у неё схватки... – тихо произнесла мать.

– Ох, какой позор! Как будем смотреть людям в глаза?! – отец, брезгливо сказав это, мотнул головой. Тем временем возобновился крик.

– Талим, может, пойдёшь к этой проклятой? – отец теперь вопрошающе обратился к матери. – Добрые люди относятся с жалостью не только к скотине, но даже и к зверям, попавшим в беду. Что поделаешь...

Мать довольно долго не отвечала, всё смотрела пустыми глазами в окно. И в этой пустоте появились медленные слёзы. В последнее время глубокие морщины съели остатки былой красоты, бурые волосы стали совсем белыми.

– Иди, иди же, дорогая. Я тебя, конечно, понимаю, но... – жалеючи обратился вновь к ней отец, – Аллах отблагодарит тебя за это, а её покарает адом!

Моя милая, сердобольная мать послушалась, стала надевать камзол. Увидев это, отец сказал горестным голосом:

– Сегодня не ждите меня, останусь в Сарыкемере. Бог даст, завтра к обеду вернусь. Не хочу видеть это живое свидетельство страшного греха. А ты, Талим, крепись и сделай всё, что надо... Ведь мы – люди.

Следом за отцом я побежал в школу, оставив бедную, безгранично несчастную, убитую горем мать, чтобы она помогла той, которая была причиной всего этого ужаса.

После занятий, которые прошли, как во сне, не хотелось даже идти домой. Но куда денешься. Когда заходил в переднюю, с левой половины еле слышались голоса каких-то женщин. А мать лежала на кровати в нашей комнате. Лицо опухшее, глаза красные. Видимо, много плакала, носом шмыгала, а душу, наверняка, пожирало пламя. Чтобы хоть немного успокоить её, крепко обнял и тихо спросил:

– Как там? Что с ней?

– Сын. Сына родила грешница бесстыжая, – с трудом, как будто пересиливая какую-то боль, ответила мать.

– Ничего, ничего, мама, – сказал я – скоро придёт Али-ага и прогонит их, как собак. Потом он привезёт такую хорошую женешу, и она родит сына, точно такого, каким был Димаш.

– Дай бог! – тихо ответила мать и собрала обед. После него я отпросился поиграть с ребятами. На самом деле мне не хотелось играть, я просто хотел побыть вне дома, подальше... Набив карман асыками, пошёл к Токтасыну. А там, оказывается, полно ребят. Кроме Карима, Орынбая, Шералхана, Сейткерима, Раткула были дети переселенцев, успевшие с нами подружиться, карачаевцы Асланби и Хызыр Айбазовы, немец Арвид Люц, турки Набир Асатов, братья Хуссейн и Рамазан Берберовы. Ребята шумели, смеялись, спорили, игра кипела. Увидев меня, Токтасын удивлённо спросил:

– А ты разве не поехал на кокпар, козла драть?

– Что за кокпар, в честь чего? – теперь удивился я.

– Ты разве не знаешь? Недавно у чабана Куздеубая жена после четырёх девочек родила сына. И он пожертвовал козла.

– А при чём тут я? – раздражённо спросил я, меня раздражало слово «сын».

– Ты ведь сын знаменитого кокпарчи Есена, забыл что ли? – насмешливо ответил Токтасын.

– Нет, не забыл. Вынимай свои асыки, начнём!

И мы предалися азарту игры. Во время игры ребята также болтали о том, о чём. Я иногда тревожился, чтобы кто-либо не завёл разговор о происходящем в нашем доме. Как я в последнее время заметил, отношения Алипы и Гундосого были не только людям всем в ауле, даже и козе понятны. Если бы сейчас кто-то пикнул об этом, то я подрался бы с ним кем бы он ни был. Но ребята молодцы, ни слова не произнесли об этом.

– Возвращаются кокпаристы из Жиека! А почему так рано? – крикнул кто-то из ребят. Все, остановив игру, повернулись в сторону Жиека. Порядка двадцати всадников бесшумно приближались к аулу. Но почему так медленно и кучно едут? После кокпара обычно возвращались с ликованием, гиканьем, как с праздника, при подходе к аулу быстро рассыпались по домам. А эти никак не расходятся. Молчком, все вместе как-будто направляются к дому гундосого Сагита. Да, точно, туда. Заехали во двор. Все слезли с коней. И со спины одной лошади несколько человек осторожно сняли что-то... Через некоторое время взвился в небо страшный женский вопль. Спустя секунды к нему присоединились и другие голоса. Такие крики раздавались при получении «чёрных бумаг» – похоронок... По кому же тогда этот плач? Неужели по Гундосому? Или что-то случилось с его сыном Бейсенбаем?

– Кажется, Гундосому швах, – предсказал Раткул, – он ещё с утра был пьян.

– Ох, надо же... – поддакнул ему Карим.

Тут кто-то выехал со двора и быстро направился в нашу сторону. Оказывается, это учётик второй бригады Арынбай.

– Эй, ребята! – обратился он к нам, сидя в седле, – передайте своим родителям, что умер Сагит. Похороны завтра утром. Обязательно передайте.

– Как умер? – спросил Сейткерим.

– На полном скаку передняя нога его коня воткнулась в сурочью нору, и Сагит слетел с седла, ударился о землю головой, сломал шейный позвонок и сразу же скончался.

– А что с конём? – быстро спросил Карим.

– У него сломана нога, – сказав это, учётик поскакал дальше.

– Ах, как жалко доброго коня! Теперь такого летучего не сыщешь, – покачал головой самый старший из нас Карим. Он очень хорошо разбирался в лошадях. «Кажется, и в людях тоже разбирается, – думал я. – Из-за смерти Гундосого не

проявил никакого сожаления...». А я испытал какое-то непонятное чувство. Радость от ухода в небытие презренного человека? Кажется, нет. Не было радости. Сожаление? Абсолютно нет. Удовлетворение? Кажется, есть такое. Какая-то неизвестная, очень справедливая сила за нас отомстила. Да, у меня – чувство удовлетворения. Так я в первый и в последний раз в жизни получил удовлетворение по поводу смерти...

Когда в сумерках вернувшись домой, обо всём рассказал матери, она удовлетворённо закивала головой.

– Это божья кара, спасибо Аллаху... – тихо произнесла она.

В полночь я проснулся от еле слышного, слабенького детского плача. «Это же продолжение Гундосого, – думал я с горечью в полусонном состоянии. – Наследил всё же, сволочь!».

Отец приехал на следующий день после обеда. Не раздевшись, посмотрел на мать вопрошающе.

– Сына... сына родила, – тихо ответила мать. Отец, тяжело вздохнув, опустил седую голову и оставался довольно долго в таком положении. Тягостное молчание нарушил я:

– Гундосый сдох! – и рассказав всё в подробностях, также сообщил, что недавно схоронили его.

Отец слушал, не отрывая от меня своих усталых глаз, и, когда я умолк, сказал твёрдо:

– Собаке – собачья смерть! – затем, немного помолчав, задумчиво произнёс: – Всему судья Аллах!

Не спеша, вытащил из своей большущей сумки письмо-треугольник и протянул его мне.

– Вот письмо Али, читай!

В мрачной комнате как будто вдруг стало светлей. Прояснилось, потеплело сразу и лицо матери. У меня тоже настроение изменилось, я с волнением стал читать вслух дядино письмо. В нём он, как обычно, приветствовал нас всех поимённо, рассказывал о том, что наши войска уже вступили на германскую землю, днём и ночью без передышки наступают, несмотря на вражеское сопротивление, чтобы скорее взять Берлин и завершить войну победой. Затем он обратился лично к Димашу: «Димаш, можешь гордиться – вчера наш большой командир вручил твоему отцу орден Славы, так что ты теперь сын прославленного бойца! По возвращении подарю я тебе этот красивый орден, а ты мне – свои пятёрки. Думаю, что ты согласишься. А пока заочно целую тебя, сыночек мой дорогой».

– Ох, Али! С чем и с как встретим мы тебя?! – дрогнувшим голосом громко произнёс отец. Помолчав немного, предупредил меня: – Этого письма ни в коем случае не давайте... ей. Не должны грешные руки коснуться священного!

С Алипой мы почти не встречались, разве что иногда видели её, и то через окно, когда она, обвязанная коричневым пуховым платком, выходила за топкой и водой. Но однажды сам отец нарушил устоявшееся положение. Среди ночи не смолкал плач ребёнка – такой жалкий, слабенький голос. Отец ворочался с боку на бок. И, наконец, не вытерпел – разбудил мать:

– Талим, отнеси-ка им молока... Эта дура, кажется, не кормит его, как полагается. Нет вины малыша... Виноваты кобель с сукой!

И мать, печально вздохнув, держа в руках банку молока, тихо вышла.

После этого случая она постоянно носила Алипе молоко, айран, другую еду. На длительную жестокость не способны сердца моих стариков.

Однажды, ближе к вечеру раздался тихий стук в дверь. Все были дома.

– Входи, кто бы ты ни был, – громко ответил отец.

Никто не входил, только через некоторое время снаружи раздался голос Алипы:

– Апке, выйдите, пожалуйста, прошу, – Это она обратилась к матери. А мать озадаченно смотрела на отца.

– Пойди, раз она так умоляет, – сказал отец, тоже удивлённый.

После недолгого шушуканья за дверью, мать, войдя в комнату, несколько растерянно сказала:

– У неё ребёнок скончался... В последнее время так много плакал бедняга.

Воцарилось тягостное молчание. Первым его, глубоко вздохнув, нарушил отец.

– На всё воля божья... Талим, дай мне отрез полотна и ножницы, изготовлю саван. А сама иди туда и тщательно вымой малыша... Когда закончите – скажешь.

Через полчаса вошла мать. Отец, передав мне саван, сказал:

– Наденьте это. потом придётся тебе вынести тело, это должен сделать мужчина.

Было понятно, что отцу не хотелось самому заходить.

Увидев Алипу, я её не узнал: передо мной стояла худая, с морщинистым желтоватым лицом, впалыми глазами, слегка поседевшими волосами женщина средних лет, хотя ей ещё не было и тридцати. У меня защемило сердце. Я вынес лёгонький комочек в белоснежном саване. Отец осторожно приняв его на грудь, приказал мне:

– Бери лопату и кетмень и следуй за мной.

Мы направились к кладбищу. Там отец выбрал место несколько отдалённое от других могил, и мы начали копать, вырывая с корнями дружно всходившую траву. Земля наша мягкая, действительно похожа на пух. Не ушло много времени – могилка была готова. Осторожно мы туда опустили чистое, безгрешное существо, появившееся на белый свет на очень короткий срок грешным путём. Над ним образовался маленький холмик земли.

– Присядь, – сказал мне отец и начал читать молитву, обращаясь лицом на юго-запад.

В тот майский день утреннюю тишину разорвал клич скачущих на лошадях людей:

– Победа! Победа!

– Эй, люди! Суюнчи, суюнчи, мы победили! Ур-ра-а!

– Идите все, все в Тихий лог! На митинг!

Я сразу вспомнил последнее письмо Али, где он сообщил, что они уже находятся под самым Берлином. «Молодец Али-ага, это он добыл победу!» – с гордостью подумал я. Отец тихо, как будто для себя сказав: «Слава Аллаху», провёл ладонями по лицу, а в глазах были слёзы, которых никогда раньше я не видел. Мать от радости всхлинула, и мы все второпях, переодевшись во всё лучшее, что имелось, отправились пешком в Тихий лог. Алипа не выходила.

Довольно широкий и ровный, расположенный невдалеке от залива Карасу и сохраняющий, несмотря на летний зной, до поздней осени свой зелёный наряд, Тихий лог обычно был колыбелью тишины. Но сегодня он был похож на осиное гнездо. Со всего аула ручьём стекались люди: старики, женщины, дети и фронтовики. У всех взрослых на лицах – радость, в глазах – слёзы. Дымилось под большими чёрными бригадными казанами, поставленными на железные треножки. Держась за руки, группа женщин, в основном солдатки, хором запела победную песню. Пели солдатки хорошо, дружно, с вдохновением, хотя несколько надтреснутыми голосами. Среди этих голосов я искал один красивый, мягкий ласкающий душу голос. Но голос Алипы отсутствовал. Сердце вновь защемило.

И вот вышел в круг председатель колхоза Аманкул Жиыинбаев – мужчина средних лет, худой, инвалид с рождения – сильно хромал, к тому же, почти глухой. Тем не менее, он горел на работе, не знал покоя ни днём, ни ночью.

– Товарищи! – обратился он громким голосом, присущим глухим людям, – мы все были на войне, если не на фронте, то здесь – на полях и фермах. Всё до последнего зёрнышка, до последней щепотки сахара, до последнего куска мяса отдали мы для победы... Спасибо вам! Если я был не всегда вежлив с вами, то простите меня, был вынужден. Спасибо судьбе, давшей возможность дожить до этого дня! – На его испещрённом морщинами, почерневшем от солнца и ветра лице заблестели слёзы.

Начались разные игры: перетягивание аркана, борьба взрослых, даже женщин. Среди женщин не было равных тёте Айымкуль. Состязались в беге дети. Среди нас был и Бейсенбай, сын Сагита. Уловив момент, я подошёл к нему. Он сильно похудел, не было природного румянца на щеках, в глазах застыла печаль. Я, слегка обняв его, сказал:

– Бейсен, ты прости... прости меня за то моё дурачество?

Бейсенбай еле заметно улыбнулся и ответил:

– Да ну тебя! – и подал мне руку, я с жаром пожал её.

– Спасибо, Бейсен! Считаю тебя своим другом, – сказал я, взволнованно.

Так праздновал день Победы наш израненный, подавленный горем за эти четыре года, аул. Праздновал и ждал скорого возвращения своих сыновей-героев, оставшихся живыми в страшной войне. Ждал и пропавших без вести с надеждой, хотя и слабой, что всё же и они возвратятся к родным очагам. Наша семья ждала дорогого Али, ждала с чувством безграничной близости к нему и в то же время с чувством вины перед ним... В последнем письме он, поздравив нас с Победой, сообщил, что их часть пока остаётся в Германии, а его самого, возможно, отпустят, когда он сдаст танковый взвод новому командиру.

В один из последних дней июня, в послеобеденное время, неожиданно появившийся из-за бугра грузовичок «полуторка», неся с собой клубок рыжеватой пыли, резко тормозил возле нашего дома. Я и отец выглянули в окно. Из машины вышел военный... Али-ага! Ёкнуло сердце. Спотыкаясь, мы устремились к двери. Тем временем Али-ага, взяв из кузова огромный чемодан и солдатский рюкзак, направился к дому. Вот он – широкоплечий, огромного роста наш воин! Одет он был в китель защитного цвета с золотыми погонами и в тёмно-синее галифе, в чёрные хромовых сапоги, на голове фуражка с красной звездой. На груди блестели, отражая солнечные лучи, ордена и медали.

Широко улыбаясь, Али шёл нам навстречу. Обнялись.

– Вот каким ты стал, сокол наш! – сказал отец гордо, внимательно и ласково глядясь в Али.

Когда машина уехала, Али-ага спросил:

– А где же мои родные, где Алипа, Димаш? Что-то не слышно их?

– Талим и Алипа на поле. А Димаш... Димаш на экзаменах, – неуверенно ответил отец.

– Да, сегодня у Димаша экзамены, – с большим усилием подтвердил и я.

– Али, ты теперь, слава Аллаху, у родного очага, располагайся, – сказал отец, когда мы уже находились в доме.

– Ах, знали бы вы, как я ждал этого часа все эти мучительные четыре года! – сказал дядя, вздохнув.

– Да, понимаю... Понимаю тебя, Али. Мы тоже с великим напряжением ждали... Ну, теперь, слава Аллаху, всё позади! Али, ты отдохни малость с дороги. Я Рахмета отправлю за нашими, дам ему ещё задание. Потом тебе расскажу, кого не стало, кто вернулся...

Когда мы вышли из дома, отец сказал:

– Бери коня и скачи к Садык-аксакалу, затем Аби, Койлыбаю, Жумеке, Глебеку, Есбаю, Досбаю и обязательно Мадибай-мулле, и скажи им, что я их всех прошу приехать срочно к нам в связи с возвращением Али. А карачаевец Абул тоже пусть придет и освежает самого упитанного барана. А потом не мешкая поезжай в поле и скажи матери, что когда они придут, пусть Алипа побудет в нашей половине, пока её не пригласят. Понял?

– Понял, отец.

– Тогда поезжай и ничего не напутай.

Отец не зря назвал первым из аксакалов Садыка. Он был самым старшим в ауле и самым авторитетным, к тому же образованным. Поговаривали, что ещё в царские времена был волостным правителем, за это потом был несколько лет в ссылке в Сибири. А остальные старики были ровесниками отца. И все они собрались к нам.

Мать качнулась и чуть не упала, а Алипа побледнела и медленно опустилась на свекловичную грядку, когда я сообщил о возвращении Али.

Приглашённые старики прибыли и сидели вокруг Али, горячо беседовали. Все оглянулись на нас, когда мы с матерью вошли. Первые минуты встречи сестры и брата трудно, почти невозможно описать словами: восторженная радость, перемешанная с тоской и печалью. Мать бесчисленное количество раз целует Али, всё время всхлипывала, выговаривая:

– Единственное золото моё, солнышко! Наконец-то взшло оно из чёрных туч горя и печали!

– Я же вернулся! Какое ещё горе? – настороженно спросил Али-ага, вытирая ладонью слёзы сестры. – А где Алипа? Или... что-то с ней?

– Нет-нет, с ней ничего, она сейчас придёт.. Ой-ой, Али! – мать зарыдала, никак не сдерживая себя и крепко обняв брата. А он, блуждающим взглядом обводя вокруг, хриплым голосом произнёс:

– Или... с Димашем? Где Димаш?

Тут отец, подойдя к нему и слегка обняв, сказал:

– Мы... потеряли Димаша... Крепись, Али.

– Как потеряли?! Он же писал мне! – лицо Али страшно исказилось.

– Писать-то писали... Нету Димаша, не уберегли мы его, – с трудом сказал отец плачущим голосом и посадил качнувшегося Али на край кровати. А он побледнел, и на лбу выступили мелкие капли пота. Ему не хватало воздуха, я принёс кружку воды. Выпив её, дядя отдышался, но не отпустил руку с левой стороны груди. Глядя в пол, молча, слушал отца, который рассказывал о подробностях гибели Димаша. С глаз катились слёзы.

Теперь к Али обратился Садык-ата.

– Крепись, Али! Возьми себя в руки. Считаю, что это тоже воля Божья. Всевышний иногда так испытывает своих рабов. В очень древние времена Аллах, чтобы проверить верность пророка Дауда в один день отобрал жизнь у его тридцати сыновей. Дауд стойко перенёс это страшное горе, беспрекословно преклоняясь перед Богом. Довольный его поступком, Всевышний тогда одарил Дауда сыном Сулейманом, стоящим по своим достоинствам прежних тридцати сыновей... Так что милостив Аллах, у тебя будут ещё дети. Крепись, дорогой наш батыр!

И остальные аксакалы тоже один за другим старались успокоить Али. С невероятным усилием заглушив заполнившее могучую грудь рыдание, Али-ага вновь спросил у матери:

– А где Алипа? Почему её нет?

Мать вышла. Через пару минут вошла Алипа. Поклонившись по казахскому обычаю старикам, застыла у порога. Даже бровью не повела. Её лицо было смертельно бледным и в то же время отрешённым, безучастным ко всему.

– Алипа! Здравствуй! Что с тобой? – Али-ага, поражённый её видом, сделал было шаг вперёд.

Алипа, вскинув обе руки вперёд, умоляющим голосом сказала:

– Али, не подходи ко мне! Я – не Алипа, твой Алипы нету, я – всего-навсего труп...

– Что ты говоришь, Алипа?! – вскричал Али-ага. – Или смерть Димаша свела тебя с ума, дорогая?!

– Нет, я ещё в своём уме, Али... После смерти Димаша я осталась в полуживом состоянии, а умерла год назад, прошлым летом...

– Не понимаю ни черта! Ты вот передо мною стоишь же!

– Я уже сказала, что твоя Алипа умерла. Стоит перед тобой грешница, изменившая тебе и ждущая божьей и твоей кары!

– Ты... изменила мне!? – уже хрипел Али-ага.

– Да, да, изменила, опозорилась, – твёрдым, невозмутимым голосом сказала Алипа. – Убей меня, Али. У меня с самоубийством не получилось, при всех прошу – помоги мне в этом... Прошу только этого, прощения не прошу, потому что сама себя не прощусь!

В тот момент страшно было смотреть на Али: на лице были и грозовой гнев, и невероятное горе, и безнадежное бессилие – всё сплавленное воедино, такого я за всю свою жизнь больше никогда не видел ни на чьих лицах. По скулам пухли и катались желваки. А тяжёлый солдатский кулак то сжимался, побелев в суставах, то с дрожанием разжимался.

Отец сказал:

– Садись, Али, тебе и так тяжело. Береги себя. С ней разберешься погоды, – поддержал Али и посадил его на кровать. Потом обратился к матери:

– Талим, Абул, кажется, уже зарезал барана, займитесь дастарханом.

Когда мать с Алипой вышли, Садык-ата вновь обратился к Али:

– Али, мы все понимаем тебя и глубоко сочувствуем. Но ты задумайся вот о чём: такие беды разноликие могли бы в открытую совершиться в мирное время? Не знаю... Значит, тут отчасти виновата война. Будь проклята она! Теперь вот что. Вы побороли того самого Гитлера, уничтожившего миллионы людей, города и сёла, принёсшего ужасное страдание человечеству. Это хорошо, справедливо. Но... гитлерчики уничтожены ли?.. Гитлерчиками я называю всех тех, кто в сущности своей является злом в человеческом облике и большими или мелкими поступками везде: на работе, в быту, в учёбе – приносят только страдание добрым людям и шайтановским уговором подталкивают их к грешным деяниям, разрушают судьбы. Их всех полностью, по-моему, не уничтожить, до самого Судного дня. Только иногда наказывает их сама жизнь или карает сам Бог. Приходится и нам нередко быть свидетелями такой кары.

– Ох, братцы! – обратился вдруг ко всем Али-ага громовым голосом, от чего задрожали даже стёкла в окнах, – во сто крат лучше было бы мне быть сражённым вражеской пулей, чем испытать такое горе по смерти сына и позора! Кому я нужен такой – убитый горем и опозоренный на родной земле, в родном очаге?! Кому, кому?!

Мне казалось, что из груди Али исходит какое-то невидимое пламя и его гасят горячие слёзы.

– Не говори так, Алижан! – тут вступил в разговор до сих пор молчавший Мадибай. – Ты нужен нам всем, нужен народу. Не только ты, но и я, потерявший обе ноги, оказывается, нужен людям. Успокойся и не гневи Бога. Ведь Аллах же

сказал: «Милость моя берёт верх над гневом моим». Следуй наставлению Всевышнего. И великодушно прости грешницу, хотя она виновата и... не виновата. Как фронтовик фронтовика прошу тебя! Виновник понёс уже Божью кару, ой, как ещё понесёт в мире ином!

Я понял: и Садык-ата, Мадибай намекали на Гундосого. Значит, они знают то, чего я не знал. Может, та сволочь раскрыла где-то тайну своих проделок. Тут кто-то хлопнул руками по коленям, тем самым давая понять, что разговор окончен.

Мадибай звонким голосом начал читать молитву. Кажется, он читал несколько сур из Корана подряд. И воцарилась благотворная для души, священная тишина.

За утренним чаем все сидели вместе, Алипа тоже. Но с ней никто не разговаривал. После завтрака она и мать ушли на поле, а отец отправился разносить почту по домам. Пришли несколько старушек поприветствовать Али и выразить ему соболезнование. Затем дядя, за сутки сильно изменившийся, жёлтый, болезненный, сломленный тоской, попросил меня отвести его на кладбище к Димашу. И мы пошли по дорожке, на обочине которой вилась каёмка полыни, смешанная с только начинающим цвести колючим жантаком. Али-ага отломил кончик полыни и жадно понюхал.

– По этому запаху тоже тосковал я, – тихо произнёс он, как будто стараясь не нарушить скорбную кладбищенскую тишину.

– Вот он... Димаш, – указал я на маленький холмик. Мне показалось, что Али-ага в этот момент даже перестал дышать. Чуть качнувшись, опустился на колени у холмика и с трудом, дрожащим голосом выговорил:

– Здравствуй, Димаш... Вот я пришёл... к тебе. Проснись, проснись, сыночек золотой мой! – затем, громко рыдая, обхватывая всю могилку, упал на неё. Сперва осторожно погладил каждый комочек земли, а потом хватал мощными пальцами мелкую, тонкую траву, уже успевшую засохнуть и почти сгореть под палящим солнцем, вместе с землёй. Травинки хрустнули. Этот хруст мне показался жутким, страшным. Как будто внутри большого, могучего, костистого тела Али что-то разрушилось, сломалось, из-за чего у него клокочет что-то в горле... Он дрожал с головы до ног. Лёгкий ветерок ерошил его преждевременно седеющие волосы.

Так сильно горевавшего прямо над могилой я до этого, да и после, никогда не видел. Эта картина потрясла меня и запечатлелась навсегда.

Когда шли домой, я всё думал: как хоть немножко отвлечь Али? Позвать его на рыбалку? Вряд ли он пойдёт, когда у него на душе ничего не отошло. Потом, как я заметил, он избегает встреч с людьми и не хочет показываться кому-то на глаза. Чем же тогда? Ответ на этот вопрос я нашёл, когда увидел его китель, висевший на спинке венского стула. На нём – уйма наград, каждая из них – история. Да и самому тоже было очень интересно. Вот я стал всматриваться в них. На правой стороне два ордена: массивная красная звезда с толстой эмалью и изображением солдата с винтовкой, внизу надпись: «Красная Звезда», а вторая тоже звезда, но с расходящимися лучами, винтовкой и саблей, надпись: «Отечественная война». Понятно. А внизу красное знамя с надписью «Гвардия». Тоже понятно, Али-ага – гвардейский офицер. На левой стороне на ленте белая большая звезда, в центре которой Кремлёвская башня, а внизу надпись: «Слава». Понятно, это орден, о котором Али-ага нам писал. Дальше пошли медали: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За взятие Будапешта», «За взятие Берлина» и, наконец, медаль с изображением Сталина – «За победу над Германией». Всё понятно, кроме одного. О том и спросил Али:

- Дядя, что это такое – Будапешт?
- Это город, столица Венгрии.
- Столица? Большой он, этот Будапешт?
- Большой, конечно.
- Больше, чем наш Жамбыл?

Али-ага чуть улыбнулся:

- Больше, Рахмет, больше... Там есть река Дунай. Она тоже во много раз больше, чем наш Талас.

- А там пароходы ходят?

Али-ага, посмотрев на меня тепло, как раньше, ещё раз чуть улыбнулся:

- Тогда нет. Сейчас, наверное, ходят.
- А тогда не ходили почему?
- Тогда же было страшное сражение.
- Понятно. Буду знать теперь про Будапешт...

Потом я стал расспрашивать о других битвах, но он не проявил желания рассказывать дальше, сказав, что ему нездоровится. Затем он открыл большой чемодан, вытащил оттуда маленькую светло-синюю шинель.

- Для Димаша прихватил... Теперь ты носи, Рахмет, и за Димаша носи, – дрогнул голос Али.

Чтобы отвлечь его, я быстро спросил:

- Разве бывают такие маленькие солдаты?
- Маленьких солдат не бывает. Бывают сыновья полка. Вот для них и шьют такие. У полкового интенданта выпросил.

Потом Али-ага подарил мне кучу лощёных тетрадей и цветных карандашей, даже авторучку.

После обеда он с отцом побывал в нескольких домах погибших и выразил соболезнования.

Уже к вечеру к нам явилось начальство аула: председатель колхоза Аманкул Жиынбаев, председатель аулсовета Зияда Аманова и парторг Желеубай Саткулов. Все они поздравили Али с возвращением. Затем завели долгий разговор о делах в колхозе, обременённом и разорённом тяготами войны.

- Вот такая обстановка в ауле, – сказал Аманкул, как бы подытоживая сказанное. – Тяжёлая. Чтобы её исправить, нужны свежие силы. И мы, посоветовавшись, решили предложить тебе взять бразды правления! Я устал, к тому же возраст и здоровье... Если ты согласишься, думаю, райком не станет возражать. Как?

Зияда и Желеубай одобрительно закивали.

- Был же командиром на фронте, теперь покомандуй и колхозом, – добавил Аманкул.

Такой оборот разговора для Али был полной неожиданностью. Довольно долго помолчав, сказал только несколько слов, как будто выдавливая из себя:

- В каком положении я нахожусь, сами понимаете... Спасибо, что разделили моё горе... Насчёт вашего предложения – не могу вас обнадеживать... Спасибо, уважаемые.

После ужина отец и Али-ага долго сидели на лавочке возле дома и тихо беседовали. Околачиваясь возле них, я несколько раз слышал произнесённые с жаром слова дяди:

- Поймите же, я не могу оставаться здесь! Где при случае каждый может мне ткнуть в глаза или за глаза насмеяться, поиздеваться надо мной! И даже сам как смогу забыть такой позор?! Мне больно расставаться с вами – моими родными, с местами, которые каждый день, каждый час на фронте вспоминал и мысленно

представлял. Поймите меня правильно! К тому же не уеду на край света, а буду где-то в нашем, Свердловском районе, частенько будем видеться... Спасибо, что вы поняли меня... А завтра мне надо в райцентр, чтобы встать на партийный и военный учёт.

На следующий день рано утром на арбе отец и Али-ага отправились в путь. После обеда отец вернулся один.

– Али остался по делам, – объяснил он мне, распрягая лошадь.

Через три дня вернулся и Али-ага. Ночью, на машине «полуторка» с шофёром.

– Перед вами новоиспечённый председатель колхоза «Кызыл Октябрь»! – с явно поддельной бодростью доложил он, вышедшим встречать его. – Теперь буду командовать не взводом, а целым колхозом, как сказал дядя Аманкул.

Сборы были недолгими. В конце короткого чаепития, отец, зачитав молитву, дал своё благословение. А мать, обняв брата, долго не отпускала.

– Не на фронт же еду... успокойся, – Али-ага ласково гладил сестру по голове. Затем он, крепко обняв меня, похлопал по спине. И открывая дверь кабины, чуть раздражённо сказал Алипе:

– Ты садись, а то простудишься, – и сам легко забрался в кузов.

Мать, приобняв Алипу, произнесла назидательным тоном:

– Ты береги его.

– Да, конечно! – быстро ответила та.

Как я узнал, колхоз «Кызыл Октябрь» находился километрах в двадцати от нашего аула. Далековато. Часто видеться не удавалось. Только осенью отец с матерью съездили туда. По приезду мать озабоченно сказала мне: «Ай, не знаю, болеет ли он. Сильно похудел, жёлтый какой-то, родимый мой...». Я старался успокоить её: «Это от работы. В колхозе разве мало дел? А у него дела идут хорошо, не зря пишут в газете. Так что не волнуйся, наоборот гордись, что у тебя брат такой!». Хотя и успокаивал её, сам встревожился, увидев Али, когда он приехал накануне нового года: похудел страшно. «Сердце иногда пошаливает... Но ничего, куда же оно денется», – чуточку улыбаясь, ответил он отцу, когда тот поинтересовался его здоровьем. «Всё же он не может забыть, да и как забудешь такое», – заключил я. Мне казалось, что и родители такого же мнения.

На дворе стоял апрель. Первая послевоенная весна не по дням, а по часам набирала плодотворную силу: кроме неба, гор и рек, всё зеленело. Пьянящий тёплый воздух вместе с мягкими солнечными лучами тянули всё живое в мир какого-то таинственного блаженства.

В один из таких дней я, уже шестиклассник, услышал шум машины, остановившейся возле дома. Машина знакомая. Али?! Нет, не он идёт, а его шофёр. Поздоровавшись, он рассеянно спросил:

– Есен-ата дома?

– Нет, он в аулсовете...

– А где апа?

– Она в поле. А что? – я встревожился.

– Да так. Они мне очень нужны.

В это время показался отец, ехавший со стороны аулсовета.

– Али-ага тяжело болен, – услышав эти слова от шофёра, отец еле удержался на ногах, весь побледнел, на глазах появились слёзы

У меня ёкнуло сердце. Я знал, что казахи никогда прямо не сообщают о непоправимом... И мы втроём на той же машине отправились в «Кызыл Октябрь». Мать всю дорогу плакала. Мне об этом страшном горе и сейчас, спустя много лет, очень тяжело и больно вспоминать.

Али не было в живых. Из слов беспрестанно плакавшей, убитой горем Алипы, поняли, что утром, собираясь на работу, Али вдруг схватился за левую сторону груди, упал на диван и умер.

Утром следующего дня Али хоронили всем аулом возле большого, тенистого каратала, растущего вблизи журчащего узенького арыка с тёмно-синей водой... Когда все сели за поминальный обед, я ушёл обратно на кладбище: хотел один проститься с любимым дядей. Вот он из великого человека превратился в холмик ржавой земли... Я, не задумываясь, лёг рядом с могилой... Когда-то Алиага укладывал меня справа от себя, а Димаша слева и перед сном рассказывал нам интересную сказку... А где Димаш? А где теперь Алиага? Я посмотрел в бездонное небо. Там высоко-высоко парил одинокий орёл. В моём воображении этот орёл показывал, чертил жизненный путь Али. Большая, высокая, чистая жизнь, как полёт орла... И спустя некоторое время исчезло всё: и небо, и орёл... Слезы скрыли всё...

***

Закончив своё повествование, Рахмет долго молчал. Я тоже, поскольку не мог отойти от впечатлений от услышанного. Очнулся только тогда, когда Рахмет неожиданно спросил:

– Ну, теперь-то убедился в том, что тот несчастливый неизвестный солдат с медалью «За город Будапешт» счастливее, чем мой дядя Али, тоже имевший медаль за Будапешт?

– Да, пожалуй, это так... Хотя ты ставишь свой вопрос в очень неудобном ракурсе... А что случилось с твоей тётей Алипой, бедняжкой? – поинтересовался я.

– Мы с ней порвали всякую связь после смерти Али... Как-то слышали, что она перебралась в город. Кроме этого никаких вестей от неё. Жаль только, что мы не забрали награды дяди, их можно было сдать в музей, чтобы хоть какая-то память осталась от него... Кстати, я в 2005 году, накануне 60-летия Победы поставил гранитную плиту над его могилой с надписью: «Здесь покоится отец Димаша, солдат Второй мировой войны Али Аралбаев (1916-1946 гг.)». Конечно, я там не указал, от чего он умер всего через год после войны. Судя по всему, сердце солдатское, выдержавшее четырёхлетний ад войны, не выдержало трёх ударов судьбы: смерти единственного сына, измены любимой и любящей жены и позора.

– Ты, кажется, прав. Такую нагрузку, не выдержит никакое сердце, – поддержал я Рахмета. – Кстати, ты же хотел после своего повествования сделать мне ещё одно замечание. Помнишь?

– Помню! Но это замечание... превратилось в предложение.

– Это интересно, – удивился я.

– Может, ты на основе рассказанного, напишешь что-нибудь?.. Это было бы настоящим памятником дяде Али. Как думаешь? – Рахмет загорелся этим желанием.

– Стоит обдумать, – неуверенно ответил я. Тем временем я подумал о другом. «Пожалуй, немало людей утверждают, что человек, покидая этот бренный мир, приобретает духовный облик. А попадая в мир вечный, приобретает внешность человека... Дай Аллах, чтобы это предположение было высшей истиной, хотя и для незнакомого мне Али, ставшего очень близким и дорогим мне после рассказа Рахмета...».

Мы медленно поднялись с места, уже старые дети Второй мировой войны, и не спеша направились в рыскуловский парк. Всё же праздник.

18 ноября-31 декабря 2012 г.

г. Тараз.

Сергей КРЮКОВ

“Между землёй и вечностью...”

***

Мы пишем впопыхах,
Но знаем ли о том,
Что кроется в словах,
Повязанных листом...

Порою между строк
Мерцает горний свет...
Поэт — всегда пророк.
Пророк — всегда ль поэт?

Пророк

Он жил, как зверь, в прокуренной берлоге,
Терзаем одиночеством своим.
А взор его, утяжелённо-строгий,
Носить бы впору минимум двоим.

Его походка не бывала шаткой,
Хотя и лёгкой не была она.
Он в зеркала гляделся лишь украдкой
И знал, какого цвета — тишина.

Гасил волнений волны в сигаретах,
Как будто перед всеми виноват.
Не узнавал себя в своих портретах.
И к небу воздымал пылливый взгляд.

И часто видел в небесах такое,
Что скрыто от земного до поры.
И, забывая вдруг в себе людское,
Как будто вдаль глядел с крутой горы...

И в повседневной жадной круговерти,
Где властна неприкаянная смерть,
Он знал подспудно, что и после смерти
На мир усталый
Будет
Так
Смотреть...

**Сергей
КРЮКОВ**

– член Союза писателей России, автор трёх книг лирики. Интернет-редактор журнала «Поэзия МО СПР», арт-директор клуба «Литературные зеркала» в Библио-Глобусе на Лубянке. Живёт в Москве.

В «Ниве» выступает впервые.

***

Мой старый сад зарос крапивой.
Скосить крапиву — не вопрос,
Но корни поросли строптивой
Прошили ткань земли насквозь.

Потолковав со стариками,
Вдруг —
        знать секрет они могли,
Нетерпеливыми руками
Деру крапиву из земли.

Презрев ожоги и уколы,
Азартом чувства заместив,
Исполню труд свой невесёлый,
Порочной воле супротив...

Продёрну всё — до крохи малой.
Пройдёт зима, придёт весна —

И на земле, от бед усталой,
Взорвутся
Злые
Семена...

Мизинец Паганини

Орфею брат, средь ночи синей
Смычком взрывал он тишину.
Одним мизинцем Паганини
Враз мог бы выиграть войну.

Он был неистов, как испанец,
Он искры взглядом исторгал.
И по струне скользивший палец
Струну стальную — зажигал.

И каждый видел не однажды,
Как ввысь взмывал крылатый конь.
И проклинал в испуге каждый —
Во тьме бушующий огонь.

Кричали: «Дьявол — Паганини!» —
Ломились — все на одного...

Господь создал его мизинец,
Создал — и было для чего.

Ночное купание

Звёзды в чёрную воду упали,
Опустились на самое дно.
Небеса, как обычно, купали
То, что людям купать не дано.

Необъятность небесного круга
И уютная малость пруда
Навсегда просочились друг в друга —
И бездонною стала вода...

И — ни думать не мог, ни гадать я,
Что, ныряя в обычном пруду,
Я отрину земные объятя —
И в объятя небес упаду...

Сушь

Рыбы завяли воблами,
Небо хватая ртом...
Стисну руками облако
По-над сухим прудом.

Взгляды пушу лучистые
В комья небесных рос —
Тысячью молний выстрелит
Раскрепоощенье гроз.

Выжму из тучи реченьку,
Пруд осенью крестом —
Между землёй и вечностью
Рыба плеснёт хвостом...

***

Кипел июнь бурлящей толкотнёй,
Распространив святое святотатство.
Прощаться не хотела ты со мной,
При этом не желая мне сдаваться...

Мы никогда о том не скажем вслух,
Что следствием явилось, что — предтечей,
Когда над нами испарился вдруг
Неукротимый дух противоречий...

И ты была... Ах, ты такой была,
Каких на свете вовсе не бывает...
Прозрачно-зримой становилась мгла,
И тишина дрожала, как живая...

И уместился Божий мир — во мне,
 Весь мир в его неистовом богатстве...
 Я утонул в бурлящей толкотне,
 В святом грехе, в волшебном святотатстве...

***

Задыхаясь от счастья,
 Выбиваясь из сил,
 Ты была безучастна
 К тем, кто счастья просил.

Я любви отдавался,
 Аж смеркался рассвет,
 Но — к тебе оставался
 Безучастным — в ответ.

Годы шли, как минуты, —
 Райской тенью земли.

Мы любили, как будто
 Не любить не могли.

Мы друг друга прощали
 И горели в ночи —
 Но любовь освещали
 Чёрных вспышек лучи...

На обугленном счастье —
 Вспоминаний слои...
 Нет давно безучастья.
 Только нет — и любви.

***

Есть право на любовь. Есть право на ошибку.
 Среди иных даров Господнего добра
 Есть право догорать в надсумеречной зыбке
 Полночной немотой душевного костра.

Безнравственно просить в молитве наслаждений.
 Но слаще ничего при жизни не хочу —
 Лишь преодолевать с тобой живой поток мгновений.
 И, руки вознося, в отчаянье молчу.

Я вечно нахожусь в подвешенности между
 Злодейством жадной тьмы и добротой огня.
 Но верю и живу немеркнувшей надеждой,
 Что смертная любовь бессмертнее меня.

Игры

1.

Прощая маленькие глупости —
 Тычки, ревнульки, непонятки... —
 Любовь в обличье тонкой хрупкости
 Шутя играет с нами в прятки.

Забавны нам любви превратности
 В лучах полуденного солнца.
 И мы запрыгаем от радости,
 Как только след её найдётся.

2.

Вооружась волшебной палочкой,
 За нами счастье припустилось.
 Смеясь, мы с ним играем в салочки,
 Удирать, похоже, и не силась.

Мы скачем резвыми котятами,
 В траве катаемся щенками...
 И счастье солнечными пятнами
 Шалит и скачет вместе с нами.

В тумане

Завуалирован туманом,
Растаял в воздухе квартал.
Как будто схваченный тираном,
Мой разум в заключение странном
Ориентиры обретал.

Когда пространство к зренью глухо,
Что никаких не хватит сил,
Я обращался в орган слуха,
И осязания, и нюха... —
И направленья находил.

Но — из туманного болота
Пятном живого серебра
Пыталось вызвериться что-то,
Чем заходила до икоты
Воображения игра...

Я натыкался лбом на стены
Едва родившимся щенком,
Но невзначай, но постепенно
Одoleвал — туманной пены
Свалившийся на город ком.

Мне было пасмурно и скверно,
Как будто я безбожно пьян,
Но руки вскидывались нервно —
И таял медленно, но верно,
Непроницаемый туман.

***

Я видел подбитую птицу.
Она молотила крылом,
За небо стремясь зацепиться.
Но крепко держал перелом.

Казалось, нет силам предела.
Чуть-чуть бы — и птица взвилась!
Но смертная мука глядела
Со dna стекленеющих глаз...

А памятью дали осиял,
Увижу, как, Бога моля,
Все рвёшься ты к небу, Россия,
Подбитая птица моя.

***

Жизнь сегодня у меня
Выдалась короткая:
Промелькнула за полдня
Рыболовной лодкою.

Где не молкнет чайки крик
У крутого берега,
Продад мне Харабалык
За полжизни жереха.

За корнями тростника
На песчаной отмели
У меня три судака
Четверть жизни отняли.

А в соседнем ильмене,
За лужайкой низменной,
Растерзали щуки мне
Весь остаток жизненный.

Если мне подарить рай
С кущею любовною —
Променяю, так и знай,
На счастье рыболовное!

***

Мне выпало счастье —
живя на земле,
в охотку работать
за хлеб на столе,
любить эту землю
и всё, что на ней
живёт,
расцветая в сумятице дней!

Мне выпала радость —
устав от забот,
вечерней порой
постоять у ворот...
Закат догорает
последним огнём
так тихо,
что хочется плакать о нём...

Ольга МАРК

Душа медленно выбралась из тела, не спеша осмотрелась. Большая комната, две немолодые усталые женщины, застывшие на стульях подле кровати с высокими резными спинками; шифоньер, буфет, иная деревянная мебель, теснившаяся вдоль стен и скрадывающая пространство. Всё знакомое, привычное, уже переставшее раздражать.

Одна из женщин наклонилась к кровати и тихо вскрикнула, быстро-быстро запричитала, заплакала. Попятилась к двери, залилась слезами и вторая. Душа рванулась к ним, хотела успокоить, стала говорить, что ей неплохо, что нет пока причин плакать. Но женщины не услышали, плакали всё сильнее, подошли к кровати, одна из них упала лицом на сморщенную руку, лежащую вдоль края смятой постели, и затряслась вся в беззвучном вое. Вторая, будто вспомнив о чём-то, неуверенно провела рукой по глазам лежащего, закрывая их. Душа тоже приблизилась и посмотрела. На боку, в неловкой скрюченной позе (лежать на спине всю жизнь мешал огромный горб), лежало высушенное старостью короткое тело. Длинные, сильные до последнего дня руки были покрыты коричневыми пигментными пятнами, щедро нанесёнными временем. Короткая, в складках свисающей кожи шея казалась непривычно худой – когда-то голова словно полностью сливалась с туловищем, и лишь в последние годы шея вдруг обозначилась. Крупный, тяжёлый лоб нависал над глубоко посаженными глазами. Душа содрогнулась от сострадания, ужаса и радости. Ей было жаль это страшное, сильное тело, с каждым годом всё больше сгибавшееся под испуганными, недобрыми взглядами прохожих, никогда не знавшее, лишь жаждавшее телесной радости, соответствующей бродившей в нём мощи. Душа почувствовала облегчение, ей удалось, наконец, стать свободной от этой груды мышц и костей. Облегчение было столь велико, что захотелось немедленно осознать полнее эту свою новую свободу, покинуть пропитанную запахами лекарств и страждущего тела комнату. Но что-то удержало её. Она поняла вдруг – ей совершенно необходимо побыть здесь ещё.

Она попробовала ещё раз обратиться к женщинам, ей не хотелось видеть их слёзы, но они не желали или не могли заметить её. Они оплакивали своего брата и были уже где-то очень далеко... Их плач сменился редкими всхлипами. Одна из женщин стала обзывать родственников, другая попыталась придать телу более удобную позу. Но ничего не вышло, все усилия закончились лишь платком, подвязавшим щетинистый подбородок, и душа вспомнила, что ещё три дня назад нужно было побриться, но сил так и не хватило...

И ей захотелось вдруг оказаться где-нибудь совсем в другом месте, подальше от этой неудобной комнаты и мягкой постели, и того, что лежало на ней, – в старом, пронизанном сыростью парке на окраине города, куда не советуют ходить после семи вечера, или у резного, как сказочный теремок, садового домика, или в том неведомом, незнакомом месте, куда тянуло всю жизнь, которое неотступно манило, но не имело определённого названия и точных географических координат. Но душа всего лишь выглянула в окно, на скудную детскую площадку с двумя пронзительно охающими качелями, квадратом песочницы и проржавленной горкой, и её удивило, как могла она находиться столь долго среди этого пустого и унылого однообразия, которое чуждо ей, незнакомо. Душа тщательно вновь и вновь осматривала, казалось бы, известный до последней песчинки двор, через который нужно было ежедневно ходить на работу и с работы, в магазин и из магазина... Ей так хотелось отыскать что-то нужное, родное, близкое, она пыталась убедить себя, что всё это – частицы её жизни, всё это – её жизнь. Каждый год ломались во дворе приземистые скамеечки под весёлым натиском молодых обитателей домов, и каждый год крепкие, уверенные руки лежащего на кровати подновляли их. Каждый год два раза в неделю натужно гудел под окном мусоросборник, и раздавался зычный крик бабы Кати с первого этажа: «Чтоб тебя, окаянный, спать по утрам не даёшь!». Каждый год облетали листья со всё тянувшихся вверх деревьев, и каждую весну появлялись на них снова, всё начиная сначала, маленькие, клейкие, робко и дерзко выпроставшиеся из пергаментных оболочек почек. Что же из всего этого было для неё близким, неразделимым...

Громко, с затаённым восторгом, залаял вдруг небольшой чёрный пудель, спокойно дремавший до того у ног немолодой своей хозяйки, довязывавшей на скамейке у подъезда сизого цвета свитер, залаял, запрыгал, пытаясь поймать светлое трепыханье крошечного мотылька перед носом, и душа поняла, наконец, что напрасно ищет приметы родства, ибо их и быть не может, потому что она в первый раз видит этот двор и этих людей, и эти деревья, и весёлого пуделька, и всё, всё вокруг... Она здесь была впервые, и её удивила свежесть молодой листвы и самовлюблённость молодых лиц, покосившиеся столбы фонарей и блеск свежeweмытых окон на третьем этаже. Мир стряхнул с себя пыль времени и открылся тысячью новых, ярких, сильных и чистых красок, повеселел, оказался красив и юн. Душа заволновалась, ей хотелось получше познакомиться с новым прекрасным миром... Как в поезде, когда несёшься вдаль, а за окном проплывает, пробегает навсегда мимо. Но вот говорят: «Посмотрите, какая красота сейчас будет». И смотришь, торопишься вобрать в себя за несколько быстрых секунд открывающееся чудо, увидел – и дальше, никогда не познать, не узнать... И в душе впервые родилось чувство движения, она хотела было рвануться вперёд, но поняла, что не может. Не может покинуть комнату, не может уйти от тела, словно ещё удерживающего её на тонкой ниточке. И ей не понравилась эта зависимость.

Вскоре одна из женщин ушла. Другая села на стул у окрашенной в мутно-жёлтый цвет стены и замерла, словно решив отдохнуть немного перед предстоящими скорбными хлопотами. Душа тоже осталась подле тела,

рассматривая его, почти изучая. Ей было неприятно, странно смотреть вот так, со стороны, она ещё слишком хорошо помнила все ощущения этого тела; теперь оно лежало почти чужое, почти незнакомое. Она не испытывала страха или удивления, ощущая себя отдельно от этой плоти, ибо никогда не чувствовала своей абсолютной принадлежности уродливому облику, всплывавшему ежедневно в глубинах купленного у антиквара мутного большого зеркала, вставленного в дверцу шифоньера, не столько для того, чтобы закреплять увиденный образ за неким «я», сколько, напротив, чтобы вновь и вновь убеждаться, что произошла нелепая ошибка, сбой в системе мироздания, в результате которого к «я» данный образ никакого отношения не имеет; сама эта ошибка оказалась куда большей реальностью, чем следовало бы, и привыкшие доверяться обману зрения люди видели лишь её материализованное проявление, и только теперь удалось, наконец, освободиться от всегда бывшего не своим тела.

Приехала «скорая помощь». Равнодушная женщина в белом халате, бегло взглянув на кровать, начала, пристроившись у стола, быстро писать, иногда заглядывая в распухшую вдруг за последний год историю болезни, поданную сестрой покойного. Душу всё это не заинтересовало, она была занята телом, она искала те тонкие и прочные нити, которые удерживали её с ним такие долгие годы. Она училась быть вне его.

И эта наука ей нравилась. Потому она даже не заметила ухода врача, не услышала робкие звонки в дверь.

В комнате стало теснее – пришли какие-то люди. Душа не сразу поняла, кто они, и позднее изумилась этому – все эти люди были знакомы и привычны, связаны между собой родственно или обстоятельствами судьбы, призрачными нитями общности. И в то же время они казались чужими, совсем чужими, ибо лёгкая фальшь сквозила в воспоминаниях, сразу ставших навязчивой темой всех их разговоров, налёт поверхностности, скрывавший отсутствие духовного родства. Но эти люди скорбели, и многие искренне, и душа почувствовала некоторую неловкость, горьковатый налёт вины за желание поскорее покинуть их, вырваться из старой квартиры, оборвать незримую привязь, удерживающую её. Ей стало казаться, что и она должна опечалиться, осознать расставание как трагедию, но отчуждённость от этих людей, отчужденность ещё большая, чем при жизни в теле, овладела ею, и она не смогла заставить себя грустить. А родственники, знакомые, соседи всё приходили, сменяя друг друга, как в бесконечно крутящемся калейдоскопе. И вольно гуляли по комнате и коридору, суетились на кухне, переставляли мебель, вытаскивали из платяного шкафа одежду и пересчитывали найденные в ящике секретера деньги. Особая суетливая озабоченность тенью легла на их лица, приглушила печаль. Они становились удивительно похожи друг на друга, словно нечто стирало их черты, делало менее различимыми, и душе с некоторым усилием приходилось вспоминать их имена. Всхлипы и причитания проредились разговорами о возрасте покойного и о его ушедших с ним достоинствах. Кто-то деловито распределял обязанности на ближайшие два дня, и душа вдруг изумилась, осознав, что всё это имеет к ней какое-то отношение.

А к вечеру привезли гроб, остро пахнувший непросохшей сосной, вовсе не желающей гнить в земле. Душе стало жаль невинное, плохо обработанное дерево, и впервые за день щемящая грусть задела её своим невесомым крылом.

Тело куда-то унесли и что-то с ним делали. Душа за ним не последовала, она осталась у окна, впитывая слабое мерцание пробивающихся сквозь пелену смога звёзд. Ей хотелось уйти.

В комнате стало тихо. Душа оглянулась – посреди на столе стоял гроб с телом, положенным на бок. У изголовья горело три свечи. Подле гроба на стульях с высокими резными спинками сидели сёстры умершего и зять. Одна сестра плакала, и душе стало невыносимо жаль её, она вспомнила, что всю жизнь сёстрам приходилось помогать, особенно младшей, которой не повезло ни с мужем, долго и грязно пившим, ни с равнодушными и уже давно живущими отдельно детьми, ни с самой собой, наконец, не умеющей найти ничего своего в текущем мимо неё мире.

Душа приблизилась к ней, и, словно почувствовал её тёплые мысли, женщина перестала плакать, вытерла глаза влажным измятым платком и невидяще уставилась уставшим взором перед собой, мерно покачиваясь еле заметно взад-вперёд.

Вторая сестра сидела неестественно прямо и молча, душа знала, что она не столь беззащитна, как младшая, и испытала к ней внезапное острое чувство благодарности за её долгие бдения у постели больного, за её безмолвное игнорирование в течение жизни всех невзгод.

Подумав какое-то время о сёстрах, душа, наконец, вновь взглянула на тело. Оно стало и вовсе незнакомым, мертвенно-бледным, с внезапно выступившими чужими и чуждыми чертами. Душа вновь содрогнулась от радости, что освободилась от него, и попыталась представить свой новый возможный облик. Она двинулась было к зеркалу, но старшая из женщин вдруг поспешно встала, словно уловив её мысли, вскинула в воздух, расправляя, свой большой чёрный платок и с тихим возгласом: «Как же забыла-то» накинула его на зеркало. Душа не расстроилась. Но впервые задумалась о новизне своего состояния. Однако не надолго. Душа почувствовала, что это несколько не должно занимать её и что, может быть, нынешнее её состояние куда естественнее, чем прежнее.

Следующий день вновь был полон странной, озабоченной суеты, вносимой людьми, приходившими в потерявшую хозяина квартиру. Всё это неприятно тяготило, но всё же вселяло неясную надежду на скорое избавление от невидимых пут. В какое-то мгновение душа уловила в комнате новое, только что появившееся настроение. Черноволосый юноша, сын соседа с первого этажа, растерянно стоял посередине комнаты у гроба, но смотрел не на покойного, а вокруг, на мебель, на рамы и панно, висящие по стенам, на деревянные статуэтки и массивные, прислонённые к углу, покрытые резьбой, брусья. «Я не знал, что он был художником, – виновато сказал юноша, – я думал он плотник...». – «Он был краснодеревщиком, хорошим краснодеревщиком», – ответила мимоходом младшая сестра, но юноша, похоже, даже не услышал. Он смотрел на гибкие линии и мягкие

тона дерева, он словно прощупывал их глазами, впитывал в себя каждый переход, перелив, он оцепенел в немом восхищении, и неосознанная улыбка единения приоткрыла его губы.

Он художник, осознала душа, он художник... И неожиданная новая, сильная радость овладела ею. Душа коснулась своим дыханием деревянной плоти дома, словно заставляя её ярче обнажить тайную сущность, но движение было слишком резким, и одна из свечей у края гроба неожиданно погасла. «Сквозняк», – сказал кто-то, а юноша вдруг ощутил неуместность своей улыбки среди скорбящих лиц и спрятал её. Но, уходя, всё оглядывался, словно боясь забыть что-то, потерять, обронить...

И снова была ночь и безутешное бдение, и едва заметная грусть, пришедшая всё же к душе. А наутро гроб с телом подняли на руки – словно волна подхватила, – понесли из квартиры. И душа почувствовала, что путы ослабли, и двинулась следом. Она перемешалась с похоронной процессией через весь город, до кладбища. И там, среди одичавшего сада последнего упокоения, смотрела, как прощаются люди с тем, кем она была, прощаются, касаясь губами пожухлого лба, а потом прячут под крышку и опускают в чёрную, свежую яму. Влажные комья пахнувшей севом земли размеренно опускаются на деревянную поверхность гроба, образуя постепенно узкий холм, и люди неторопливо расходятся, оставляя его в полном одиночестве почти сразу же после появления.

Яркость воздуха проредило первое дыхание вечера, и душа, оставшаяся на кладбище, словно пробудилась. Она сделала небольшой круг у могилы, потом осмотрела и всё кладбище. Она заметила, что зрение её становится всё более и более сильным – малейшие предметы, изменения оттенков цвета, микроскопические подробности бытия стали выпуклыми и ясными, словно под увеличительным стеклом; расширилось и панорамное зрение, она могла рассматривать готовые свернуться лепестки цветка на могиле и в то же время видеть почти всё кладбище, как с большой высоты. Освободившись от таинственной привязи, душа обнаружила и замечательную способность мгновенного передвижения. Она решила сперва, что это полёт, но потом поняла, что полёт непременно связан с физическими ощущениями, чувством парения, рассекания воздуха, она же просто перемещалась, не ощущая и не воспринимая действие как процесс. Душа начала медленное, тихое кружение по расширяющейся спирали, центром которой оказался свежий могильный холмик. Много раз она останавливалась у других, уже осевших могил, на камнях которых полуистёртыми метками стояли имена родственников и знакомых, а иногда и совсем неведомых людей, но с непонятно близкими, быть может, когда-то слышанными фамилиями. Душа вспоминала, вспоминала лица и звуки голосов, жесты и краски, слова и ситуации. Ей стало казаться, что она вновь прощается с ними, да так оно и было – она уходила от них второй раз. Иногда она видела людей, бредущих по кладбищенским дорожкам или стоявших у могил близких. Но люди не привлекали её внимание – она их почти не замечала. Границы её кружения всё расширялись, и она оказалась вне кладбища. Ей пришлось остановиться на мгновение, она не могла решить сразу, что ей теперь делать.

Словно лёгкое дуновение ветра пошатнуло её, и она услышала зов, неясный, смутный, неразгаданный голос, влекущий куда-то, голос, до щемящей боли знакомый, но неопознанный и непознанный. Душа рванулась за ним, но он исчез, растаял, оставив после себя лишь неясное, ищущее томление.

И тогда душа продолжила своё кружение, и уже не кладбище, а весь город открылся перед нею. Душа пронеслась по его улицам, огибала здания, проникала в тёмные, пропахшие бедностью подъезды и квартиры. Она выискивала, собирая в единое целое, словно составляя мозаичное полотно, места и пространства, что-то значившие для неё при жизни. Она посещала дома своих родных и знакомых, которых оказалось очень немного, – внутренняя отгороженность всегда стояла невидимой преградой между умершим и людьми, преградой, созданной не только уродством горба, чудовищной силой, заключённой в крупных узловатых кистях, угрюмостью характера, но и остротой тайного зрения, увеличивающего это расстояние до глубин космических, бесконечных и отпускающего и опускающего эту преграду только в одиночестве собственного дома, в отрешённости работы рук над тёплым телом дерева...

Душа наматывала на себя пустоту чужих домов, скверов, переулков, впитывала краски и звуки, ароматы и объёмы. Она искала знаки своей жизни, заново постигая её неровный ход, переполняясь ею и отторгая её от себя.

Солнце несколько раз поднималось и опускалось за видимый край земли, а душа всё кружила и кружила по городу, по знакомым и забытым улицам, по поверхности крыш домов, по аллеям старых парков. Она заходила в театры и цирки, в рестораны и бары, туда, где ей никогда не приходилось, да и не хотелось бывать, но без этого образ города представлялся ей теперь неполным, ущербным, а ей хотелось понять всю его скрытую геометрию сущность.

Теперь ей был известен каждый закоулочек города, каждая каморка любого из его зданий, и это доставляло ей странное удовлетворение. Город, который воспринимался раньше лишь как почти абстрактный географический пункт, в котором нужно было существовать, но который был всё же отторгнутым и чужим, открыл ей свои пространства, своё тайное строение, не известное ни одному архитектору или градостроителю, своё истинное строение и своё будущее движение. И, познав город, душа поняла, что может отпустить его. Её кружение прекратилось, она замерла, вновь не зная, куда направиться теперь.

Что-то неясно привлекло её внимание – женщина, идущая по улице, почему-то обеспокоила её. В эти дни душа словно забыла о существовании людей, и сейчас она даже удивилась своему непонятному влечению к этой женщине.

Душа оглядела её. Немолодое, стёртое лицо с водянисто-серыми глазами, тонким носом и плохо вылепленными губами. Волосы, когда-то бывшие русыми, а теперь посеревшие от седины, упрятаны под воздушный чёрный платок. Тёмно-коричневое платье, не по сезону тёплое, две переполненные сумки в огрубевших от домашней работы руках.

За женщиной душа следовала с полквартала, и вдруг словно ледяная струя сожаления охватила её – ведь это была младшая сестра, лицо которой позабылось, потерялось в бесконечном кружении.

Душа отправилась за ней и вскоре оказалась снова в своей квартире, когда-то столь долгожданной, и там снова было много людей, озабоченно ходивших из комнаты на кухню, приносивших и уносивших на стол и со стола тарелки с едой, напряжённо обедавших и говоривших, говоривших о покойном, вспоминая встречи с ним и дела его, беседы и случаи. Тёплые волны близости с этими людьми, невозможной ранее близости полного отстранения, охватили душу, подняли своим сильным течением, и она всматривалась до бесконечности в глаза и лица, прочитывая прошедшие и грядущие судьбы, тайные и явные пути и ощущая, ощущая наконец-то родство, которое давно, с первых осознанных лет находилось где-то за границами выпирающего горба, вне досягаемости сильных рук, ускользало с каждым словом и жестом, оборачивалось ложью и отчуждением, было столь же привлекательно, сколь пугающе. И теперь, прикоснувшись к каждому из находившихся здесь, душа поняла, что может проститься с ними, соединив их в том единстве, которое она начинала постигать.

Она провела в своей квартире весь день, наслаждаясь тайным, не стеснённым физическим телом общением. И лишь поздним вечером, когда все разошлись, сёстры вымыли посуду и пол, душа поняла, что пора уходить, ибо уходить теперь было легко.

И снова едва слышно, издалека, из туманной неясности впереди или, напротив, совсем рядом, послышался властный, манящий голос, от которого она содрогнулась и заспешила в путь, к другим землям, чтобы и их объединить в свершаемом ею единстве. Душа перенеслась на окраину города, прислушалась – но зов потерялся, затих на время. Однако она понимала, что найдёт его источник, нужно лишь подождать, а пока, пока впереди вся планета, в которой так много красоты и мощи, и которую необходимо узнать и увидеть, в последний раз увидеть новым обострившимся зрением и не потерять ни единой крупинки её великолепия.

И душа отправилась в путь, меняя города и страны, проходя сквозь леса и воды, объезжая луга и пустыни. Она принимала в себя каждую веточку и травинку, она впитывала пенё птиц бразильских джунглей и древний очерк палестинских деревьев, артистическую архитектуру Парижа и знойность старинных улочек Стамбула, грацию мягких движений охотящейся пантеры и резкость изломанных линий палочника, смелость в сочетании красок лепестков орхидеи и дымчатые тона засыпающей тундры, изысканную резьбу листьев пальм и аскетическую строгость форм кипариса, гортанные певучие звуки арабского языка и отрывистость речи бушменов, тягучее, умудрённое звучание ситара и быструю дробь ямайского барабана.

Иногда она надолго замирала перед каким-нибудь чистящимся зверьком, подолгу разглядывая его старательные движения и мягкие волны укладываемой шерсти, а потом вдруг стремительно охватывала огромные пространства, постигая уже мгновенно всё свершаемое на них. Порою какое-нибудь здание или картина завораживали её на несколько часов,

привлекая каждым камешком, выбоинкой в стене, малозаметной царапиной на штукатурке или мельчайшим мазком, волосом от кисточки, прилипшим к холсту, игрой света, скрытой в наслоениях краски, – тайные дороги произведений и творцов открывались в них, внезапно убыстряя странствие души, позволяя мгновенно вбирать в себя всё задуманное и сотворённое.

Вся планета уже пролетела сквозь неё, и последним оказался далёкий чёрный континент.

Словно тихий, неслышимый голос вновь позвал её издалека, она устремилась ему навстречу, подчиняясь внезапному порыву, проникла в какую-то деревянную постройку причудливой архитектуры и очутилась в светлой просторной комнате с большими, от пола до потолка, окнами, полукруглыми дверьми и камином, прислонившимся к оббитой узкой деревянной реечной стене. В комнате вообще было очень много дерева, стояли полукругом изогнутые деревянные креслица, столик на гнутых ножках поддерживал светлую точёную фигурку девушки с кувшином, выполненную из незнакомой породы, диван с деревянной резной спинкой устало сутулился в углу комнаты, на стенах висели устрашающие злых духов ярко раскрашенные деревянные маски, огромная ступа с украшенным спиралевидной резьбой пестиком стояла около окна... Казалось, это был музей или комната коллекционера. Но вновь прозвучал глас, уже настойчиво, совсем близко, и душа заметила наконец в углу комнаты, напротив дивана, лёгкую, словно о воздух опирающуюся этажерку совсем иной, нездешней работы, иной выделки, иной школы. Мягко светился, подчёркивая все естественные оттенки дерева, внутренние узоры, золотистый лак. Был он положен ровно, без единого невольного утолщения, словно не тягучим, быстро застывающим веществом покрывали дерево, а облили быстрым и сильным, не дающим теней, лучом света, или само дерево выпустило этот свет, копившийся годами, по крошечке от каждого луча солнца. Да и узорные эти формы, плавные повороты линий, мягкую резьбу, нежные, как у расцветающей девушки, изгибы, переходы тонов не сделаны были, а лишь проявлены мастером, вызволены из тьмы сокрытия, обнажены чуткому взору. Тайственные письмена древнего, забытого людьми и ведомого деревьям языка сложились в стремительные узоры на невесомых полочках, напоминали застывшие в счастливом мгновенье струи водопада, вокруг которых сияли незримые искристые брызги, ножки разбегались водяной пеной, и этажерка, казалось, парила, не касаясь пола. Вверху стойки этажерки сначала слегка утолщались, словно закудрявившиеся листья, взглядевшись в которые можно было увидеть светлые добрые взгляды и ласковые улыбки, а потом закручивались ввысь, раздробившись на несколько свитых прядей.

Зачарованно смотрела душа на просветлённое деревянное чудо, ибо не думала увидеть когда-либо вновь любимейшее своё детище, рождаемое долгими, бесконечно долгими осенними вечерами, когда не было для неё отрады ни на тёмной улице, ни в тесной комнате, и мир привычно покрывался тёмным пологом гнетущего одиночества, когда недостаточно света от недолгого солнца, и чтобы не захлебнуться, не утонуть во тьме, в липком

круговороте неудавшегося, ненужного существования, создавался этот нездешний свет напоенного свободой дерева, любовно извлекались для бытия танцующие завитки и тихо лепечущие узоры, воздушная сущность тяжёлой плоти.

Как очутилась здесь этажерка, как попала на другой континент, в иную культуру, душа не знала: многие работы, выполненные тяжёлыми руками горбуна, путешествовали по свету, и кто и как предопределял их путь, кто отправлял их в неблизкие дороги...

Далёкая страна приютила деревянное чудо, и неизвестный человек смотрел на него быстрыми вечерами, впитывая нездешний свет. Душа прильнула к тёплому дереву и вновь услышала голос, сильный, властный, он был совсем рядом, он звал оставить этот познанный и воспринятый мир, которым она насытилась, вобрав в себя, и душа вспомнила, что не раз слышала голос этот и раньше, что и находящаяся перед нею работа была выполнена по велению тайного зова, который был вне её и был в ней, который поднимался из неё, распутывая тесный её кокон, и душа забывала себя, ибо уже познала, выливалась-вливалась в могучий, всемогущий глас, живший в ней изначально, смутно угадываемый в мгновения глубокого вслушивания и отстранения, вечный и сильный, бывший всем, и ею тоже. И она следовала за ним, она возвращалась и оставалась здесь, растворяясь в изобилии земного бытия, ибо уже нечто иное, обновленное и светлое, стремилось вверх, послушное теперь ничем не заглушаемому зову.

Озера не было уже более тысячи лет. Приезжие геологи утверждали, что когда-то эта большая впадина, скупо поросшая степными колючками, была заполнена водою, в которой плескались рыбы, росли водоросли, обитали тысячи тысяч больших и малых живых существ. Но потом вода пропала, оставив для грядущих исследователей мелкие приметы своего пребывания, земля высохла, просохла до каменистой калённости, стала обычной частью обычной степи.

Обширная впадина со всех сторон была окружена небольшими выступами, и потому на дне бывшего озера неуловимо, едва заметно менялись звук и свет, а раскалённая твердь под ногами не только обжигала, но и напоминала о незримом своём прошлом. После редких весенних дождей на дне впадины появлялись мелкие лужи, задерживающие воду на два-три дня, пока она не была выпита жадным солнцем. Всё остальное время царило полное безводие.

Наверху, неподалёку от бывшего озера, стояло три домика. Ещё несколько лет назад их использовали чабаны во время перегона скота, останавливались недели на две-три, пока не была подобрана овцами скупая степная растительность, и отправлялись дальше. Когда далеко от этих мест произошли какие-то изменения и скот, словно подверженный таинственному мору, почти весь был вырезан, домики остались даже без временных своих обитателей.

Года два стояли они пустыми, а потом приехали люди: две женщины и мужчина.

Мужчине было лет сорок-сорок пять. Крепкий, рослый и несколько тучный, он напоминал штангиста, много лет назад расставшегося со спортом.

Одной женщине было лет тридцать, другой значительно больше...

Они поселились по одному в каждом из домов и зажили странной, размеренной, лишённой событий жизнью, каждый день выполняя один и тот же ритуал пробуждения, обеда, ленивого ухода за малочисленной живностью, которую они с собой привезли (десяток кур с петухом и молочная коза)...

Они явно не были ни семьёй, ни любовниками, ни даже друзьями.

Они практически не разговаривали друг с другом, поглощённые каждый своими мыслями или, наоборот, одной-единственной, занимавшей их всех так, что уже не было нужды о ней говорить.

Закончив труды для поддержания жизни, большую часть дня они проводили в многочасовом сидении на выступающем из земли валуне на краю берега сухого озера. Молча, в тихой сосредоточенности, часами, пока солнце медленно сползало к краю горизонта, вглядывались в каменное дно.

За водой им приходилось ходить к колодцу, находившемуся в полукилометре от поселения. Сначала они установили строгую очерёдность и безропотно по несколько раз в день приносили в дома прогретую до приторной теплоты воду. Потом нашли среди хлама в одном из домов детскую коляску, в которой, должно быть, возили детей чабана по твёрдой степной земле, пока не выросли они и сами не уехали уже навсегда. Сняли колёса и соорудили небольшую тележку. Воду теперь привозили в бочонке и времени для странного наблюдения за озёрной впадиной стало больше.

Раза два к ним приходили люди, останавливались на ночь, пытались расспрашивать, но поселенцы весьма неохотно говорили о причинах, погнавших их в это место, и люди уходили, вспоминая потом со смешком и удивлением чудаковатых степняков, поселившихся в глуши и занимавшихся бог весть чем, но вряд ли дозволенным, иначе стоило бы прятаться...

Как-то к домикам снова подошли чабаны, монгольские казахи, вместе с семьями и скотом вернувшиеся в Казахстан, прошедшие по его степям, а к осени собиравшиеся назад, через границу. Кочевники не знали сложных слов «эмиграция» и «иммиграция», им было всё равно, как назовут их действия далёкие чиновники в душных кабинетах, они просто восстанавливали старые чабанские пути перегона скота, возвращали, пусть на одно-два лета забытое ощущение мира без государственных границ – сети куда более крепкой, чем меридианы и параллели.

Чабаны гостили у поселенцев три недели. Было шумно и непривычнолюдно. Потом ушли, оставив в подарок пять ярких и вислоухого лохматого щенка.

Зимой поселенцы в особо холодные дни забирали живность в дома, берегли от холода и доносившегося волчьего завывания. Одну овцу всё же потеряли, но остальные выжили, и две из них принесли весной приплод – три ягнёнка.

Как только дни стали теплее, люди снова приступили к своему уже привычному занятию – наблюдению за бывшим когда-то озером. Они расслабленно сидели на валуне, пристально вглядываясь в несуществовавшие блики на воде, слушали, как перешёптывался в камышах ветер и кричали птицы, радовались внезапной ряби от потревожившей водную поверхность рыбы...

Летом к озеру приехала археологическая экспедиция, состоявшая наполовину из иностранцев. Оказалось, рядом с озером находится древнее городище, и теперь его собрались раскапывать. Поставили палатки, привезли с полсотни рабочих, и сразу стало шумно и неудобно. Настойчиво, слой за слоем, снимали землю, обнажая скелеты; и прошлое, когда-то неуловимо прекрасное, превращалось в набор костей и черепков.

В отшельниках археологи поначалу пытались найти новых наёмных рабочих, разумно считая, что даже незначительный заработок в таком месте весьма желателен, но смотрители озера отказались стать грабителями могил, с явным отвращением отвергнув предложение. И на них просто перестали обращать внимание, хотя их судьба интересовала приехавших, как занимает всё не совсем обычное, не совсем нормальное, не совсем понятное.

Их подозревали в тайном сожителстве или сектантстве, в некоей умственной неполноценности или в особой форме мазохизма, угадывали криминальное прошлое, погнавшее в укрытие пустынной степи. В беспристрастных лицах, лишённых агрессии, расслабленно никаких, силились увидеть следы порока... Но разговоры с ними потухали после двух-трёх ничего не значащих фраз, и постепенно к ним так привыкли, что забыли о них.

К зиме археологи обнажили верхнюю часть города, а потом уехали, оставив выступающий из земли каркас прошлого.

Поселенцы никогда не заходили в раскопанный город, даже не приближались к нему, словно испытывали суеверный страх. Они поглядывали на него издали, иногда что-то шептали, лишь ветру доверяя свои слова, и возвращались к своему созерцанию.

Эта зима оказалась для них роковой. Сначала погиб, разорванный волками, молодой пёс. Потом, во время бури, вырвался из загона скот, его долго искали под пронзительным степным ветром, и, когда метель утихла, женщинам пришлось хоронить в снегу заблудившегося и замёрзшего мужчину.

Ранней весной вновь появились кочевники из Монголии, и какая-то невидимая зараза, коварный вирус пришёл вместе с ними и в три дня унёс жизнь младшей женщины.

Теперь два дома стояли пустыми. Оставшаяся одна женщина, словно запущенный кем-то механизм, безупречно повторяла ежедневный распорядок дня, и на лице её не было и следа горя, печали или досады. Каждый день, управившись по хозяйству, она возвращалась к озеру и смотрела, смотрела, смотрела на его пустую впадину, смотрела с неустанным ожиданием...

В то лето и в два следующих снова приезжали археологи, терпеливо копали, загружали находками большие деревянные ящики, увозили их в свои города, оставляя рассыпаться от солнца, влаги и холода древние развалины.

Они привыкли к тому, что в каждую экспедицию непременно вновь встречают «хозяйку озера», и слегка подсмеивались над ней и называли сторожем развалин.

Приехав в пятый раз, они обнаружили её на привычном месте у озера умирающей от какой-то неведомой болезни или от общей усталости ожидания, или от старости – солнце и ветер выветрили и выжгли из её лица все возрастные признаки.

Она заснула навсегда в тот же день, строгая, спокойная, всё так же не отводящая уже невидящего взгляда от озера, и молоденький аспирант, уже второе лето испытывающий зуд тайны, успел всё же в который раз спросить о причине верности озеру. Должно быть, молчание для неё теперь потеряло значение, и она сказала, что кому-то из трёх добровольных отшельников было видение, что именно здесь и есть место обетованное, рай на земле, который лишь скрыт от глаз до Его прихода и который скоро возникнет, вот только наступит время. Они всего лишь ждали, чтобы встретить или, как это случилось, знать, что были на должном месте.

Её похоронили неподалёку от древнего городища, и прошло ещё одно археологическое лето, и снова люди собрались уезжать, оставляя за собой уже совсем пустое, уже безлюдное место. И оглядываясь назад из уходящего автобуса на пустынное каменистое дно озера через запылённое заднее стекло, городской паренёк, похититель древностей, аспирант-археолог видел гуляющее по его дну свечение, неверный отблеск чьей-то стойкости и веры.

Бахыт КАИРБЕКОВ

“И с небом длится честный диалог...”

***

Ожидание — худшая участь,
Она неведома богам.
Как следствие: спешим..
Не лучше ль
Себя доверить небесам?!

И двигаться подобно Солнцу:
Пока горит — работай иль твори,
Когда ж погаснет ясное оконце —
Ко сну себя готовь — молитву сотвори.

Недаром древние так жили —
Доверяясь сердцем и душой
Природе — не надрывая жилы,
В груди лелея свой покой.

Грозы боялись, молнии, кометы —
Страх этот был священным и простым,
Наивно верили в приметы..
Мир был понятным и родным.

Теперь боимся — ждём кончины света,
Ни Бога нет для нас, ни сатаны..
Одни вопросы.. Ожидание ответа..
И дни — как прерванные сны..
02.01.09

Степь

Равнодушно взираешь... любимая..
Я-то знаю: родная мне ты..
Обнимаешь меня — ранимая —
Тайной собственной красоты.

Обнимаешь горами, степями,
Омываешь озёрной водой,
Опекаешь меня небесами,
Облаками и вечной звездой.

Равнодушие — как радушие,
Лучше так! — чем ревнивая страсть.
Как из сейфа, из города душного,
Сам себя я хочу украсть.

Сам себя я хочу увидеть
 Паутинкою таинств твоих,
 Позабыть боль утрат и обиды,
 Спеть тебе свой последний стих.
 03.01.09

Гульнаре

Осени вестница ранняя,
 Август за хвост ухватив,
 Ты для меня стала данью.
 Ах, этот сочный налив!
 Вспыхнула рыжая грива,
 Неба закатный разлив,
 Трепет склонившейся ивы
 Сердце щекочет, дразнит.
 Влажно колышутся очи,
 Волн долгожданный прилив,
 В зябкие кутаюсь ночи
 В шёпот, в объятья твои.
 И просыпаясь от жара
 Снов раскалённых твоих,
 Неги люблюсь загаром...

Счастье,
 Как выдох твой тих!
 20.08.09

В конце октября

Орех роняет листья, словно слёзы,
 Так плачет горестно немой...
 Впервые ночь была морозной.
 В лучах рассвета — ливень золотой.

Я удивился: льётся беспрестанно
 Почти бесшумный листопад,
 Страницы неудачного романа
 Швыряет, будто автор в сад.

О чём твердит он истово и слёзно?
 Так странно видеть этот монолог.
 Вдруг различаю шёпот: «поздно»,
 То лист упал у самых ног.
 25.10.09

***

Притихшей осени шершавая ладонь —
 Моим стихам пристанище живое,
 И листьев переменчивый огонь
 Напоминает шум прибоя.

Я окунаюсь в шёпот, в тихий сад —
В прекрасные ко времени потери!
Опустошаю любопытный взгляд,
Прощанью неизбежному доверяюсь...

И с небом длится честный диалог,
Гляжусь в него — в колодец Бога —
Как он пронзительно глубок
В лучах осенних — нежных, строгих!
30.10.09

***

Горькое лекарство увяданья
Пью, стараясь горечь полюбить.
Так однажды полюбил я знание
И с тех пор не в силах утолить

Жадного желанья увидеть
Жизнь свою — с бессмертной высоты:
Не в потугах, хлопотах, обидах,
Не в плену корысти иль мечты.

В чём тогда? —
В немотной неге
От увиденной красы?
В неудавшемся побеге
От привычной суеты?
В угрызеньях давних, тайных,
Что не в силах позабыть?..

Горькое лекарство увяданья
Пью, стараясь горечь полюбить...
11.11.09

***

Задрожала амальгама мира,
Поплыло зеркало пеленой
И — прошита ниткою пунктира —
С треском разорвалась предо мной.

И прозрел я на мгновенье сердцем,
Жизнь свою — с начала до конца —
Так застиранным на даче полотенцем
Лишь коснёшься ты умытого лица.

Ветхий лист – прочитанная книга –
Ость как древо сбросит лет труху,
Времени безжалостное иго –
Старости хронический недуг.
Потому обузой станет тело,
А не пойманный – не вор!
На мгновение душа прозрела:
Жизнь моя – непознанный простор!
11.11.09

***

Не грусти, окинув взором
Пройденные дали, –
Ведь не всё сводилось к ссорам,
К суете и прочим вздорам,
Пылью пусть – никчёмным сором
Обернётся увяданье!

Тело – только оболочка,
Маска, временный прикид.
Пусть душа всё так же хочет!
Пусть страдает и болит!

Лишь тогда есть смысл верить,
Что не зря нам жизнь дана, –
Быть Божественною мерой –
Всё испробовать – до дна!
11.11.09

О красоте

Да, уроды сотворяют красоту
(Уродившись, так бывает, сдуру!),
Ибо эту страстную черту
Чувствуют, как собственную шкуру.

Чувствуют, как шрам от раны,
Как ожог на сердце – боль и стыд,
Так незрячий – вечный странник –
Тьмою озарённый больше зрит!

Так безногий меряет дорогу,
Так безрукий ловит на лету
Бабочку глазами...
Как подмогу –
Немощный так жаждет красоту!

Потому рождаются картины,
Потому рождаются стихи,
В этом списке ненормальных — длинном —
Я хотел бы быть хотя б глухим.
11.11.09

Первый снегопад

Шуршат омертвевшие слёзы —
По жести, стеклу — за окном.
Как быстро сникает мимоза!
Как мёртвой руки
сожаленье о том,

Что было не схвачено,
Что не удалось
Проникнуться лаской любви,
И ягоды сочная спелость
Уже не меня удивит.

Уже не тебя эта жёлтая нежность
Уколет надеждой и сном.
Шуршащая колкая снежность —
Как в горле простуженном ком.
11.11.09

Стихотворение к альбому Н. Постникова «Внутренним взором» (фото «Курильщик»)

***

Морщинки — тропинки лица.
Я в них погружаюсь охотно.
Как ноты, читаю с листа:
Чем глубже — тем больше заботы.

Чем глубже — тем драма сильнее!
Но есть и морщинки-лучинки.
Бывала и жизнь веселей,
И небо казалось с овчинку.

Морщинки — тропинки лица —
Как кольца могучего древа!

Читаю, как ноты, с листа
Знакомого с детства напева...
3 мая 2007

Хан-Тенгри

К Тебе иду...
 Как к Богу обратиться?
 Всевышний,
 Не прошу!
 Хочу всего лишь знать:
 Всевидящий,
 Зачем душа томится?
 За что,
 Всемилоостивый,
 Мне
 Такая благодать?!
 25 июня 2007

Мангистау

Света на краю — конец или начало?
 Зеркало истории земли.
 Время узнавания настало —
 Дай взглядеться в письма твои!
 3 сентября 2007

Дополняя стихами альбом «Мангистау»

***

Лагун причудливых неуголённые объятъя,
 Оконца скал — неуголённые глаза,
 Мне чудится старинное заклатье,
 Что прозвучало здесь немало лет назад.

Кто здесь кого обидел, не простил?
 Кто здесь кого безжалостно покинул?
 Какой художник здесь к творению остыл,
 Оставив миру чудную картину?

***

Окаменевший берег не молчит,
 Кричат изрезанные болью скалы,
 Зеленоглазые лакуны льют ручьи
 По-вдовьи молча, неустанно.
 Лишь чайки знают тайну той разлуки,
 Здесь край земли — за далью рай богов,
 Я вижу в небо вскинутые руки,
 Я слышу здесь любви бессмертной зов.

***

Раскинут берег в ожидании встречи,
Раскинув руки — так идут к мечте,
И слёзы счастья льют — так душу лечат,
Прижавшись грудью к вечной красоте.

Так всей душой ты принимаешь счастье,
Так пьёшь всем горлом жизни сладкий миг!

Как горько океана быть забытой частью!
С кем говорить, коль твой забыт язык?..

***

Живое дерево на каменном кладбище —
Живой свидетель чуда и ручей
Божественной водой, — нет, пищей
Душе послужит измочаленной моей.

И я в другое загляну оконце,
Что смотрит в небо каждый божий день,
И мне не лень отныне солнцу
Читать псалмы, обожествляя тень.

***

Укладываю камни и раствором
Мне будет вечная печаль моя,
Что вновь себе кажусь я вором,
Я жив, но где, увы, моя родня?

Над куполами мавзолеев реет мир,
В котором различаю чьи-то тени,
Без них я был бы наг и сир..
О, мёртвый город, мир отдохновений!

Вета НОЖКИНА

Деревенские сказы Пропа

Окна

У нас в деревне всяко чудо исходило от Пропа. Всё делал он своими руками.

Проп с Матрёной своих детей не имели. Соберут мальцов округи, Матрёна пирогами угощает, а Проп сказы баёт, да мастерит чего, и нам показывает всякие домовничьи причуды.

Вот как-то рассказал он, как давно в избах не было окон. Одни рубленые отверстия в стенах. По лету днём их открывали, а в вечеру завешивали тряпичей. Осенью, с холодами, как на покров закроют живность, отверстия эти затягивали бычьим пузырьём. Посему днём в избу кое-как свет проклёвывался. Ну, а в морозы затыкали оконные дырки войлоком. Войлок-то вообще в каждом доме в цене был. Его валяли из овечьей шерсти. Пока дядя Проп вычёсывает да выкатывает шерсть, запаху стоит в дому – невмоготу. Зато потом чего только из войлока он не делал – одеяла, затыки на дверь и окна, половички, а в основном-то валенки валял по колено, или куцые, как чуни. А Матрёна игрушечки складывала из остатков. Дядя Проп как-то своей Матрёне сваял из белой шерсти тонюсеньку фуфаечку – кацавейку, все соседки обзавидовались.

Враз после медового спаса, когда лето скончалось, и соты из ульев повытрясали, дядя Проп пошёл на налима. Речка у нас горная, холодная. Налим только с холодами и выходит с глубины. Большая это рыбина – по аршину плюс локоть, а то и до сажени ростом. Кожу налима дядя Проп сымал аккуратно, пропитывал ядрёной вонючей водой, растягивал гвоздиками на доске, сушил и выкатывал скалкой. Получалась тонкая справная плёнка. Её-то и приспособил дядя Проп на окна. Проп рассказывал как-то, что в городе люди на окнах удельывали стёкла. Но больно хрупкие они – не довезти до деревни, да и дорогущие шибко.

Как весна наступала – Проп лонишную завесь из плёнки с окон сымал, а ежели хмарило – закрывал войлоком.

А в малоснежец мы выходили закликать весну. Пекли из теста птичек разных, разукрашивали их свёклой и луком, и шли гуртом на холм, и песню пели:

– Жавороночки, прилетите к нам, принесите весну на крылышках...

Или солнышко зазывали:

– Солнышко, солнышко, выгляни в окошко!

Проп нам к закличкам свистульки из осины выстругал. Мы пели слова всякие – звали солнце. А Проп сказывал нам, что там, в небе, солнце живёт, как и люди, в дому, и из окошка по весне выходит.

– А оно тож плёнку на окно в зимусь вешат? – я испрошал Пропа.

А он всем нам – мальчикам деревни – говорил так:

– Солнце – оно не люди, оно ж рыбу удить не может, потому и плёнку на окна не справит. У него окна, что иконы – святым светом разливаются сквозь небушко.

Потом, попозжа, привёз дядя Проп с волости китайскую слюду. Ох, какие он красивые окна справил с этой слюдой. А соседи всё судачили:

– Не-е, мороза не выдержит эта заморская плёнка...

– Да срам-то какой – всё видать, что в дому деется!

– Окна – оне от нечисти защита, а тут – входи, кто хошь...

Дядя Проп молча окна новые заделал. А чтобы от нехристи защититься – крестом деревянным осенил. Получилось как бы в одном окошке – несколько окошек. И одну-то створку сделал открывающейся: коли в доме душно – Матрёна её распахивает. А кругом окна прилепил деревянные задвижки, кои заволакивали окна, когда хмарь накатывала. А коли ведро в небе – с окон и задвижку сымали и занавесь убирали.

Соседи диву давались. Прилипли к окну носами сплюсненными и глядят, что в доме делается.

И вот как морозы стукнули, Проп окна задвижками задвинул, так что и свет даже от керосинки со двора не видать.

Тепло в доме от печи. Булками пахнет. Пришли мы – мальцы с деревни. Проп нам валенки катает, а сам сказы рассказывает.

О конце света

Напросились мы как-то с Пропом за ягодами. Снарядил нас Проп деревянными коробами – за спиной их верёвками закрепил. Вышли поутру, пока солнце ещё не встало, чтобы до жары управиться со сбором. А гусениц в том году было видимо-невидимо. На покосе, в бутул котомки побросали, так гусениц набралось, что еле обтрясли от них всё. Набрали ягоды-земляники. Нашли полянку под деревьями и сели на перекус. Проп нам и рассказал ещё одну историю.

– Было поверье такое – что ежели в какой год гусениц в поле тьма, значит, конец света близок. А породили-то конец света не люди, а Боги...

Собрались Боги на горе высокой и рассорились: не могут порешить, кто главный. Один говорит: «Я водой заведу, без меня вы лишитесь питья, и ни трава не прорастёт, ни человек не родится». А другой ему: «Я землёй заведу, уберу твердь из-под ног, по кому ходить будут звери и люди?». Третий молонью пускает: «Я-де, светилами управляю, солнце от вас скрою, так и в ночи кромешной глаза друг другу повыколуют». Ещё один в разговор встрял: «Я воздух от вас уберу, и в духоте погибнет всё живое». А тут как тут ещё один сказал: «А я сам уйду. Я песнями, танцами, искусствами заведу, без меня можно прожить». И ушёл.

Притихли Боги. Ждут чего-то. И пока ждали, за людьми наблюдали. А те – утром проснутся, воды принесут, еду приготовят, землю вспашут, а тут уже и ночь снова на дворе. И так день за днём идёт, год за годом. Одно и тож, одно и тож. Стали на земле цвета блёкнуть. Ягод красных да жёлтых боле не найти. Птицы петь перестали. Собаки и те по будкам сидят. Кошки домашние по лесам разбрелись. Всё кругом почернело даже. А на людей мор напал. Мрут и мрут оне. Звери и тедохнуть стали. Тьма всяких смрадных гусениц выползла. И солнце вроде всходит, а тучи его заслоняют. Люди стали запирались в своих домах, не выходят никуда. Слух понёсся:

– Конец света пришёл.

Собрались Боги на совет.

– Как же так? Земля есть, небо есть, вода есть, воздух – а гибнет всё?

– Пропал интерес к жизни, – молвил один из них.

– Надо бы вернуть нам Бога искусств.

Пришли на поклон к Богу искусств – он и вернулся. И только улыбнулся – птички запели, травы зазеленели. Все цвета яркими стали. И возрадовались люди птицам, а следом и друг дружке.

Закончил рассказ Проп. И мы, отдохнувшие и сказом Пропы сытые, вприпрыжку, с криком и песнями домой побежали. И ничего, что коробки тяжёлые спину оттягивали... Мы теперь знали, что уныние к концу света ведёт. А нам ещё жизнь узнать хочется, нарадоваться ею.

Савка

Семья у Савки жила бедно. У всех избы были со сруба, а у них земляная. Зимой, бывало, завалит снегом, Савку долго не видно. Однажды после большого снега Пропа взял лопату и пошёл к дому Савки, мы тоже лопаты похватали и на помощь побёгли.

Откопали. А там картина такая – отец Савкин помер и лежит на столе посередине землянки. Мать уже весь ор выорала. Одни глаза впалые глядят-глядят на помершего. Качает всё тело, и губы чего-то тихо говорят.

Савка на полке лежит, ноги поджал. Всё, что в доме из одежды было – на ём одето.

Пропа Савку сгрёб и к себе понёс. А тот еле жив.

Дома его Матрёна жиром собачьим растёрла, укутала и похлёбки дала.

У Савки жар начался и кашель такой, что за домом слышно.

Матрёна листья капусты к телу прикладывает и прикладывает. Черникой кормит. Потом намешала кислый квас с тестом и стала ноги Савке мазать. А малец всё никнет да никнет, как ветка надломленная.

Пропа попросил меня подсобить – воды принести, да всё, что Матрёна попросит, – сделать.

Матрёна говорит: – Лихорадка у него, комолый совсем, доктора надо ба. А сама то одно, то другое делает – вдруг поможет жар сбить.

Капнула она на камень в печи масла пихтового. Наказала мне шиповник заварить. Потом отдельно – зверобою, мураву, бруньки, мяту – всё по щепоти взяли и запарили в печке. Этим поили.

Пропа с мужиками батьку Савки на погост снесли. В мёрзлой земле еле-еле яму выкопали. И прямо там, на могиле, мамка Савкина в падучей забила, пена изо рта пошла – она тут же и помёрла.

Вся деревня плакала – как же вот так, мор-то на семью напал. Но Бог жизнь дал, он её и забирает, когда время приходит. Так нам Пропа сказал.

Матрёна с Пропом пошептались, и поутру Пропа лошадь запряг и за доктором поехал. Ехать-то долго – дня два туды и так же обратно.

На второй день Савку колотить стало. Он лежит, мокрый весь, Матрёна только и успевает одежду сымать да сушить.

– Ой-и, глянь, Митяй, – это она меня кликнула, – сбегай на двор, на луну посмотри.

Ну, побежал я. Луна шаром круглым смотрит на меня. Большая такая. Матрёне говорю:

– Круглая она. А чего о луне-то судачить?

– Ой, ёчки-калёчки, – начала причитать Матрёна, – нам ишло два дня продержаться, а там луна спадёт, и Савке лучшее станет.

Обложила она Савку цветными камнями: в ноги и в голову жёлтую смолу прозрачную положила, а около локтей – зелёный камень. И говор начала на распев читать:

– На море-окияне, на острове Буяне камень белгорюч лежмя лежит. На том камне престол Божий, на ём Матерь Пресвятая. Во белых рученьках держит Матерь лебедя белого, обрывает у него перо белое. Как отскокнуло белое перо, так отскокни хворь жаркая...

– А какое дело луне до нас? – спросил я, когда Савка успокоился и уснул, а мы с Матрёной сели вечерять.

– Луне, говоришь, како дело? Да её глаз всю воду мутит. Как она полная – жди беды. В это время ни садить в огороде ничего нельзя, ни на зверя, ни на рыбу ходить. Знай себе – полы мой, да избу чисть. Ты, Митяй, повертайся, с сенок пару луковок принеси, мы луковый отвар с мёдом сделаем.

Пока Матрёна лук чистила, резала, мёдом заливала, в печку ставила, поведала она мне, откуда знамо ей всё это:

– Бабка моя много знала. Говаривали, хана одного она спасла. И он ей силу дал за то и свободу. Но за то, что она с ним не поехала, он проклял весь род и сказал, что скоро её род кончится. Но у бабки уже дочь была – мать моя, и на неё сила не пошла – я народилась. А вот со мной, ишь, как судьба обошлась – не дала мне деток. Савкина-то мать – слышал – руки на себя наложила. Вот ежели Савку подниму – сынок мне будет.

Матрёна глаза подолом утёрла:

– На старости лет будет кому воды принести.

– Ну, я ж у вас в помощниках есть. Мамка и тятка мои не супротив, коли я вам помогаю. Они говорят, мол, дядя Проп учёный человек, кто около него – тому можа и учёность перепадёт.

– А ты хошь учёным стать?

– А то! Буду по Земле ездить, людей изучать.

Засыпая, я представил себе, как еду в золочёной кибитке по каменной дороге, а вокруг народу тьма...

Доктор

Когда Проп привёз доктора, Савке уже стало получше. Он ещё слаб был. Матрёна только приладилась его похлёбкой накормить, как услышали мы – в сенках дверь заскрипела и послышались притопывания и обтряхивания от снега.

– Давай ложечку быстрёхонько съешь, родной. Давай, – Матрёна успела спить несколько ложек бульона Савке и побежала глянуть в зырку.

Все бабы глядятся в зырку. И вот даже колдошится у печи, а в зырку – это зеркальце такое манёхонькое в стенку печки вделанное – смотрится. Уловила мой взгляд Матрёна и смутилась, щёки покраснели:

– Пропушка приехал! Намёрзси, наверно. Давай, направляй щи на стол.

Наперёд Пропа, в клубу морозного воздуха проявился невысоконый доктор – прям такой, каким Проп щёголей описывал – личико белое, остренькое, на носу очки – кои туманом от мороза заплыли, в руках трость и чумодан, и спину прямо держит. Поклонился слегка Матрёне, а сам уже на больного смотрит. Следом Проп зашёл и дверь плотно захлопнул.

– Здоровия дому вашему! – проговорил доктор, скинул тулуп телеговый, а там и пальтишко с кучерявым воротом.

– Ну, как себя чувствуем, больной? – доктор уже растёр руки, снял очёчки, протирать платком стал, и сел рядышком с Савкой.

Савка зарделся и одеяло на лицо натянул.

– Ну, господин хороший, мне сказали, вы помираете, а вы сопротивляе-тесь – значит жить будете.

Матрёна уже накрыла на стол. Щедро накрыла – акромья щей – картоху отваренную, тыкву пареную, сало настругала, грибочки достала, редьку порезала, большую чашу с мясом поставила.

Я побежал до дому. Матрёна сказала, чтобы завтра приходил.

И я всё думал до завтра – как это на доктора учатся? Они же в городе никакой травы не знают, ни силу камня, ни дерева даже. Как так лечить-то можно, если от природы оторвался? Вот назавтра эти вопросы и задал доктору. А тот смеётся. Говорит: «А ты приезжай в город учиться. Вроде смышлёный парень, такие нужны науке».

И Матрёна улыбается и на меня хитро поглядывает.

Савка уже стал сидеть в кровати. Молоко с мёдом – с маслом пьёт.

– Ну, садись. Как тебя? Митяем кличут? А меня – Михаил Семёныч зови.

– А у меня тятюку Михелем зовут, – говорю я.

– Ну, наверное, у вас польские или венгерские корни, а Михаил – имя ближе к библейскому.

Кто такие польские, венгерские, я не знал. И о каких таких корнях говорил доктор, тоже было непонятно. Он и говорил как-то не так, как мы. Евонные слова, как вода широкая – не журчит, как нашинская, а ровно плещется. Я слушал его красивую речь, а сам будто в море-океян попал.

А рассказал доктор нам о гимназии. Что собирают туда мальчиков и учат правилам жизни – математике, речи, химии, астрономии. Особливо, когда доктор про звёзды начал говорить, мы аж дыхание задержали. Какая ж жизнь-то, оказывается, большущая кругом. А мы – такие маленькие крохи в этом земном царствии. А потом ещё о смуте говорил доктор, о войне с японцами, и о том, что уже давно на царя покушение было, а теперь в России повсеместный терроризм.

А мы с Савкой так рассудили:

– Чего люди миром не живут?

– И царя-батюшку тревожат.

– И вот терроризм какой-то.

– Да-а... и война с японцами...

А назавтра уезжал доктор. Матрёна собрала в дорогу корзину с едой, запасов всяких в город дала – у них же там ни ягоды, ни грибов нет. А ещё они долго с Матрёной сидели за столом – она доктору о травах полезных сказывала.

Вся деревня вывалилась провожать доктора в город. Мамка моя сложила посылочку сродственникам. Батя Ваньки переростка – дружка нашего – упросил Пропа медовуху в городе на товар обменять.

А как телега с Пропом и доктором тронулась, бабы плакать зачали, а мы, мальцы, следом побежали. Кто отставал – рукой от телеги отталкивался, становился и кричал вслед:

– Ангела-хранителя в дорогу!

– Ангела-хранителя в дорогу...

Семечка

По приезду Пропа ходил весёлый, и с какой-то ярой прытью судачил о всяких причудах городских. Вот, к примеру, рассказал он:

– Чудаки-люди живут в городе! У них на окнах в горшках цветы растут. Кругом земли вон скоко, а оне в горшки её, да в дом.

– А чего тебе дивиться? Как птица воды из лужи напьётся, так и мы рассаду сажать будем по ящикам. Чем не цветы?! – встряла Матрёна.

– Мотя, ты ж рассаду-то дома держишь, пока ком не распался, а оне по зиме с цветами в дому.

– Ой, насмешил! Пряма, в дому да с цветами?! А пахучими коль?

– Не знамо, нос не совал, – Пропа собрался чихнуть и перекрестился, – Пчхи, пчхи... да, благослови тебя, Господь... Пчхи, пчхи...

Савка оторопел, глядя, как Проп чихает да крестится. А когда прочихался Проп, воды ковшом зачерпнул из ведра ипил большими глотками, что аж кадык туды-сюды по горлу ходил.

– Дядь Проп, а чего ты чихаешь да крестишься, чихаешь да крестишься?

Проп допил воду, губы да усы рукавом утёр, ладошкой бородку пригладил и к нам подсел. А мы всё это время Матрёне помогали пшено перебирать. Проп тоже себе горстку пшена пододвинул и, быстро выбирая пальцами одной руки чёрные и коричневые неошелушённые зёрнышки, ловко их смахивал в другую ладошку:

– Душа в человеке живёт в его дыхании. Дед мой ещё говорил – чихнёшь, и коли рот не закроешь и не перекрестишься, душа может нечаянно вылететь вон и полететь навстречу с Богом. Но рано мне ишло дух испускать – вон, Матрёна чего без меня делать будет.

Матрёна настороженно посмотрела на Пропа:

– Чего брешешь, чего брешешь-то? Поди-ка, ящики из сенок затащи в избу – пущай земля отойдёт. И впрямь скоро семена сеять.

Матрёне несколько годов тому назад Проп привёз из города диковинные большие ягоды и обсказал, как в городе из них семена добывают и выращивают поначалу в ящиках с землёй, а потом росточки-рассаду сажают в прогретую землю. И назвал он эту ягоду «помодора». Ещё посередь летоси напрошлого года Матрёна выбирала самые красные помодоры и привязывала к кустам крапивную нитку, как знак, что помодоры эти на семена пойдут. Потом ждала, когда самые ярые помодоры поспеют. Вытаскивала из них семена, сушила их и раскладывала по маленьким коробочкам. Каждую коробушку подписывала химическим карандашом, который ежли послунявишь – синим делал и рот, и буквы.

Мы перебрали пшено. Матрёна часть на еду ссыпала, а часть в закрома. Потом достала мешочек холщёвый и из него выкатила на стол коробочки с семенами. Надписи на них были такие – «жёлтый помодор», «красный помодор», «чёрный сладкий помодор».

– Вот, у прошлом годе Проп мне с ярманки новые семечки привёз. Поглядим – что за диковина.

От самих только названий слюнки потекли – вспомнилось, как сорвёт Матрёна с куста большую ягоду, котора прямо в руке разламывается, а сок с неё прям в рот течёт, и – другой еды не надо.

Проверила Матрёна семена, чёрнёные да кривые в сторону отбросила. А к тому времени Проп уже лавку из сенок в дом затащил, а на неё ящики с землёй поставил, и новый сказ поведал:

– А вот знамо, как семена растут? – мы головами завертели. – То-то... Ну, слушайте. Вот мы семечку возьмём. Чего она с виду – семечка да семечка. А там внутри её жизнь спит. И чтобы разбудить енту жизнь, надо её поначалу, с восходом солнца, водой напоить. До полудня продержать в воде. А как набухнет – в холодные сенки её. Но следить надобно, чтобы не промёрзла шибко. Она так силу получит. Стойкой для морозов станет. И уследить надобно, чтобы не успела она прорости. Ну, а потом она – семечка, уже и в землю хорошо войдёт в ящичке. Но только на полпальца сади. И с водичкой острожничать надо – перельёшь и загубишь. Семечка – она как дитя малое. Что положишь в него, то и по жизни понесёт.

– Вот бы семечка сама да в помодоре проросла! – придумал Савка.

Проп хмыкнул. Сощурил хитрые глаза и говорит:

– Только человек может семечку помочь расти. Человек – сила! Только с ним она сможет вызреть, а потом плоды дать. Ежли человека не станет – и природа никому не нужна. Кто ей радоваться-то будет?

Песня

Наступила весна. Отвели Пасху. Проп достал из сарайки суковатку – такую борону для вспаха земли, оглядел её со всех сторон:

– Да-а...Скольки ты земли вспахала, – тепло так сказал Проп, глядя на эту земляную приспособу, – Мы ж токо с нею-то и обходились...

И поведал Проп, как землю его отец боронить учил.

По первости делали суковатку из ствола ели, а потом порешили – из вяза крепче будет. Обрубали несколько стволов до прямой сажени, связывали их лыком и получался боронной смык. Его на салазках везли к полю. А там, у кого лошадей не было – впрягались сами, да и тянули на себе. А как кузнец наш – батька нонешнего кузнеца Спиридона – начал сам руду с горы таскать, так и обзавелись мы на деревне плугом. Теперича он в повозке на колёсах едет. Лошадка его тащит, а мы только налягаем на плуг, чтоб борона глубже получилась. А следом мальцы с мотыгами шуруют – комья разбивают.

– А меня на борону возьмёшь, дядь Проп? – испрошал Савка.

– В этом годе возьму.

– А почему Матюху в прошлом годе взяли на борону, а меня заныкали? – Савка поглядел прямо в глаза Пропу.

А Проп как-то замялся, крикнул, а потом сказал, как топором по бревну рубанул:

– Баб да малышат на борону не берут.

Помолчал и уже помякше говорил:

– Борона – это ж начало жизни. Обуздать земельку, положить в неё семя может только мужик да приросток-малец. Вот ноне и тебя, Савка, уже будем считать приростком. Возьмём, возьмём.

А с утраца пошли мы в поле – первую борону делать. Плуг везли на телеге. Тятка мой пошёл, все мужики с деревни тоже. У нас всего-то семь дворов и было. Мы – приростки-мальцы – тоже поскакали. Нам в радость – и комья земли толочь мотыгами, и по лужайке бегать. Мужики так распорядились – первым Проп полосу прокладывает, опосля его другие сменяют.

Плуг привязали бечёвками к седлу. Проп снял рубаху, поплевал на ладони и сильными ручищами ухватил рукоятки, и пошла первая. Он просаживал плуг в землю, всем телом налегая на него. А мужики в это время песню завели:

Ой, земной рай, разда-а-айся!

Ой, калёный плуг, беги-и-и-и!

Земля-ма-а-а-атушка, корми де-е-е-етушек,

О-о-о-о-ой, земля-а-а-а, цветы-и-и-и-и!

Голоса мужицкие, как комья земли, то распадалась в разные стороны, то вялко и рыхло переваливались друг в дружку. Долгими слогами откуда-то из груди собирались и тянулись звуки, улетающая и в небо, и в землю. На душе становилось так широко, как полю, по которому уже далеко ушёл Проп. Только и видно было, как налегает его могучее тело на плуг и оставляет за собой развороченную рыхлую землю, готовую принять в себя зёрна новой жизни.

О матери моей

Я в семье был поскрёбьши, отхончик. Мои старшие братья к Пропу не хаживали. Это меня мамка завсегда к Пропу засылала и говорила тятке:

– Пусть Митяй помогает Проповым, детей-то у них нет, а мы все рядком живём – кто ещё подможет? Да и мне там у Пропа детишек с деревни обучать сподручно.

Мамка-то считать да писать мальцов учила. Дома тятка не разрешал ошиваться мальчикам, и мать потому у Пропа нас собирала.

Но тятка ворчал по-доброму, не злобиво, не противился шибко. Хотя и по хозяйству дел было много. Тятка и братья мои выхаживали лошадей – табун у нас был сто голов. А мамка была грамотная, и всех детишек деревни учила считать и читать. И говорила всё:

– Вырастет Митюша мы его учиться пошлём в город. Пусть будет человеком.

– А мы что ж, не человеки? Такие же у нас и руки, и ноги... – возмущался старшой брат Ванька да и лупил меня почём зря и всё приговаривал: – Ишь, учёным он будет..

Потому я с радостью убежал к Пропу. А иной раз Ванька меня до того долупит, что убегу в сарайку, спрячусь за дровнями и дую на лопнутую кожу, а она аж щипит. Матрёна меня скоко раз увидит побитым и травками потом обкладывает. Мамку позовёт, посидят они, посудачат:

– Ой, не знаю, в кого у меня Ванька злой такой, – причитает мать.

– Да чего уж, зато вон какой работающий – всегда с отцом рядышком.

– Трофим, Николушка и Петенька не такие. Они даже иногда и сестре своей Марусе помогают корову доить. А Ванька – нет, взял откуда-то, что есть мужицкие дела и есть бабы.

– Не серчай на него, Мария, перебесится. Жениться бы ему. Вон, у Трофимовых девка подрастает – хорошая невеста для Ваньки.

– Ну, вот осенью сватов зашлём. Поди не откажешь, Матрёна, свахой быть? Ты, жить, и Ивана – Петра сына – сватала. И мого Ваньку сосватаешь. Будем тебя кликать – сваха Ивановская.

– А чё?! Я не супротив... Ты Митяя к нам отпускаяй. Они с Савкой хорошо играют, а то и помощь какая то мне, то Пропу, – помолчала и добавила, – Проп сказывал, что Митяя учиться отправить хочешь?

– Есть у меня така задумка. Там же мои сродичи, в городе, поди, не прогонят. С поклоном явлюсь.

– Ой, не примут как?

– А что со спросу-то возьмут?.. Побегу я, Матрёна, засиделась.

Я потом к матери пристал, чтоб она мне рассказала о сродственниках в городе – откудава они там. А она говорит:

– Не тереби мне душу. Вон пусть Проп расскажет.

А Проп ни в какую:

– Не моё это дело, и всё тут.

Тут я и сознался, что мамка сама просила. А ещё и Матрёна об ихнем разговоре с мамкой подоспела. Проп посетовал, покряхтел, но рассказал:

– Жила твоя мамка, когда детём была, как у Христа за пазухой – в богатом доме. Манерам всяким училась. С маменькой своей в церковь по выходным дням ездила. И тут её, уже в девках когда она была, завидел Михель наш. Батька его в город с табором издалече прикочевали. Их, как ветку сухую, ветром по земле носило. Нигде осесть не могли. Коней крали, выхаживали, продавали, а каких на мясо пускали, и из кожи сапоги шили да сёдла. Здесь вот, недалече от нашего станица, оне табор поставили. А в город на ярманку приезжали. Там и уллюбовал Михель Марию-то. А она девка – русоволосая, с косой из-под косынки чуть не до полу. И удумал Михель жениться на ней. А дед-то твой, отец его, говорит, мол, ересь ты задумал. Табор их не примет русскую девку. Но Михель за своё, и решил, что коли уж не сосватать ему, так он её сворует.

– Ото ж, как коня! – выпалил Савка.

– А отец ему тогда и говорит, – продолжил Проп, – своруешь девку, так и иди на все четыре стороны, куда хошь, я тебе не отец больше. Горячий Михель был, вот что ваш Ванька – весь характером в отца вышел. И подглядел Михель случай удобный – как раз в воскресенье после церковной службы – схватил девку, в кибитку её и, ну, дёру. Она и опомниться не успела. А до того уже он скит построил недалеко от горы, куда мы со Спиридоном за камнями ходили. Туда и привёз Марию. Она вначале напужена была, а потом сжились-слюбились. А вскоре оне к нам в деревню напросились. Михель-то добрый – он из городу ей и сласти привозил, и тряпки всякие. А как-то Мария стала уговаривать Михеля – хоть весточку послать родным, что жива она. Михель уговорился. Приехал с подарками – с камнями дорогими – отцу Марии в ноги поклонился. А те его прогнали, сказали, чтобы духу его не было. Но сестра Марии догнала, передала от матери, что это хорошо, что он приехал, теперь знать будут, что жива Машенька. С тех пор уже стоко воды утекло – отец Марии, дед твой, помер, а бабка-старуха с сестрой живёт. Сестра-то в старых девах ходит. Я бывальчя приезжаю в город, им гостинцы от Марии привожу – потому и знамо мне всё это. А оне книжки всякие передают, да отрезы на платья.

Ох, и вошла тогда в меня эта история. Долго я измышлял – как предстану перед своими далёкими сродственниками.

Молочный зуб

Проп с утра полез на крышу. Поскидывал старую солому. Проверил слуги – жерди на крыше, между которыми солома крепится. Какие-то жерди под зимним снегом проломались, так Проп их заменил новыми. Соломенные снопы Проп всю зиму в сарае продержал, чтобы они «уселись». Это проверка такая на прочность. Проп их на двор повытаскивал, разложил рядком и приказал нам осоку из снопов повыдёргивать, а сам острой лопатой края выравнивал. Много снопов получилось. Мы ему эти огромные снопы на крышу подавать стали. Моих братьёв даже позвали в помощники. Проп сноп принимает и ловко так на крючья слуги низает. И это только первый – верхний слой, опосля же укладывается на связла второй слой. Проп сделал толстыми снопы, говорит, мол, чтобы подольше крыша послужила. А сверху это всё притужили инван-чаевыми лыками к ещё одному слою жердей. Упахались шибко. Матрёна позвала всех к обеду – мяса наварила и пирогов напекла.

Уже почти потрапезничали и вдруг Савка как заорёт:

– Ой, зуб-зуб мой!

Плянули, а его зуб в ладошке лежит. Савка – в рёв. А Проп говорит:

– Молочный зуб слетел, надо бы его быстрее мышке отдать, чтобы она новый зуб Савке подарила. Старое – в воду, новое – в угоду, к лицу – молодцу. Ну-кась, встань у угла, подними руку с зубом и прокрути над собой три раза и говори: «Молочный зуб, убери зуд. Молочный зуб, убери зуд, Молочный зуб, убери зуд».

Савка так и сделал.

– А теперь глаза закрой и слухай меня, – Проп встал над Савкой, руки над его головой поднял и начал заговор говорить: – Тридцать три сестрицы, да братья их Захарий да Макарий, да ещё одна сестра Ульяна – все сами говорили, чтобы у раба божьего Савелия щёки не пухли, зубы не болели, век по веку и отныне до веку. Тем моим словам ключ и замок, ключ в воду, замок в гору, зуб в нору. Забери,мышь, зуб молочный, отдай Савелию зуб прочный. А теперь, Савушка, не повертайся, и зуб кидай назад, в угол.

Всё до точности сделал Савка. Потом Матрёна ему рот сказала открыть и положила на место зуба мякиш хлебный с маслом пихтовым. И опосля ещё напоминала: «Не зализывай, не то зуб кривой вырастет».

Травень

Травень в полнолунии всегда грозитя последними ночными заморозками. Враз черёмуха цветёт. Но следом же и травы в сок идут, и щавель, и ревенё.

Вот через семь дён после последних заморозков мы и пошли за ревенем – время ему дали солнцем наполниться. Ревенё растёт в горной стороне, на пригорках. Какой уже в трубку пошёл, а в низине ещё сочный. Проп сказал, чтоб мы в кучи ревенё стаскивали и лопух от него не отламывали.

– Зачем лопух-то оставлять? – спросил я.

– В хозяйстве сгодится – и кроликам, и козе лист нравится.

Я-то знал, что из черенка ревеня в каждом доме лакомство сладкое варили и сушили для начинки пирожкам. Мать у меня и суп с ревеня готовила. А пока ревенё свежий – его и так пожевать было в радость – кислятина, а вкусно.

Насобирали мы уже мешка три.

И вдруг тучи набежали. Молонья засверкала. Вдалеке гром грянул. Мы прыгать радостно стали:

– Гром, гром! Первый гром! Перуном – первый гром!

Проп перекрестился:

– Перун пришёл...

– Дядь Проп, вот кричалку мы кричим сызмальства, а «перуном» – не знаем чего это.

– Давайте-ка ревенё собирайте, да отгортаем его к скале.

Упыхтелись мы, пока весь собранный ревенё таскали. Плядь, а там в скале пещера.

– Вот, диво, – говорит Проп, – Это ж скоко лет я в энтот месте не был... Не было ж раньше этой пещеры. Видать, дожди намьли. Ну, будет где сокрыться.

В пещере хватило места всем. Тут уже первые капли дождя брызнули, и такое укрытие нам было на руку. Мы с Савкой сели, друг к дружке прижались, и ещё бы рядом с нами все наши мальцы уместились.

Проп успел уже веток наломать и корягу сухую притащил, костёр запалил и картоху рядком сложил.

– Пушай прогорит малость, а потом картоху в золу загребём.

И рассказал Проп про Перуна:

– Жил на небе такой царь с рыжей бородой, а вместо волос на евоной голове – тучи серые, курчавые. Злой он был на небесного Змея, Перун этот. А Змей-то хотел Солнце похитить. И ездил Перун по тучам в колеснице, прогонял Змея, лупил его лыком. Оттого и гром гремел. Как накатом пойдёт – тучи ходуном ходят. Повоюет, в погоне за Змеем гром да молнии, как мечи, в него позапускает, какие в Змея попадают, а какие на землю улетают. И коли грешный ты – молния в тебя может попасть, и замертво сляжешь...

Пока рассказывал Проп, мы с Савкой уснули. И приснился мне сон – едет дядька с рыжей бородой на колеснице, размахивает кнутом красным и кричит:

– Разойдись! Разойдись!

А впереди коляски бежит змеюка огромная, на ногах у неё лапти с аршин. И вдруг ка-ак полетит плеть красная, да как загремит всё кругом...

И проснулся я. А это Савка уже меня за плечо тербит:

– Митяй, Митяй, дождь кончился, выбираться пора.

А воздух после дождя свежий – аж вдох до самых пяток уходит. Солнце выглянуло. И так радостно на душе.

Вышли мы из горной стороны. А на лугу-то, глядь – радуницы распустились. И запах стоит такой сладкий, что голова кругом пошла.

– Эти радуницы – из молний Перуна появились, – сказал Проп и к цветку подошёл, – Ишь, как в каждом цветке шестипалом молния осталась.

Плянули мы, а так оно и есть – посередь синих лепестков будто мохнатая жёлто-красная молния впиалась.

– Вот и лето зачалось! Перун-царь пришёл, радуницу подарил, лето открыл до цвета папоротника, до Перунова дня, – сказал напоследок Проп.

Взвалили мы на плечи мешки с ревенем и поволокли их в деревню.

Берёзовые хороводы

Каждый год на растущей луне в червень Проп ходил в берёзовую рощу. К блаженным деревьям, как говорил Проп.

– Отчего, Проп, говоришь, что они блаженные?

– А поглянь – стоят, среди чёрных да бурых, красавишны, аж светятся – светлые до того. От каждого дерева своя польза есть. И от сосны, и от ивы. Но эти – блаженные – самые полезные. Вот, пока она молодится, ветки её наломаем и в веники повяжем. Зимой-то на пару и спину почистят, и ломоту снимут, и силу лета дадут. А ежли листья да бруньки запарить – от хвори встанешь. А в печи дровни берёзовые – самое тепло дают.

Потом, когда уже наломали мы веток, Проп ещё о блаженном дереве поведал.

– Оно – что колодец: черпаешь, черпаешь из него, а оно всё больше силы даёт. Лучину запалишь от какого другого – коптит да и только и сгорает вмиг. А под лучинушкой берёзовой – скоко чуней нашито – будь-будь... То-то ж... А из лыка берёзового и лапти хороши, и где подлатать лукошко... У Матрёны поспрошай – она тебе о чудесах этого дерева обскажет.

Проп сидел под деревом, о ствол его тонюсенький облокотился, глаза в небо увёл, и сам был, как блаженный.

– У каждого дерева своя сила...

Проп поднял глаза и вдоль дерев повёл взглядом, потом, как ошалелый, всколыхнулся, соскочил и побежал. Я за ним.

– От оно! От оно!

Проп обнимал берёзу, свесившую длинные вёты. Он гладил дерево, рассматривал каждую пядь белого ствола. Потом притянул ветлу и на язык опробовал.

– Поглянь-ка – новая белая кора выросла. А я горевал – коль не вырастет. И лист, как мякиш в молоке, мягкий.

И рассказал Проп, как много годков тому прошло, жил в деревне у нас Поромон. Бурый мужик был.

– Бурый – почему?

– Я его в городе из драки вытащил. Он напросился со мной в деревню. Я обрадовался – грамотный этот Поромон. Словами всякими мудрёными говорил. А он приехал и стал смуту нести. Всё говорил – мы тёмные, живём не по правилам. А потом Захарьеву дочку – Агапу – обманул, жениться обещал. Мы ему всей деревней говорим: ставь дом и забирай Агапу. А он, спьяну, ей всякого набрехал, что девка умом повелась. Стала молчаливая. Из петли её не успели вытащить. Наложил на себя руки Агапушка. Тут Поромон пошёл в березняк и стал рубить блаженные деревья. Кричит: – Я вам устрою счастливую жизнь!

Матрёна-то коло рощи была – траву собирала. Как услышала – в деревню прибёгла, по дворам кинулась с криками на подмогу. Я вилы схватил. В рощу прибежал. А он уже много дерев положил и было за эту красавишну взялся. Я ему кричу:

– Кинь затею! – а он на меня с топором пошёл.

Ну, я его вилами...того. Наши сбежались, а он уже дух испустил.

Я потом вырыл землянку и себя замуровал в ей.

... Проп рассказывал и голос его дрожал, как листик на ветру. Голову вниз опустил. Видно было, как тяжело ему.

Пропа тогда всей деревней искали. Я ещё малой был, но помню, как эту историю мамка с тяткой сказывали. Пропа нашли. Откопали. До дому дотащили. Тогда и порешили – ежели выживет, будет он святой для деревни. Вернулся в себя Проп. И только чрез два года в себя пришёл. Вот так он себя шибко наказал.

Ветерок поднялся. Листики побежали рассказ пересказывать. И все берёзки будто в хоровод встали и кругом нас стали качаться, как танцевать. Мы ещё чуток посидели под берёзовым хороводом и молча домой пошли.

Белое облако

День к концу клонился. Солнце к закату ушло. А по правую руку на небе белое облако повисло. И висит, и висит.

Я домой воды накачал. Мамка наутро задумала одежду всю зимнюю сушить да мыть. И вот уже ведер дюжину отгартал, а облако всё висит.

У матери спросил:

– Чего оно повисло-то?

Мать встревожилась, косынку набросила и побежала на пригорок. Вернулась смурная и говорит:

– Не поспела одежду высушить...Теперича до второй луны хмарь надвинется.

Я аж присвистнул, за что подзатыльник от брата получил.

– Поди ж, прояснится? – говорю.

– Ты, Митяй, к Пропу сбегай – узнай чего там...

Я и побёг. А Пропа дома не было. Матрёна тревожная, говорит:

– Пошёл он к Петру – пастуху. Ихний Гришка прибежал, говорит, что Петра лихорадка разобрала.

И я к Петру побежал.

Хозяйство у пастуховых было большое – там и жена Петра Настасья, ихний сын Иван, которого давно уже Матрёна сватала к Дарье. А теперича у Дарьи и Ивана уже были свои дети – близняшки Гришка и его сестра Нюша.

Бегу, а слышу – позади окликают меня. А это Матрёна:

– Я, – говорит, – думала, ты так просто поспрошал. А ну-к, подсоби мне...

Я перехватил тяжёлую поклажу у Матрёны.

– Чего это?

– Да мазюки, травы, настойки... Ты осторожней носи – не взболтай.

На дому у пастуховых все сидели вокруг Петра. А тот бился в лихорадке. Проп и Иван его к кровати привязали. Настасья слёзно и жалобно причитала:

– Ой-и, Петруша, не покидай, не покидай... Господи Иисусе, не забирай Петрушу... Каже без его...

Матрёна глянула на Петра. Достала каку-то бутылку, жидкость в плошку налила и приказала Настасье:

– А ну, зажми ему нос...

Нос зажали – рот открыл Пётр, и Матрёна ему быстро влила настойку. Через время Пётр замолк и уснул.

Матрёна попросила Ивана:

– Мне к утру нужен хомут с потной лошади и подкова.

Она намазала Петра вонючей мазюкой, укутала:

– До утра проспит, но мокнуть будет – тут же надо в сухую рубаху одевать.

Всю ночь не смыкали глаз с Петра. Он мужик тяжелючий. За ночь его раз пять передевали. Ещё затемно Иван пошёл в конюшню, выбрал самую здоровую лошадь, одел на неё хомут и ну её гонять.

На рассвете Иван притащил в избу и хомут, и подкову, как просила Матрёна.

– Уф, – говорит, – лошади все гривами трясут и закидывают головы кверху, а иные храпят. Чуют, что ли, что хозяину сплехело...

Проп говорит на это:

– Ни-и... Это оне к ненастью.

Проп взял подкову, поджгёт её и стал дымом окуривать избу. А Матрёна повелела приподнять Петра, и надели на него хомут. Потом Матрёна слова шептала и крестила больного.

Вышли мы от пастуховых уже к полудню. Небо всё заволкло тучами. А по дороге я спохватился, что из дому-то к Пропу лишь побег, чтобы его испрошать, а тут такое, и говорю:

– Проп, мамка меня к тебе вчерась послала – познать: бело облако на закате к чему енто?

– А к тому ж, чему и лошади гривами трясли – к непогоде. Но вот белое облако – к долгому ненастью, долгому... До второй луны. Но чего об ём судачить – что придёт, то и в корзину положим...

Оно так и было – ненастье раскатилось по небу надолго. А Пётр ещё семь дён полежал и встал, как новенький.

Цвет папоротника

Не покупались мы даже в это лето. Хмарь накатила долгая – целый месяц стояла. Дождь то плакал, то молчал. Но тучи, если и разбегались – скоро снова слетались.

– Скоко ж будет хмарить? – испрошал я.

– Погоди ещё... Вот будет заря зелёная – и на утро всё прояснится, – Проп со вздохом сказал.

– Как же она зелёная будет? Это така же, как болото?

– Ну, да – болото ли, мох ли...

– Так ить у нас и неурожай к зиме будет, – заволновался я.

– Охо-хо... – только и вздохнул Проп.

Кажный вечер стали мы с мальцами за закатом смотреть. А он всё то с тёмными облаками, то тотчас после заката вся округа темнеет, а то вроде разведрится, а по небу закатному облачка колечками тянутся.

Проп в нас надежду вселил, рассказав, что в день солнцестояния погода ясною будет. А сам этот день уже совсем скоро мы ждали.

И однажды пришёл жданный нами закат – зелёной зарницей в полнеба разлётся. Тяжёлый такой, как бы напослед пригрозил дождём и ушёл. Утром небо ясное встало. Птицы тут как тут щебетать стали.

А в канун Проп рассказал нам про особый цветок:

– В ночь после дня солнцестояния цветёт пороть разрыв-трава. Он тож как перо куриное али гусиное. Чудной цветок! Кто его цвет выследит – клад найдёт. А силы нечистые его оберегают. Цветёт он один раз, и то миг. Коли хошь цветком завладеть – в ночь его цвета нужно полыню очертить круг коло себя, постелить белый плат и креститься, пока гром не разверзнется и цвет на платок не падёт. Тёмные силы за кругом будут кричать, вопить, клыки казать. Выдюжишь – клад тебе будет.

– Проп, а ты значится, выдюжил, ну, это... супротив диавола? – спросил Савка.

– Я своё получил сполна. А клад мне к чему? У меня вон клад – Матрёна моя, – помолчал и добавил, – Да, вот ишло клад... – и посмотрел на Савку, а тот смутился и глаза долу опустил.

А в вечеру мы на лужайке собрались – я, Сенька – пчеловода Самсона и Алексашка – захарьевский сын. И порешили мы клад найти, а потом разделить его. Сговорились. А назавтрева уже день солнцестояния.

Стреблись мы перед закатом. Нашли в лесу куст пороти. Обложили круг полыню и сели ждать. Сумерки спустились густые. Поначалу даже весело было – сверчки свистели, где-то на дереве филин ухал. А потом совсем темно стало и – тихо. Мы, кажись, слышали, как колотится у нас под рубахами сердце. У кого-то под ногами ветки захрустели, так мы аж все встрепенулись от страха.

– Крадче надоть ховаться, – дрожащим голосом проговорил Алексашка.

– Итак уж не дышу... – ответил Сенька...

– Тсс-с... – говорю, услышав вдали хруст, который будто надвигался на нас.

А вскоре и ор послышался, да такой, что, кажись, как от ветра ветки на деревьях зашевелились и птицы ночные взлетели. А следом огоньки замигали. Мы глаза от страха закрыли. Сенька чихнул, мы аж всколыхнулись. А Сенька говорит:

– Зенки-то растопырить надо, а то и цвет проморгаем, – а сам аж задыхается, так тяжело дышать ему.

А хруст и ор, и огоньки всё ближе-ближе... И вдруг мы услышали:

– Митька... Сенька... Алексашка...

Алексашка в меня вжался, говорит:

– Нечистая сила нас и по именам узрела... Ишь, какая, – и ну креститься.

А голоса всё громче:

– Митька... Сенька... Алексашка...

И тут мы смекнули – это ж нас ищут. Дома-то, поди ж, кинулись, а нас нету, вот и вышли всей деревней искать.

– Ээ-х, вот тебе и нашли клад... – в сердцах проговорил Сенька.

– Теперь уже и вся нечистая сила разбежится от всей нашей деревни, – добавил Алексашка.

Мы встали, стали обтряхиваться. Посмотрел я в темноту и на правах старшего крикнул:

– Тута мы-ы... Мы тута-а-а...

– Ну, что? Нашли клад? – спросил нас Савка наутро.

Мы только и вздохнули.

– Ну... не хотите делиться, не надо... Я ж за вас боялся... потому Пропу и сказал, что вы к нечистой силе пошли...

– Так вон чего! – сжав кулаки, возмутился Сенька.

– Ладноть, ладноть... Будет вам... – вмешался Проп, неслышно зашедший в избу и слышавший нашу перепалку. – Ерьсь это, про клад. Весь клад ваш – это то, что в округе – вона поля ваши, леса ваши и горы.

– Так-то оно так, – судачили попозжа мы, – но клад бы не помешал...

Золотая трава

Урожай у нас и впрямь в тот год не уродился. Дожди наполнили водой овощи и те начали гнить на кусту. Картоха неурожайная вышла. Но ежели будет сухой вересень, то картоху ещё можно спасти. Зерно уже убрали, и по счёту его хватило бы только на половину зимы.

Собрались мужики деревни на сход – решить, как жить дальше. И порешили. После сбора урожая, на третий Спас справить Пропа и Захария в город – заложить лошадей. Только так можно было спасти деревню от голодной зимы.

На следующее утро после схода Гришка пришёл к Пропу с опухшим лицом. Матрёна, не допытываясь, достала капустный лист и говорит:

– Накась, приложи...

Гришка листом глаза закрыл и всхлипывать начал, а потом и вовсе в голос заревел.

– Ну чего ты, дождь в избу принёс... – обняла его Матрёна.

Малость успокоился Гришка и рассказал:

– Лошадок мне жалко... – и снова в голос завыл.

Матрёна достала с полки траву, щепоть насыпала в кружку, кипятком залила и в печь поставила. Запах от травы мятный пошёл, мы все носами задёргали.

– Ой, совсем забыла... Я ж вам сёдни киселю наготовила с брусникой.

Вкусный у Матрёны кисель, да и всё она вкусно готовит. Мальцы даже как-то говорили, что она в любую еду знает какую травку положить – потому так вкусно.

Пришёл Проп, он с утра уходил за травами. Расстелил холщину, раскидал на ней траву всякую и говорит:

– Завтре все на последний покос пойдут. Митяй, ты ужо большой – давай тож в помощь.

Алексашка, Сенька, Гришка и Савка в голос:

– Мы тож, мы тож...

Матрёна поставила перед мальцами кисель, а Гришку заставила ещё и травяной отвар выпить – для успокоению. Потом Матрёна пошебуршала между травами, что Проп принёс, и говорит:

– А пижму не набрал, и душицы не помешат, и боярышнику ба, да и где сушеница и хвоц...

– Матрёна, ты ж мне тильки про коренья говорила.

– А ты промеж трав ходишь, чего лишний раз не поклониться... – ворчала Матрёна.

– Ладноть, ладноть... будет тебе... Завтре наберу ещё трав.

– А мы поможем, – подмигнул мальцам Савка.

Утром, когда на покос приехали на повозках, узрели, что дождь за лето и здесь наделал делов. Осока в рост человека вымахала. Утро было сухое, и мужики сразу за покос взялись, а мы – мальцы и бабы – стога метать. Ещё нам уследить надо было, чтобы крестовник узреть и весь его в сторону отнести. Ежели крестовник прокараулишь – потом лошади от его помереть могут.

Уже к вечеру, когда поели и у костров сели, Проп ещё один сказ рассказал – о золотой колдовской траве.

– Весь мир на траве держится. С травы он зачат, травой на погосте и кончается. Скоко трав нужных боженька дал нам в руки. Но есть одна трава – её золотой зовут, потому как она на руках след золотого молока оставляет. И растёт она,

как поганая трава, – всюду. Мы ходим, топчем её, а она оббивает нам ноги ласково и при долгой ходьбе утоляет жар. Сорвёшь её – она тебе и на руках все раны залижет. Опосля её тело чистое, глаза ясные. Дед мой говаривал, что птица лечит этой травой глаза своим незрячим птенцам, и они видеть начинают. Ещё кличут эту траву чистуха. Вот соскочит у вас бородавка – золотой травой помажь, и чисто будет. Но вот есть загадка у этой травы: она же и яд. И тот, кто неумело её пользует, может от неё же и помереть. Но те, кто знают тайну приготовления кваса на козьем молоке с этой травой – долго живут. Завтра мы будем собирать эту траву. Я кажу, какая она. Но помните – кто меня послушается, тот от неё вред получит.

А перед сном Савка мне сознался:

– Митяй, я боюсь эту золотую траву собирать...

– Пошто?

– А вот, говорил Проп, а у меня сердце так стучало, что как бы улететь хотело. И как бы птицей в ухо шепчет – не трогай траву, не трогай траву...

– Савка, тьфу тебя... Удумал чего... Можя лень тебя одолела?

Савка вздохнул тяжело и отвернулся.

Утром он со всеми траву собирал, смеялся озорно и, когда домой ехали, со всеми песни пел.

Учитель

На третий Спас Проп с Захарием уехали в город на ярманку. А вернулись не одни – с учительшей. Её к нам в деревню доктор уговорил ехать. Учительшу звали Анна Ивановна. Она привезла с собой много чего интересного. Мы оторваться не могли от разных толстых книг и тонюсеньких журналов и газет. В них было много картинок, фотографий и карт. И вот показывает она нам журнал «Огонёк». Мы узнали это слово от Анны Ивановны. Но она почему-то больше просила нас запомнить, что это журнал, что у него есть номер. Этот журнал был номера сорок седьмого. Я, кажись, в жизни никогда так много не считал, как теперь на уроках. А учительша всё поправляла то, как мы говорим. И даже немного была расстроена, всё судачила, как квочка:

– Ой, как запущены, ой, как запущены.

А ещё в этом журнале было написано об учёном писателе Льве Толстом. Его в прошлом годе уже схоронили. А в журнале три фотокарточки-картинки были, а внизу под ними написано: «Роют могилу у пяти лип», «Венки на могиле» и «Вырыта могила». И странно было – чего нам знать об ём, ежели мы и знакомы с ним не были. Но Анна Ивановна сказала, что он великий писатель и его книжки останутся и для потомков. Чудно говорила Анна Ивановна. Мы мало чего понимали, но вот было что-то в ейных словах сильное, как земля, которую мы пахали.

А узнали мы, что земля наша ещё больше, чем та, о какой мы говорили с Пропом. Я-то как думал – вот мы, ещё есть город, в котором Проп товар брал и где мою мамку тятка украл, а ещё где-то там же была Москва, где жил царь, и ещё была немчужная земля... А оно-то не так! Анна Ивановна показала нам книгу большую «История человечества», а в ней столько земли нарисовано – ой-йоченьки! И живут везде всякие люди. А от нашей деревни в разны стороны города стоят – Омск, Барнаул, Бийск.

А Проп испросил у учительшы:

– А как мальцов в городе учат?

– Для учёбы сейчас все условия есть – в Омске три приходских школы, уездное училище, и женская и мужская гимназии есть, – всё называла разные названия Анна Ивановна, – а ещё кадетский корпус, учительская семинария, фельдшерская школа и просто школы и пансионны.

Она рассказала про разную учёбу, а потом добавила:

– Но не все могут учиться, потому что нужно за учёбу платить.

– Сколько ж платить-то надобно? – всё расспрашивал Проп.

– В гимназии за год – от ста до трёхсот рублей... – тихо произнесла учительница.

Проп громко вздохнул:

– Вот так-так... – и видно было, как он расстроился, но и ещё спросил, – У меня в кубышке всего двадцать пять кредитных рублёв... А чего можно на двадцать пять рублёв купить?

– Ну, как... Можно четверть года оплатить. Или форму купить с ботинками...

– Ещё ведь и форму надоть...

Проп вышел из избы. А Анна Ивановна рассказала нам о том, как три года тому назад упала на землю звезда – метеорит, и что свечение от неё было и в Омске видно.

– Вот быстрее бы вырасти, – говорит Савка, – Поехать бы посмотреть на эту звезду.

– Размечтался! – говорит Алексашка.

Анна Ивановна улыбнулась и говорит:

– Мечтать полезно! А вдруг в ваших мечтах родятся какие-то открытия. Вот был такой учёный Ньютон – так он очень любил мечтать, и благодаря ему наука получила много открытий...

Ох, и понравилось мне учиться. И теперь только одно тревожило – больно уж дорого это стоило.

А вечером как-то Проп пошёл к моим мамке с тяткой. Разговор у них долгий шёл. Потом мамка меня позвала.

– Митрий, – говорит тятка, – Вот Проп за тебя хлопочет, чтобы тебя в город отправить на учёбу. Сам-то ты как? Можя, тебе и не надобно этого?

У меня щёки зажгло и горячо стало. Я глаза поднял на тятку:

– Хочу, тятка, шибко хочу! – говорю.

– Хочу... – передразнил тятка, – А знаешь, скоко нам заплатить надо?

– Знамо... – я опустил глаза.

Проп достал из-за пазухи свёрнутый листок, положил на стол и разровнял его руками:

– Вот, посчитали мы с учительшей – скоко чего надо.

– Мать, ты... эт... почитай – чего там записано, – отец кивнул в сторону листка.

А записано там было следующее:

«Надо рублёв:

на учёбу – 150 руб.

оформить документы – 10 руб.

форму гимназическую и ботинки – 25 руб.

еда, пока не поставят на пансион: пара гречневиков (горячих гречневых блинов с маслом и солью) – 1 копейка; плошка щей – 3 копейки; чаю выпить с двумя кусками сахару – 5 копеек.

Итог: надоть 200 рублёв иметь».

Всё это мать вслух прочитала. А отец всё сидел да кулак по столу тёр, а опосля сказал:

– Посудачить нам надобно... Иди, Митрий.

Я выбежал во двор. Поднял глаза в небо. А там птицы караваном летят и курлычут так, будто заывают: – Полетели с нами! Полетели с нами!

Погодя, вышел из избы Проп. Я кинулся к нему навстречу.

– Ну, что, Митяй... Порешили – поедешь ты в город.

Радость моя из меня выпрыгивала. Я схватил руку Пропа:

– Благодарствую, благодарствую... – я припал на колени и приклонился к руке Пропа, – А Савка-то как же? Савка-то?

Проп слезу пустил:

– Будет тебе, будет тебе, Митяй! С Савкой поедете.

Вот и всё...

Утром я к Пропу не бежал, а как птица летел, как конь скакал. Ведь для меня теперича новая жизнь začínалась, важно было хорошенько запоминать всё, что учительша говорит.

Я даже постучаться в дверь забыл – рывком отворил. Из избы стукнуло мне в нос скипидаром и ещё какими-то резкими запахами. Матрёна сидела около кровати.

– Здоровия дому вашему! – переступил я через порог.

– Проходи, проходи, Митяй... Вот горе у нас – Савка ночью захворал.

Савка лежал на постели с закрытыми глазами. Его реденькие волосы прилипли к голове. Матрёна вытирала пот, выступающий на лбу Савки, и пыталась напоить его приготовленным варевом. Но вся вливаемая в него вода пузырилась и вытекала обратно.

На лавке в углу сидели Алексашка, Сенька, Гришка и учительша.

У Анны Ивановны был такой испуганный вид, что, кажись, она вот-вот расплачется.

Проп говорит:

– Пойду, Матрёна, собираться в город за доктором.

Матрёна утёрла платком уставшие глаза:

– Поздно, Пропушка... К вечеру кончится наш Савушка... – и к маленькой ручке Савки губами припала.

Мы боялись пошевелиться. До полудня так и просидели на лавке.

Мне вспоминалось, как мы с Савкой за черникой ходили, о Петрове камне спорили, как он хотел стать учёным, и как траву золотую боялся собирать...

Я в голове всё крутил и крутил наши любимые игры, наши мечты.

Как же так вот жизнь устроена – он ведь и пожить не успел, а его уже ангелы забирают...

Матрёна чуток поколдошила по избе. Подошла к иконе, на колени встала и молилась долго.

А потом мы все встrepенулись, когда Савка как будто вздохнул. Матрёна повернула голову, глянула, перекрестилась и прошептала:

– Приставился...

Проп подошёл к Савке, перекрестил его и в лоб поцеловал.

– Идите, детки, идите по домам... Завтре приходите – на погост Савку понесём.

Утром мужики деревни и я с ними пошли наперёд – на погосте вырыли могилку Савке. Я кидал землю и не скрывал слёз:

– Как же так? – всё думал, – Как же так?

И твёрдо решил я стать доктором, чтобы не болели люди и не умирали.

Схоронили мы Савку. На могилку его положили венок из вереска – такой же, как на могиле у Льва Толстого на фотографиях в журнале «Огонёк».

– Можя, там, на небесах будет он свою книжку писать про всех нас? – спросил я у Пропа уже вечером, когда мы сидели на берегу реки и смотрели вдоль неё на заходящее солнце.

Проп молчал. Он первый раз не ответил на вопрос. Видно, горе его было таким большим, что не давало вымолвить ни слова.

Проп смотрел на реку, как будто сам ждал, что река даст ответ вместо него.

А глаза-то у Пропа наполнились слезой – и будто окна стали, через которые всю душу Пропову видать.

Долго мы так сидели. Проп на реку смотрел, а я – то на него, то в закат утыкался.

Подул лёгкий ветерок. Где-то в середине реки плеснула рыбёшка. От неё пошли по воде круги, волной подкатываясь к берегу.

– Ну, вот и всё... – выговорил Проп, – Пойдём, Митяй, теперь вся надежда на тебя. Луна спадёт, и поедем в город. Будешь учиться и за себя, и за Савку.

Олег БЕЛОВ

“Зачем поэт слова рифмует?..”

***

Собака думает носом,
А капитан — матросом.
Слова летают по небу.
Как долго с тобой я не был.

Оса — это тигр насекомых,
А шмель — это лев, пожалуй.
И если мы не знакомы,
Узнаешь меня по жалю.

Деревья ходят листвою,
А камни — лишь камнепадом.
А я иду за тобою,
Как волки идут за стадом.

Все звёзды — лишь дырки в небе,
А месяц — улыбка Бога.
Как долго с тобой я не был.
Всю жизнь и ещё немного.

***

Зачем поэт слова рифмует?
Ведь можно просто всё сказать.
А он страдает и ликует
И что-то всё строчит в тетрадь.

Зачем ему от рифм зависеть
И соблюдать высокий стиль,
И в голубые мчаться выси,
Когда кругом сплошной утиль?

Когда вокруг так много прозы,
И батареи холодны,
Квартирный счёт таит угрозы,
И нет покоя от жены.

Но он парит свободной птицей
Над заколдованной землёй
И дать на всё ответ стремится,
Пронзая туч угрюмых слой.

Он видит мир иной сквозь шторы.
И мы не ведаем о том,
Какие дальние просторы
За его письменным столом.

В окно холодный ветер дует.
Ползёт бродяга на вокзал.
Зачем поэт слова рифмует?
Ах если б я об этом знал...

***

Любитель праздных развлечений
Я был когда-то, но сейчас
Померк во мне веселья гений,
И, раб унылых настроений,
Я вновь грушу, грушу о вас.
Когда бы в тесном дилижансе
Я, проезжая ваш лицей,
Увидеть мог сквозь сумрак дней
Среди сограждан неимущих
Ту пару ножек, вдаль бегущих,
Которых в мире нет стройней,
Лекарства для души моей
Иного б я не пожелал.
Но мне прописан ювенал.

Преданность

Мы познакомимся с тобой на нашей свадьбе,
Где нам наручники дадут вместо колец.
И будут гости петь в пылающей усадьбе.
Кому — вино. Кому — вина. Кому — венец.

Ты тихо скажешь мне, что я твой первый встречный.
Что никого ты не встречала до сих пор.
Я обниму тебя под дружеские речи
И поплаву по морю жизни, как топор.

Мы будем счастливы. Пусть неудачи следом
Бегут за нами — мы дадим им бой!
И много лет тебе одной я буду предан.
Пусть даже если буду предан я тобой.

***

Станционный смотритель, напои коней.
Пусть домчат они на грани риска
От неё письмо. Я отвечу ей.
И завяжется двух сердец переписка.

Станционный смотритель, ты не знаешь сна.
В небесах твоих расписалась млечность.
И в окно твоё просится весна.
А ты глядишь в него, словно смотришь в вечность.

Скакунам своим не жалея овса,
Чтоб смогли они миновать все кочки.
Что я говорю? Ты всё знаешь сам,
Станционный смотритель электронной почты.

***

Мой ветренный город, забытый однажды,
Мираж на песке убегающих дней.
Я возле воды умираю от жажды,
И ты никогда не будешь моей.

Холодный костёр, что никак не погаснет,
Утонет в потоке несказанных слов.
И тихо вздохнёт бесконечно прекрасный
Задумчивый лес из несломанных дров.

Мой ветренный нрав, не дающий покоя,
Меня принесёт из-за дальних морей.
Но город забытый не примет изгоя,
И ты никогда не будешь моей.

Весна

Вновь солнце смеётся в бензиновой луже,
Под снегом уж зелень бутылок видна,
И с крыши сосульки срываются дружно,
Когда наступает весна.
Свинцовые тучи внезапно омоют нас
Первым кислотным дождём.
О, моё бедное сердце!

И весело в поле помчатся коровы,
Шатаясь от ветра и комбикормов.
И зимнюю спячку прервать нам готовы
Протяжные песни котов.
И мальчик повадки скворцов изучает,
Сжимая рогатку в руке.
О, мое бедное сердце!

И снова я вспомню, что ты есть на свете,
И номер забытый я в книжке найду.
Ты голосом сонным мне скажешь: «Приветик.
Придёшь? Впрочем, нет... Но я жду».
Ты снова начнёшь надо мной издеваться
И сердце нещадно терзать.
О, моё бедное сердце!

***

Потусторонний джаз.
Тени вчерашних слов.
Снова я слышу вас,
Жители чердаков.

Дети забытых дней,
Брошенные в пути.
Как же в лесу теней
Нам этот дом найти?

Тихо схожу с ума,
Чувствуя сдвиг основ.
Не открывая глаз.
Не узнавая снов.

Звёздные кирпичи
С неба летят на нас.
Снова звучит в ночи
Потусторонний джаз.

Альтернативный гимн

Эти странные русские дважды отмечают Новый год.
Эти странные русские могут на льдину посадить самолёт.
Они изобрели радио, потому что друг от друга они далеко.
Наполеон и Гитлер думали, это будет легко.

Эти странные русские играют в рулетку на револьвере.
Эти странные русские верят в то, во что никто не верит.
Они любят быстро ездить, но дороги некому проложить.
Космос и Антарктиду они открыли, но там невозможно жить.

Эти странные русские могут вам сказать: «Да нет».
Эти странные русские бедны в самой богатой стране.
Но они могут тратить деньги так, как не тратит никто.
И когда все уже упадут, они ещё нальют по сто.

И ничто не может их всесильный Авось победить.
Они знают лишь три аккорда, но каждый может оркестром руководить.
Эти странные русские, которых нельзя понять головой.
Эти странные русские так похожи на нас с тобой.

***

Ах где вы, юных лет подруги,
Меня сводившие с ума?
Легки что были и упруги.
Согнула вас забот сума.

Вам шляпки украшали ленты,
Вам были рады там и тут,
Вас ждали розы, комплименты.
Теперь мужья ревниво ждут.

Ах где вы, милые созданья,
Приметы юности моей?
Вам не давали спать мечтанья.
Теперь вас будит плач детей.

За вас к барьеру вызывали,
Швырнув перчатку сгоряча.
Теперь оспорят вас едва ли.
Супруг лишь вызовет врача.

Нет, не вернуть сердцам уставшим
Тех дней, что минули давно.
И мне нектар лобзаний ваших
Заменит горькое вино.

***

Стою я на Босфоре –
Казахский гражданин.
Я по примеру многих
Свободен от штанин.
Вода о берег бьётся.
В кишке рычит хотдог.
Турецкая девчонка
Почёсывает бок.
Спешит куда-то танкер
С какой-то ерундой.
Рыбак в консервной банке
Сражается с волной.
Штыками минареты
Софию сторожат.
И древние секреты
В развалинах лежат.
Не уловлю я что-то,
Куда же все бегут.
И где же тут Европа,
И Азия где тут?
А сам я – европеец?
Иль, может, азиат?
Какой мне ближе берег?
И кто мне будет рад?
Стою я в думе вечной
На Рубиконе дня
И чувствую, как плещет
Босфор внутри меня.

***

Много видел я разных стран, экватор крутится,
Бьют тамтамы, звёзды летят, или просто чудится.
Только в шуме праздников и повседневная,
Я скажу как на духу — ты обалденная!

Много видеть мне женщин пришлось — шпильки да шапочки.
Кто-то носит ботфорт до ушей, кто белые тапочки.
Но не видно им, что скрывает поверхность зеркальная.
И скажу я текстом прямым — ты уникальная!

Кто-то ходит по стеклу, кто-то по струночке,
Кто-то носит гранатомет в дамской сумочке.
Кто-то в россыпях бурды что-то ищет мучительно.
Но скажу я без дураков — ты восхитительна!

Только что мне говорить про всё про это,
Коли с острова я сам, а ты с континента?
И негромок голос мой, прости мне робость,
Ведь меж нами пролегла такая пропасть.

Но на то я и альпинист, скольжу по камешку,
И готов, не глядя вниз, пройти по краешку.
Пусть сорвусь иль найдёт многоточие пулемётное,
Прокричу, пролетая мимо, — ты улётная!

***

Те дни безвозвратно уплыли,
Когда мы кружились вдвоём.
Спасибо за то, что вы были
Звездой в тусклом небе моём.

Всё помните вы иль забыли.
Куда занесло вас? Бог весть.
Но где б вы на свете ни жили,
Спасибо за то, что вы есть.

Мы сами вершители казни
И жертвы жестокой молвы.
Но в сердце огонь не угаснет.
Спасибо, что будете вы.

г. Алматы.

Уалихан САГИНХАНОВ

Микентайка

Сказка

Когда взошло большое Солнце, на свет появилась Микентайка. От сияния её улыбки на земле стало тепло и радостно. С каждым днём её улыбка становилась всё прекрасней, и в один счастливый день она превратилась в большое море цветов. К этим благоухающим цветам тянулись люди, бабочки и пчёлы.

Все они наслаждались ароматом и вкусом цветочного нектара, получая от этого силу и счастье, а больше всех их притягивал к себе цветок по имени Микентайка. Всё потому, что этот цветок был особенным, от него исходил лучезарный свет. Это был поистине ангельский цветок, вдохновляющий поэтов и художников.

Однажды налетевший сильный ветер потревожил лепестки Микентайки и разнёс их по всему миру. Очень долго кружили они над землёй, а затем устремились в ночное небо, чтобы превратиться в прекрасные звёзды. Лишь один лепесток опустился под утро на поляну, а когда пришла весна, на месте этого лепестка распустился новый цветок ещё более яркий и нежный. Каждое утро на его стебельке и лепесточках ослепительно сверкали, подобно жемчужным бусинкам, свежие росинки.

Каждый раз это повторяется на той сказочной поляне, с приходом новой весны. По-прежнему туда приходят люди, прилетают бабочки и пчёлки. А сам цветок становится всё краше и тянется к Солнцу, дававшему ему однажды жизнь.

Для поэта смерти нет

С Владимиром Романовичем Гундаревым лично мне посчастливилось встречаться трижды. Дважды непосредственно в редакции «Нивы» и последний раз 16 сентября 2011 года в Караганде на восьмидесятилетнем юбилее газеты «Индустриальная Караганда», отмечавшемся в шикарном городском ресторанном комплексе «Олимпия». В «Ниву» меня приводили попытки опубликовать в журнале пробу пера. Такую попытку я уже делал, но в «Просторе», просто отсылая туда стихи обычной почтой в больших конвертах. Делал я это в лето 2007 года, не ожидая от журнала к себе благосклонности, считая, что журнал – это наши казахстанские «отечественные записки», куда дорога агадырскому неандертальцу просто-напросто закрыта. Провинция-глубинка она и в Африке глубинка, думал я, потому ей и надлежит держаться на агадырских задворках. Но как же полон сюрпризов белый свет! В восьмом номере за 2007 год вдруг вижу свой рассказ, а в следующем девятом – «Душевную повесть» в двадцать страниц. Моей радости не было предела, даже обронил слезу со своих старческих ресниц. Какое-то время спустя, гостя у брата в Астане, решил попытаться некоторые свои материалы оставить в «Ниве». За разговорами редактор «Нивы» принял мои рукописные вещи, сказав, что займётся ими при случае.

То был уже 2008-й год, от которого, по поверьям, ничего путёвого ожидать не следовало. Но, на радость мне, в апрельской «Ниве» мои «Дорожные истории» в восемь страниц, а во втором номере за 2009 год «Жалтырские картинки» в десять страниц. Поблагодарил главного редактора по телефону и крепко пожал руку уже при личной встрече в Караганде на этом самом юбилее областной газеты. Когда у участников юбилея газеты выдавалось свободное время, мы беседовали с Владимиром Романовичем о стихотворной амплитуде известных и начинающих авторов в «Просторе» и «Ниве». В «Ниве» публиковалась карагандинка Людмила Мельникова со стихами «Музыка души», «Прости», «Наедине», для которой было счастьем «улавливать мерцанье первых звёзд в вечерней вышине». Светлана Денисова из Павлодара также заинтриговала своими стихами «Путь», «Зов», «Рай», «Мечта», «Судьба». Не мог журнал равнодушно пройти мимо стихов астанчанки Марии Уваровой в подборке «Синий дом у прозрачной реки». В разговоре Владимир Романович спросил, не плету ли я свои стихотворные сети? Я ответил, что из меня поэт, как из гоголевской Коробочки Майя Плисецкая, хотя моими стихами можно выстелить всю дорогу от Агадыря до Астаны. Владимир Романович удивился и сказал, что хотел бы взглянуть хотя бы на пару-тройку из них. Я обещал что-то специально выбрать для «Нивы» и прочёл первое, что хранилось в моей старческой памяти:

Деревенька моя тоже в Казахстане есть,
Гляжу на неё, рукой не прикрываясь,
В ней сызмальства росли мои дух и честь,
Какие синевой с росой умывались.

Нынче деревенька – вовсе не колхозница,
И её улыбка от людей сокрыта,
Может, моё сердце к ней оттого не просится,
Что она безлюдна и к ней пути изрыты.

Нынче деревенька целинная без песен,
Нет у ней покосов, пельменей и грибов,
Нет у ней веснушек, как нет и самих вёсен,
Нет, как прежде, улиц, нет и самих домов.

Владимир Романович был искренне удивлён и сказал, чтобы я приходил со своей стихотворной выкладкой. «Ничего не надо выбирать, а неси всё – тут уж мы как-нибудь разберёмся». Я, однако, дома что-то выбирал, что-то переделывал и даже писал что-то новое, планируя приехать в Астану после сентябрьских дней только двенадцатого года, когда отмечу свои семь и пять. После них навалились заботы по уходу за старшим 82-летним братом в Жалтыре. Брата свалил инсульт, ухаживать за ним было просто некому. Детей его жизнь разбросала по БАМу, Белоруссии и Краснодарскому краю, так что пришлось все заботы взвалить на себя. В мае брата схоронил, отметил девять и сорок дней, после которых наконец возвратился домой в Агадырь, откуда и собирался ехать в Астану со своими стихами в «Ниву», как и обещал Владимиру Романовичу. Запланировал поехать после первых сентябрьских дней, как вдруг получаю всё ту же «Индустриальную Караганду» за 28 августа с сообщением о кончине Владимира Романовича Гундарева, большого поэта страны, автора песни «Деревенька моя, деревянная», которую всегда пел большой Советский Союз в городах и в селениях. Перенести такую боль я не мог, потому и сел за статью о поэте, редакторе, большом человеке...

Что я знал о поэте Гундареве? Решительно ничего. Единственно, что он автор песни «Деревенька моя...» и его стихотворные выкладки в «Ниве» и «Просторе». Ни единого его стихотворного сборника у меня нет до сих пор, потому как никогда их не встречал ни в одном книжном магазине самой столицы и областной Караганды.

А о Владимире Гундареве как-то писала «Казахстанская правда» от 17 июля 2004 года, удивительно как избежавшая у меня отопительного процесса. Статья в газете называлась «Три планеты Владимира Гундарева», автором которой был не кто иной, как Александр Тараков, который как истый журналист присутствовал на шестидесятилетнем юбилее Владимира Романовича и беседовал с журналистом, поэтом, литературным деятелем Астаны. Статья в 700 строк много поведала о жизни редактора и основателя «Нивы», которой я даже про себя дал название «Современник», но под редактурой не Николая Некрасова, а Владимира Гундарева. Из статьи как раз я узнал и о сибирской Кыштовке, где Владимир Романович

учился и даже работал в колхозе прицепщиком. Наверное, на неё он и смотрел, прикрывшись рукой, и на Тару-реку, протекавшую рядом. Кыштовка – Россия, родина, но затем и Казахстан стал его вторым Отечеством, принявшим его в далёкие целинные годы в горячие объятия и проводившего в последний путь с великой горечью. Эта горечь заставила и меня сказать:

Не верится, что с нами Гундарева нет,
Он будет жить в сердцах, как живы его песни,
Для поэта жизни он большой Поэт,
Он будет жить в веснушках казахстанских вёсен.

Журналист Тараков и поэт Гундарев говорили о многом, о ритмике сегодняшней жизни, о целине, с которой поэт связан с самой молодости, которую всегда любил и которой посвящал немало тёплых слов и строк. Целина тоже являлась для Гундарева планетой Любви, которой отдана стихотворная душа и лирика его поэтической души. Шёл разговор и о «третьей планете» – о журнале «Нива», которому отданы двадцать лет непосильного труда и двадцать лет истинной борьбы за её выживание, о чём упоминал в своей «Хронике смутного времени» и павлодарский писатель Юрий Поминов. Прошло после 60-летнего юбилея Владимира Гундарева всего лишь восемь лет, и вот не стало большого казахстанского поэта. Физически поэта с нами нет, но его стихи, свет его любви к жизни, к друзьям, к людям, к родному Казахстану, к родной сибирской Кыштовке и к Астане навсегда останется в памяти казахстанцев и в памяти нашей немеркнувшей литературы.

Николай СЛЕПЦОВ.

пос. Агадырь

Карагандинской обл.

Сапаргали ЖАГИПАРОВ,

ПОЛКОВНИК

В небесах мужал фронтовик

О полном кавалере орденов Славы, Октябрьской Революции, стрелке-радисте Николае Папилове

В одном из музеев г. Актобе есть экспонаты, повествующие о славных делах Героев Советского Союза, участниках Великой Отечественной войны – Алие Молдагуловой, Малкеждаре Букенбаеве, о полных кавалерах орденов Славы Сарсенгали Ешбаеве, Николае Папилове и др. Как известно, их имена золотыми буквами вписаны в историю Отечества, в их честь названы улицы, школы в городе и области. Разными они были по возрасту, внешности, по характеру, не похожие по темпераменту. Но роднит главное – все одинаково любили жизнь и в трудные дни войны сумели отстоять родную землю от гитлеровских захватчиков. Словом, вклад актюбинцев в Победу весом. В годы войны из области на фронт ушли 122 тыс. бойцов, и 36 тыс. из них не суждено было вернуться.

В Актюбинске, были сформированы прославленные соединения – 312-я стрелковая дивизия, 101-я стрелковая бригада, которые героически сражались под Москвой, Сталинградом, Ленинградом...

Несколько лет тому назад мне удалось встретиться с Малкеждаром Букенбаевым, Сарсенгалием Ешбаевым и Николаем Папиловым. В моём блокноте сохранились записи беседы с этими удивительными и необыкновенными людьми. Об Ешбаеве рассказано мною на страницах журнала «Нива» (№ 5, 2003 г.) и в книге «Звёзды не гаснут». Этот очерк – о Николае Папилове, который в годы войны внёс свой вклад в долгожданную победу.

«Костлявая лапа» войны

В уютной квартире мирно тикают часы. Мы беседуем с Николаем Гавриловичем. Несмотря на свой преклонный возраст, он не потерял своей выправки. Смотрю на него, замечаю не только каждую морщинку на его бледном лице, но и воспалённые глаза. Чувствую, что он чем-то взволнован. Он не очень щедр на слова и оттого на первых порах производил впечатление человека несколько строгого, замкнутого. В разговоре ветеран изредка скидывал бровь, и тогда во взгляде лучились весёлые огоньки.

– А вы не обращайте внимание на то, что иногда ладони прикладываю к виску, – вступает в разговор ветеран. Это у меня бывает временами. В голове шум. Давит её кругом, как будто в тиски зажали. Буквально сегодня, когда солнце бросило в окно первые лучи, проснулся от ощущения тишины, покоя, но сон меня долго не отпускал. Слышал голос командира: «Николай, чего молчишь, нас атакуют, открывай огонь!».

Не заметил, как рядом оказалась жена Анна Никитична. Дотошно пытливо она начала интересоваться:

– Коля, что с тобой? Ты весь в поту. Какой командир, с кем ты воюешь?

*Полный кавалер орденов Славы, Октябрьской Революции
Николай Гаврилович Папилов со своей супругой Анной Никитичной.*

«Фу ты, чёрт, – объясняю супруге, – опять приснилась «костлявая лапа» войны». Николай Гаврилович вздохнул и раскрыл плотно сомкнутые веки. На какое-то время мой собеседник умолк, отвернулся, пытаясь скрыть набежавшую слезу.

Что и говорить, людям, прошедшим трудными дорогами сражений, нет-нет да порой снятся военные сны. С годами они чаще бередят душу. Одним видятся сожжённые белорусские деревни, плач матерей, крик детей, пылающие украинские хаты, другим – жестокие бои под Москвой, Ржевом, Сталинградом. А некоторым – молочные туманы, раскисшиеся дороги, аэродромы на картофельных полях...

– Трудно мне вспоминать фронтовые дороги, друзей-товарищей, – говорил ветеран, оглядываясь назад, вижу их улыбки, задор, мечтавших об одном – о победе над фашизмом, об устройстве затем мирной жизни. Все они, кто старше, кто моложе, были весёлые, общительные, жизнерадостные, отлично знающие своё дело. Многие из них не вернулись с фронта, а дома каждого ждала родная мать, жена, дети, невеста. Важно, чтобы сегодня молодёжь помнила о них, знала, за что они пролили свою кровь. Да, чего только не испытали, мы, фронтовики, особенно в первые дни войны, как заметил один из участников войны:

Хмелеет
    враг от ярости,
пустил
    на нас полки.
Отечество
    в опасности!

Когда началась война, – продолжил разговор Папилов, – было одно желание: скорее попасть на фронт, пока война не завершилась. Помню, 22 июня 1941 года слушал по радио речь народного комиссара иностранных дел СССР Молотова, запомнился приглушённый, но твёрдый голос Вячеслава Михайловича. И был совершенно спокоен, когда он произнёс: «... Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную Отечественную войну за Родину, за честь, за свободу. Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Были уверены в том, что наша армия всех сильнее и сможет стереть гитлеровцев в порошок в два счёта. Тогда же, летом, когда фашисты стали бомбить города и деревни Белоруссии, Украины, России, вот с этого момента моё юношество кончилось – стало понятно, что идёт суровая и жестокая война. Познал её, сражаясь с гитлеровцами с первых дней войны в составе одной из авиационных частей. Враг был вооружён, как говорится до зубов и в начальный период войны превосходил нас в людях, оружии и боевой технике. Ощущая это, не раз пришлось вспомнить народную поговорку: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха».

Огромное небо на двоих

*Об этом товарищ, не вспомнить нельзя,
В одной эскадрильи служили друзья.
И было на службе и в сердце у них
огромное небо – одно на двоих.*

Р. Рождественский

Когда Николая назначили стрелком-радистом в звено штурмовиков, возглавляемое В. Песковым, он до боли в глазах всматривался в небо. Ждал с нетерпением командира, который вот-вот должен вернуться с боевого задания. Самолёты садились один за другим. Наконец-то штурмовик Пескова приземлился на посадочную полосу аэродрома. Встретившись с молодым пареньком, он стал расспрашивать о его житье-бытье, об отношении к авиационной технике.

«Из разговора с тобой понял, что у тебя опыта нет, – сказал Песков, обращаясь к Николаю, – но придётся учиться в боевой обстановке. Не обижайся, смотрю на тебя и вижу своего Сашу, такой же был молоденький, крепыш. На сердце тяжело, переживаю за брата, в одном из последних боёв я потерял его. Помощник был отменный – мастер своего дела».

– А случилось вот что, – вспоминал Песков. – Мой штурмовик попал под сильный зенитный огонь врага, машина загорелась. К тому же самолёт стали атаковать «мессеры». Надсадно ныл мотор, словно просил помощи. Стрелок-радист до последних секунд поливал фашистов из своего пулемёта. Всё же, когда удалось сесть на аэродром, вижу, что он без сознания, изо рта тоненькой струйкой стекала кровь. Каждый, кто знал стрелка, по-своему переживал гибель товарища. Вот так мы похоронили его, а на холмик положили звёздочку, которую он хранил в нагрудном кармане вместе с комсомольским билетом. Стало тихо. Слышен был только шелест листьев берёз.

До сих пор не могу поверить, что рядом нет такого смелого, неунывающего парня. Так что теперь врага будем бить вместе. Надеюсь, что ты будешь таким же, как мой Сашенька».

На войне люди познаются быстро. Вскоре служебные отношения лётчика и стрелка переросли во фронтовую дружбу. Что связывало этих людей: разных по возрасту, воинским званиям, профессии? Если бы об этом спросили обоих, наверное, не сразу бы ответили на данный вопрос. То, что в боях офицер и старшина стали понимать друг друга с полуслова, говорили о многом. Что-то общее в характерах было у них. Во всяком случае, они в короткие передышки фронтовой жизни делились своими надеждами, переживаниями. Каждый рассказывал о своей малой родине, родных, близких, любимых. Глядя на отблески пламени печи, пели песни. Было единое мнение у того и другого: любили они песню на стихи поэта Алексея Суркова «В землянке».

Бьётся в тесной печурке огонь,
На поленьях смола, как слеза.
И поёт мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

– Она была дорога всем, – вспоминал Николай Гаврилович, – когда мы стали напевать, к нам присоединялись и другие солдаты, офицеры. Ведь человек не может жить только войной, страхом смерти. В этой кровавой битве песни, в том числе «В землянке», помогали сохранить в себе человека, не позволяли забыть об удивительном и светлом чувстве – чувстве любви к матери, любимым, ожидающим нашего возвращения с фронта. Действительно, бои были тяжёлые. По два-три раза в день вылетали самолёты. Ни дождь, ни тяжёлые, как налитые свинцом, облака не были препятствием в выполнении боевых задач. С Песковым рядом, как всегда, был боевой помощник Папилов. Многое Николай пережил и испытал, летая со своим воздушным асом – смелым, решительным, умеющим находить выход из любого трудного положения. Попадали они в такие передрыги, что волосы становились дыбом. Какой мерой измерить, сколько он пережил за войну, сколько душевных сил надо было иметь, чтобы внешне оставаться спокойным. Но он никогда не жаловался и не ныл, считая слабость постыдной чертой. На счету у Папилова было 100 боевых вылетов. Какой из них самый трудный – не скажешь.

В июне 1944 года шестёрка «Илов», получив очередную задачу, вылетела на бомбёжку вражеских позиций западнее города Витебска. Воздушный стрелок Папилов стал осматриваться вокруг. Внизу – знакомая, не раз виденная панорама.

Пройдя линию фронта и снизившись на малую высоту, штурмовики начали уничтожать вражескую технику – танки, автомашины, склады с боеприпасами.

После штурмовки «Илюшины», ровно гудя моторами, легли по курсу на свой аэродром. Вдруг внезапно появились гитлеровские самолёты, один из них решил атаковать штурмовик Пескова с хвоста. Первым его заметил стрелок Папилов. Через минуту пулемётная очередь свинцовым градом ударила по обшивкам фашистской машины. Его пулемёт захлёбывался

яростным огнём. Ствол описывал немислимые дуги. Внезапно пулемёт замолчал, очереди не последовало. Николай попробовал перезарядить оружие, но из-за перекоса в ленте патронов пулемёт не стрелял. Расстояние между самолётами уменьшалось с невероятной быстротой. Песков попытался уйти от преследователя, совершая манёвр, но вражеский истребитель не отставал. Папилов понял, что фашистский лётчик решил расстрелять штурмовик в упор – одной очередью. Положение критическое, казалось, что противник вот-вот выстрелит, но Николай думал недолго. От природы он – настойчивый, хваткий, быстро оценил обстановку, исправив перекося патронах в ленте, открыл огонь. Пулемёт заговорил сердито и длинно.

– Будьте прокляты, это вам не лето сорок первого, когда вы хотели поставить нас на колени, – зло произнёс боец.

Фашистский самолёт, окутавшись чёрным дымом, воспламенился и начал падать.

После боя командир пожал руку воздушному стрелку, сказав: «Молодец, Николай, здорово поработал, огнём из пулемёта уничтожил очередного фашистского стервятника!».

«В бой вступает смело...»

Представляя старшину Папилова к боевой награде – к ордену Славы третьей степени, командир полка написал следующее: «В бой вступает смело, в воздухе ориентируется хорошо. Благодаря отличному знанию вооружения много раз обеспечивал успешное выполнение боевой задачи...».

... Весна всё больше входила в свои права. Тёплые ветры съели снега, и степь побурела, стала похожей на огромную ковшу. И земля, щедро напоенная тальми водами, посылая своих первых гонцов – подснежники. Замедляли свой бег облака. Можно было увидеть, как солнце огромным малиновым шаром опускается в пепельную закатную мглу. Щebetали птицы.

Что касается птиц, то Николай любил их. В минуты затишья между боями, где гнездились птицы, Папилов мастерил скворечники и их вывешивал рядом с гнёздышком. Несмотря на то, что не было над землёй фронтовой тишины, Николай поневоле удивлялся великой мастерице-природе, а улыбка отражалась в его глазах. Живёт человек. У него бывают удачи, везение. Приходят радостные минуты и страдания. Одно сменяет другое, как времена года. Но и настёт час, который мы называем его часом. Папилов вспомнил одно из последних сражений, оно тоже было жарким, как у артиллеристов. Содрогалась земля от снарядов и мин. Подала свой грозный «голос, проигрывая музыку», прославленная «катюша».

– С восходом солнца советские войска начали наступление. Получив боевое задание, – продолжил разговор фронтовик, – наши штурмовики вылетели для очередного нанесения удара по вражеским объектам. По светлеющему небу медленно проплывали редкие белесоватые облака. Наш штурмовик взмывает за облака, в нужный момент пикирует, чтобы выйти на цель и точно её поразить. Вот тут нас засекли вражеские зенитки. Песков решил идти на снижение для сброса бомб на вражеский эшелон с боевой техникой и оружием. Глазомер командира не подвёл. Бомба угодила

прямо на эшелон, место взрыва охватил пожар. По сторонам хлопают разрывы снарядов. Только штурмовик вышел из зоны зенитного огня, как коршуном налетела стая «Мессершмиттов». Напряжение растёт. Командир, не задумываясь, атакует «мессеров». Настали решающие мгновения и для меня. Открываю огонь. Вижу как от очередей пулемётной стрельбы разрушается обшивка крыла фашистского самолёта. Он, задымив, пошёл вниз. Над нами проносятся несколько вражеских истребителей. Командир делает повторный заход, атакуя их. Один из гитлеровцев открыл огонь по мне, но попал по плоскости «Ила». Мне хорошо знаком замысел фашистов, так как они в первую очередь пытаются уничтожить нас, воздушных стрелков, тем самым оставить машину без пулемётчика. Самолет трясёт, словно в лихорадке. Чувствую, что пот заливает лицо, сохнет во рту, в груди какая-то тяжесть, дыхание перехватывает.

– Командир, сзади «мессеры»! Патроны на исходе, – мгновенно докладываю Пескову.

– Николаша, ничего, держись! – последовал ответ.

Он стремительно пикирует, выписывая то «змейку», то «горку». Фашистский истребитель не отстаёт, «висит» на хвосте. Довольно отчётливо вижу лицо гитлеровского лётчика. Выпускаю по нему очередь из пулемёта. Внезапно появляется ещё один вражеский самолёт, а патронов уже нет, но командир принимает решение ударить винтом по стабилизатору «мессера». Тот клюнул вниз, хищная тень растворилась. Наш «Ил» затрясло, словно раненая птица, самолёт стал терять высоту. Песков плавно переводит истребитель в планирование. Вот и посадка на три точки. Подбегают командиры, сослуживцы – лётчики, механики, техники. В глазах искрится радость.

– Соколы, наши поздравления! Сбитые вами «мессеры» больше не взлетят. К наградам Папилова прибавился очередной орден Славы.

Самый счастливый день

По всем приметам, война близилась к концу, откатывалась на запад. Под крылом штурмовика мелькали дороги, населённые пункты Восточной Пруссии.

– Чувствуя, что война приходит к финишу, – рассказывал ветеран, – гитлеровцы стали придерживаться другой тактики – это был не тот фриц, который шёл по советской земле, горланя песни, играя на губной гармошке, теперь он не хотел умирать за Гитлера – за здорово живёшь. На земле Прибалтики фашисты построили оборонительные «валы» и линии с густыми минными полями, заграждениями. Здесь мы увидели мощные укрепления, железно-кирпичные доты, чуть ли не каждый дом, двор был приспособлен к обороне. Подвалы оцетинивались огневыми точками. На перекрёстках дорог высились бетонные крепости. Но ничто не могло сдерживать натиск наших войск, авиации. Наши ребята рвались в бой, были настроены добить врага в его логове. На советской земле нацисты всё вокруг разрушали, уничтожали, жгли, убивали безжалостно. Каждый из нас хорошо помнил их ненависть, жестокость, как они сеяли ветер зла, и вот

теперь на головы врага обрушилась страшная буря возмездия. Мы бомбили аэродромы под Кёнигсбергом, наносили удары по мощным укреплениям, дотам, прокладывая путь нашей пехоте. Словом, как и прежде, мы продолжали поливать свинцом «юнгерсы», «мессеры» с чёрным крестом на борту.

За свои подвиги на прибалтийской земле воздушный стрелок Николай Гаврилович Папилов был удостоен орденов Красной Звезды и Славы первой степени.

На мой вопрос: «Чем запомнился тот незабываемый день Победы?», фронтовик, прищурился, вспомнил:

– После возвращения из полёта, ужасно уставшие, отдыхали. Лишь только первые лучи солнца заблестели на плоскостях «Илов», как послышалась стрельба, лётчики хватают шлемофоны, планшеты, мы, стрелки, вместе с ними бежим к самолётам. «Победа! Победа! Победа!» – ликуют техники, механики, оружейники. Люди бросились обнимать и целовать друг друга, иные пускались в пляс, звучала песня. От неожиданности на моих глазах выступили слёзы радости. Это был самый счастливый день, наверное, не только у меня, но и у всех победителей на прусской земле.

... После войны Николай Гаврилович демобилизовался, приехал в г. Актюбинск, ныне Актобе – на родину своего командира. Здесь обосновался. Пошёл работать на ТЭЦ, освоил специальность машиниста турбины. Тут познакомился со своей любовью. А вскоре две счастливые судьбы слились в одну. С Анной Никитичной они прожили более полувека. За свой самоотверженный мирный труд Папилов был удостоен ордена Октябрьской Революции.

Солдаты Великой Отечественной войны... Каждый из них достоин самых тёплых и высоких слов.

– Однажды – это было в день очередной годовщины Победы, – рассказывал Николай Гаврилович, – мой командир шёл ко мне в гости. Недалеко от нашего дома находился сквер, где люди пели, веселились, кто-то, увидев Пескова с орденами и медалями на груди, громко произнёс:

– Дорогу, дорогу! Лётчик-победитель идёт!

Его все поздравляли, каждый стремился пожать руки герою. Играла музыка. Почему сегодня люди не радуются, не поют? Почему же добрые традиции иссякают? Ведь песни, исполняемые вживую, имеют большое воспитательное значение для нынешней молодёжи. Иногда молодые «врубят» диск, идут какие-то вопли, не поймёшь о чём, для чего, или нацепят наушники, пытаются не слышать никого, какое-то безразличие. На мой взгляд, есть о чём тут задуматься.

Хотя говорил полный кавалер ордена Славы Папилов с тихой грустью про себя, про свою фронтовую и сегодняшнюю жизнь, но в его взгляде чувствовалась добрая и немного смущённая улыбка. Может, от того, что он несказанно рад тому, что любит эту землю с её рассветами, пахнущими свежей зеленью распускающихся садов, парков, и в трудные минуты, нависшие над Отечеством, не дрогнул, отстояв её от врага.

Фото Куана МУКАШЕВА.

г. Актобе.

Валерий МОГИЛЬНИЦКИЙ

Безымянные тюльпаны...

Десять лет я прожил в Джезказгане, работая собственным корреспондентом газеты «Казахстанская правда». И, конечно же, постоянно находил следы былой жизни заключённых Степлага. Многие о ней мне рассказала узница Особлага в Кенгире, подруга моей мамы Анна Стефанишина. Она довольно часто приходила к нам в гости в городе Никольском вместе со своим мужем Володей. Была она малоразговорчива, но, судя по всему, многое знала о Степлаге и его обитателях. Она впервые назвала мне фамилии поэтов, томившихся в Кенгире, – Руфь Тамарину, Терентия Масенко, Матвея Талалаевского. Это были люди, которые своей верой в завтрашний день, в близкое освобождение буквально заряжали всех узников Степлага. Особенно хорошо отозвалась Анна о Матвее Талалаевском, который организовывал концерты в Степлаге в 1952-1954 годах и сам прекрасно читал свои стихи со сцены. Он как раз и был душой коллектива поэтов, томившихся в Кенгире.

– Я помню его – статного и красивого, – говорила Анна Стефанишина. – Однажды он поднялся на сцену, подошёл к старенькому пианино, заиграл и запел песню военных лет.. Это была песня Модеста Табачникова «Когда мы покидали свой любимый край». А слова этой песни принадлежали самому Матвею Талалаевскому.

Когда Анна рассказала об этом факте, я сразу же вспомнил, что стихи к песне Табачникова Матвей Талалаевский писал вместе с другом фронтовых лет, журналистом Зельманом Кацем. В 1943 году они работали в редакции фронтовой газеты «Сталинское знамя». И довольно часто выезжали на передовую. Однажды, когда они вернулись в редакцию с мест боёв и пожарищ, чтобы «отписаться» и хоть немного отдохнуть, к ним подбежал взволнованный Табачников (он тоже состоял в штате фронтовой газеты) и крикнул:

– Ребята! Наши войска взяли Ростов-на-Дону! Надо бы посвятить этому событию песню.

И он начал напевать мелодию, то и дело повторяя слова: «И вот мы снова у стен Ростова»... Талалаевский и Кац сразу подхватили: «И вот мы снова у стен Ростова, в отцовском дорогом краю».

Откуда я всё это знал? Когда я работал в Ростове-на-Дону в редакции газеты «Молот», то, помню, в 1975 году мне доверили выпустить книгу – сборник материалов «Ратный и трудовой подвиг ростовчан» – к тридцатилетию Великой Победы. И работники областного партийного архива передали мне огромную папку с документами, подобранными специально к этой дате. И среди них стихи фронтовых лет разных поэтов, в том числе Талалаевского и Каца. И на всю жизнь я запомнил их текст к музыке Табачникова... Он до сих пор хранится у меня в архиве.

Когда мы покидали свой любимый край
И молча уходили на восток,
Над тихим Доном,
Под старым клёном
Маячил долго твой платок...

Я не расслышал слов твоих, любовь моя,
Но знал, что будешь ждать меня в тоске.
Не лист багряный,
А наши раны
Горели на речном песке.

Изрытая снарядами стонала степь,
Стоял над Сталинградом чёрный дым.
И долго-долго
У синей Волги
Мне снился Дон и ты над ним.

Сквозь бури и метелицы пришёл февраль,
Как праздник, завоёванный в бою.
И вот мы снова
У стен Ростова,
В отцовском дорогом краю.

Так здравствуй, поседевшая любовь моя.
Пусть кружится и падает снежок
На берег Дона,
На ветки клёна,
На твой заплаканный платок.

Опять мы покидаем свой любимый край.
Не на восток – на запад мы идём.
К днепровским кручам,
К пескам сыпучим.
Теперь и на Днестре наш дом.

В своё время эту песню исполнял, насколько я помню, ансамбль песни и пляски Северо-Кавказского военного округа. О ней написали в газете «Мой Ростов» ветераны 4-го Украинского фронта, как о самой любимой песне фронтовиков.

К сожалению, в сборник «Ратный и трудовой подвиг ростовчан» она не попала. Цензор снял её, укоряя меня:

– Вы разве не знаете, что Талалаевский после войны стал «врагом народа», сидел в лагерях? Ещё не время его имя восстанавливать...

И вот спустя несколько лет в Казахстане я узнаю от Анны Стефанишиной, что действительно Матвей Талалаевский, журналист-фронтовик, гвардии майор, награждённый двумя орденами и тремя медалями за ратные и трудовые подвиги, был осенью 1951 года репрессирован, приговорён в 10 годам лишения свободы с содержанием в ИТЛ строгого режима. Он пробыл в Кенгире три года. В разных архивах СНГ сохранились копии его писем из лагеря дочери Ирине и жене Кларе (ищите в Интернете).

В письме от 22.03.54 г. он им пишет, что «с переходом на новую физическую работу очень с непривычки устают руки и ноги. Надеюсь, что нервы укрепятся и мускулатура тоже». А в письме от 25.05.54 г. он описывает свою новую работу: «Работаю в столовой главполкомом, т.е. мою полы, окна, столы, и очень жалею, что перестал быть грузчиком и штукатуром. Но хныкать не надо – был ведь и Горький посудомоем. Пригодится для будущих моих романов!».

Его оптимизму можно было только позавидовать! Веру в будущее, что придёт время и справедливость восторжествует, поддерживали и укрепляли в нём письма дочери и супруги. Ирина пишет ему 9 августа 1952 года: «Вчера я наконец-то прочла твоё первое письмо издалека. Как оно меня обрадовало! Ведь это значит, что у нас вновь восстановлена связь с тобой, что ты ожил для нас, что ты снова приобрёл глаза во внешнем мире. Мы будем стараться, чтобы наши письма служили тебе опорой на твоём трудном пути. Главное: верь и верь крепко, что мы по-прежнему верны тебе и крепко верим, что ещё и на нашей улице будет праздник. Мои друзья, знающие о несчастье, глубоко сочувствуют тебе и страшно сожалеют о случившемся. Они не верят, что ты был виновен, так же, как в этом убеждены и мы. Мужайся, ведь ты сильный, я верю в тебя, отец!».

Вера в освобождение, близкое и справедливое, звучит также в письмах жены Клары. Она пишет ему 5 сентября 1952 года: «Будь здоров и крепок, мужайся, Мотичка, мой единственный. Я верю, что ты ещё докажешь свою невиновность».

Талалаевский вёл себя в лагере мужественно, достойно высокого имени воина и поэта. Будучи «главполкомом» в столовой, он тем не менее продолжал душой жить в небесах... Но поскольку он был честным поэтом, суровая действительность пробивалась и в его стихи. До сих пор сохранились его кенгирские тетради, а в них стихи, написанные в бараке. В стихотворении «Ирина» он пишет:

Дочь обиделась на отца!
Мол, забыл, мол, письмо ей не пишет,
У него же тоска без конца
И от грусти он еле дышит.
Не измерить ту грусть! А тоска –
Горше хины, темнее бурана.
Сжала сердце его в тисках
В бессердечных песках Казахстана.
Он когда-то о них читал
В дневниках и стихах Тараса...
Пусть Кенгир и не Кос-Арал,
Где томился поэт, но стряслася,
Точно гром – поразила беда,
Боль и стыд ему сердце гложет,
В злой разлуке проходят года,
Безучастны друзья. Кто поможет?

Так что душевные срывы посещали и Талалаевского. Горько и обидно было ему, что на милой Украине молчат, не встают на его защиту побратимы, будто и не было такого писателя как он.

И всё же, к его радости, он ошибался. Первым на его защиту встал великий украинский поэт Максим Рыльский. Как оказалось позже, жена Клара и дочь Ирина «пробились» к академику и рассказали ему всю правду об аресте Талалаевского и его страданиях за колючей проволокой в Кенгире. Они думали, что он сразу же откажет им в поддержке. Ведь к тому времени Максим Рыльский уже был дважды лауреатом Государственных премий СССР, депутатом Верховного Совета СССР. Но лидер поэтов Украины им не отказал ни в чём. Вежливо выслушав посетительниц, он вдруг взорвался:

– Что хотят, то и творят эти органы! Я ведь сам побывал в их лапах и хорошо себе представляю, как тяжко Матвею Ароновичу.

И он рассказал, что где-то в 1935 году его посадили, обвинив в терроризме, попытке отторжения Украины, неоклассицизме и буржуазном национализме. Его уже готовили к отправке на Соловки, сам нарком внутренних дел Украины Балицкий санкционировал это решение. И вдруг звонок из ЦК:

– Максима Рыльского освободить, больше того – извиниться перед ним за промахи НКВД и отправить в санаторий на лечение.

Что же произошло? А спас Рыльского «господин Случай». Иосиф Виссарионович Сталин любил по ночам просматривать новые книги, вышедшие в СССР. И неожиданно, к счастью Максима Рыльского, прочитал его стихотворение, посвящённое великому вождю. И оно так приглянулось Сталину, что Иосиф Виссарионович наложил на нём резолюцию: «Автора поощрить, может быть, из него со временем выйдет новый классик украинской литературы».

Так оно и получилось. Максим Рыльский стал классиком при жизни, его больше не трогали власти, наоборот – всячески поощряли.

– Помогу как могу, – заверил Максим Рыльский. – Ждите скорого возвращения Матвея Ароновича, – я уверен, он не виновен, дело пересмотрят.

В то же день у академика побывали и родственники писателя, участника Великой Отечественной войны Григория Полянкера, также попавшего в опалу. Им тоже Максим Рыльский пообещал содействие в освобождении невинного человека.

И что же? Максим Рыльский сдержал своё слово. 19 марта 1954 года он как депутат Верховного Совета СССР направил письмо в МВД СССР. В нём, в частности, написал: «Много лет я знал писателей Григория Полянкера и Матвея Талалаевского, часто общался с ними, читал их произведения. Никогда никаких сомнений не возникало у меня относительно того, что это честные советские люди, советские писатели, притом писатели талантливые. Самоотверженная их работа на фронте во время Великой Отечественной войны мне кажется подтверждением этого мнения. Должен прибавить, что никаких разговоров о «национализме», об антисоветских тенденциях названных писателей в Союзе советских писателей Украины не возникало».

Это письмо, заметим, было датировано мартом 1954 года, а уже в ноябре этого же года Талалаевский был освобождён и полностью реабилитирован. С освобождением его поздравляли композитор Табачников,

писатели Бажан, Андроников, Кассиль, Кетлинская, Озеров, Шатров, Бычко, ну и, конечно же, верный друг, соавтор многих военных стихов Зельман Кац.

Хотя правда восторжествовала, однако отношение к Талалаевскому очень долгое время в издательствах и Союзе писателей оставалось более чем прохладное. Клеймо «врага народа» сразу с его фамилии не сошло, и его рукописи месяцами лежали в издательствах невостребованными. Некоторые бывшие друзья, увидев Талалаевского на улице, отворачивались от него или переходили на другой тротуар. Всех писателей, с кем он дружил, тоже не очень чествовали. Характерны в этом отношении письма к нему Зельмана Каца. Так в письме от 2 ноября 1956 года он рассказывает Матвею о встречах с московскими писателями: «Сотни встреч... Теперь, когда свежие впечатления улеглись, остался горький осадок. Я тут – отрезанный ломоть. Даже в разговорах с самыми старинными и честными друзьями звучало не то что отчуждение, но такая интонация: «Жив? Здоров? Ну живи, живи». Пробовал я поговорить с Ошаниным. «А о чём говорить? Если об издании, так ведь мы – московская секция... О чем же говорить?».

– Неужели не о чем говорить двум поэтам, даже если один из них живёт в Москве, а другой в Харькове?

– Нет, отчего же. Можно встретиться. Хотя, честно говоря, я чертовски занят.

Крепкое рукопожатие, и уже на ходу:

– Рад был вас повидать... А то ведь в конце войны ходила легенда, что вы и Мотя Талалаевский погибли...

– Ошибаетесь. Мы погибли гораздо позже.

Ошанин оглушительно смеётся...

Встретился я и с Женей Долматовским. Он только-только вернулся из Парижа и говорил со мной так, словно он сам стоял на вершине Эйфелевой башни, а я внизу. Ну бог с ним, довольно злословить».

В письме от 19 марта 1958 года Кац пишет: «Мотя! Читал ли ты во втором номере «Нового мира» статью-подборку: «Писатели в Великой Отечественной Войне»? Какая же подлая и бесчестная рука листала комплект «Сталинского знамени», выискивая в нём 2-3 стихотворения Грибачёва и проскакивая мимо сотен стихотворений З. Каца и М. Талалаевского? Обидно. Но это не первая и не последняя обида. Ну да ладно, чёрт с ними!».

Сам же Талалаевский старался не обращать внимания на «кулуарные беседы», равнодушие новых «гениев» советской литературы, редакторов и журналистов. Он говорил Кацу:

– Да бог с ними – слабыми и падкими на славу и большие гонорары. Будем, как в войну, трудиться до упаду, и удача посетит нас... Самое страшное – аресты, Кенгир позади...

И действительно, этот настрой помог выжить Талалаевскому. Пришёл и на его улицу праздник – с большим успехом ставились на сценах украинских театров его пьесы «Первые ландыши», «На рассвете», в Москве вышли его книги стихов «Солнечная осень», «Зелёные всходы»...

В самый водоворот антисемитской кампании в СССР в 1947-1953 годы попадает не только Талалаевский, но и десятки других поэтов и прозаиков Украины и России. Вместе с Талалаевским на станцию Джезказган доставили известных украинских поэтов из Киева Аврама Гонтаря и Терентия Масенко.

Ровесник Матвея Ароновича Талалаевского, Аврам Юткович Гонтарь всячески поддерживал все начинания фронтового поэта, охотно участвовал в его концертах для заключённых, читая свои прекрасные стихи.

О поэзии Гонтаря я впервые узнал в 1976 году от донского поэта Даниила Долинского, который работал заведующим отделом в журнале «Дон». Именно в тот год в Москве вышло избранное Аврама Гонтаря в престижном издательстве «Художественная литература» с предисловием поэта и критика Льва Озерова. Расхваливая стихи А. Гонтаря, он и словом не упомянул, какой ценой ему достались «проникновенный лиризм, глубоко пережитое содержание». А ведь уже приближался восьмидесятый год, и можно было вспомнить проклятый людьми Кенгир и бараки, полные смрада и вшей, через которые прошёл Гонтарь, осуждённый то ли за сионизм, то ли за национализм.

Но мы многое тогда ещё не знали. И нам в голову даже не приходило, что А. Гонтарь – бывший заключённый. Мы читали его стихи и восхищались его строчками:

Без гнева ворона в снегу
На поле видеть не могу.
Как выразить яснее?
Снег отдаёт голубизной,
На нём морщинки ни одной.
И вдруг
Пятно чернеет!

Вот эта точка в белизне
Выклёвывает сердце мне.
Картавый голос слышу я:
«Три века длится жизнь моя,
Я пью чужое горе влать, –
Мне надо, чтобы кровь лилась!».

Без гнева ворона в снегу
На поле видеть не могу.

Позже узнал, что эти стихи А. Гонтарь читал в Степлаге. Его слушали и офицеры-надзиратели, и заключённые... Как его «пронесло», до сих пор не пойму... Ведь эти стихи были не о вороне, а о Сталине и его подопечных...

Всё понял лишь Талалаевский, понял, ахнул от страха и замолчал... И лишь тогда успокоился, когда прозвучали аплодисменты. И махнул рукой Гонтарю: с тебя хватит, мол, испытываешь всех. Пусть почитает лучше стихи Терентий Германович Масенко. И он крикнул со сцены:

– Следующий – поэт Масенко.

О Терентии Германовиче хорошо пишет в своей книге «Спина земли» Юрий Васильевич Грунин, тоже бывший узник Степлага. Эту книгу он подарил мне 30 марта 2006 года, когда я приехал в Жезказган продолжить свой творческий поиск по сбору материалов о великих узниках лагерей. Встретились мы в местном музее на заседании литературного объединения «Слиток», которым я в своё время долгие годы руководил. И он мне сказал:

– Вот моя исповедь о карлаговских временах.

Исповедь получилась чистой, искренней. Как раз в этой книге Юрий Грунин возвращает из небытия имя Терентия Германовича Масенко, старейшего поэта Украины, ставя ему в заслугу, что даже после реабилитации тот не забыл о Кенгире и написал о нём поэму «Степные тюльпаны». Эту поэму похвалили Максим Рыльский и Павло Тычина, но опубликовать её не смогли, ибо в издательствах ещё витал дух предвзятого отношения к писателям – бывшим заключённым, хотя и реабилитированным.

Начав свою дружбу в Особлагере, Юрий Грунин и Терентий Масенко продолжили её после освобождения. Завидная стойкость! В книге Терентия Масенко «Журавли над океаном», вышедшей в издательстве «Советский писатель» в Москве в 1970 году, я нашёл ряд его стихотворений, которые перевел с украинского Юрий Грунин. Это «Дождь», «Сила жизни», «Баллада о необычной мести», «Главный конструктор», «Вечерний Киев», «Заветное слово». В основе всех этих стихов Масенко – огромная любовь поэта к жизни и людям.

Сто раз на дню мы целовались,
А губы губ не напились.
Сто раз навек мы расставались,
А до сих пор не разошлись.

Но ничему не научили
Нас ни страданья, что прошли,
Ни то, что нас не разлучили
Все силы мудрые земли.

И снова к взору взор прикован,
Рука к руке – в который раз!
У жизни есть свои законы –
Они порой сильнее нас...

Книга стихов Терентия Масенко «Журавли над океаном» вышла при его жизни в 1970 году. А через год его не стало. Умирая, он вспоминал далёкий Казахстан, своих друзей по несчастью, просторные степи, на которые смотрел через решётки вагона, возвращаясь на Украину. Он писал:

О, этот дальний край земли,
Где только колышки в пыли.
Пред ними на колени встану.
Простите, соколы мои,
Мы помним вас. Вы полегли,
Как безымянные тюльпаны.

Хорошо что безымянных тюльпанов становится всё меньше.

г. Караганда.

Владислав ВЛАДИМИРОВ

ОГЛЯНИСЬ НЕ В ДОСАДЕ

Ещё раз о том, что такое Целина

Из прошлого – близкого и далёкого

(Продолжение. Начало в № № 1-4 за 2013 г.)

Кадры решают всё?..

Димаш Ахмедович быстро (ибо я того сам тоже хотел) научил и меня хорошо знать несхожие хозяйственно-экономические особенности всякой области, многих районов, помнить в лицо самых знатных земледельцев и животноводов, руководителей целинных совхозов.

Пригодились тут и навыки моей былой работы в аппарате Президиума Верховного Совета республики, где я в середине 60-х, а повторно – в середине 80-х годов оказался волею обстоятельств после журналистики и литературных экзерсисов, усердных (и упоённых) сопряжений с боевой и спортивной авиацией, планёрным и парашютным делом, партийной работой...

Именно верховносоветская служба с её нескончаемыми командировками от отдела по вопросам работы Советов впервые по-настоящему и открыла (точнее, приоткрыла) мне Казахстан. Она вплотную перезнакомила со многими председателями, заместителями председателей, секретарями исполкомов областных, городских, районных, поселковых, сельских и аульных Советов депутатов трудящихся, приучила знать назубок административно-территориальное деление не только закреплённых тогда за мной Кустанайской, Карагандинской, Павлодарской областей, но и республики в целом. Ездить и летать с командировочным удостоверением Президиума доводилось помногу и подолгу.

Мне было по душе забираться в самые отдалённые её места, вникать в сверх любой меры перегруженные всякой всячиной, сумасшедше-рутинные будни местных Советов всех звеньев, их заседаний и сессий, постоянных комиссий, депутатских групп и актива, уличных комитетов, товарищеских судов и т.д. и т.п., встречаться с самыми разными людьми, выслушивать и разбирать слёзные жалобы и нахальные заявления, корыстные просьбы и бескорыстные прошения, земельные споры и административные тяжбы, необыкновенные (вплоть до самых фантастических) предложения и прожекты. Иной раз голова шла кругом, но по той же молодости вкус к такой работе не пропадал, сил, энергии и соображения хватало на всё.

Никаких *рекламаций* по верховносоветской работе у меня никогда не было.

Именно эта служба и Целина, всё на ней виденное, её люди, прежде всего, подвигли меня на первую из своих книжек и книг. Она вышла весной 1967 года в издательстве «Казахстан» под названием «Человек, который нужен всем», была прилично оформлена художником Егорушкой Гилёвым, однако невероятно тоща, но всё-таки уже смотрелась всамделишной книжкой, и помню, как один из старших моих наставников, главный редактор верховносоветских «Ведомостей», сам в прошлом фронтовик и писатель незаурядный Кемель Токаев (да будет ему с Егорушкой земля пухом!) от всей души одобрил этот мой дебют: «Лиха беда – начало!».

При Кунаеве в поездках по республике всё было проще и сложнее. Безусловно, Димашу Ахмедовичу импонировало, когда человек не путал рожь с пшеницей, а Божий дар с яичницей. А ещё ему всегда была по душе обстоятельность, с какой он и сам всегда старался разобраться буквально в любом деле – исключений тут он никаких не признавал.

Совхозов по республике было 1277. Колхозов намного меньше – 415. Потому их председатели запоминались беструдно.

Директора *фабрик зерна*, председатели колхозов, секретари райкомов партии, руководители райисполкомов – все эти в массе своей исключительно толковые и работающие люди в основном и вращались волею того или иного первохозяина области, то есть первого секретаря обкома с утверждения отделом оргпартрabоты республиканского ЦК на орбитах: райком – райисполком – директор совхоза – председатель колхоза, беспрестанно или же с интервалом меняясь местами. Известное: «Судьба играет человеком» давно было переименовано на «ЦК играет...».

Своим людям Д.А. умел прощать многое. Всегда был в полном или почти полном курсе всех настроений и событий.

Вот и на XXVI-м съезде КПСС тоже, когда там вечерами в номерах фешенебельной гостиницы «Москва» сдержанно шумело веселье. Угощались наши делегаты как привезённым своим добром, так и московской продукцией. Выбор был очень богат. То и дело хлопали пробки, звенели фужеры. Наведывались в гости – из номера в номер. Однако с делегациями – Украины, Белоруссии, Узбекистана и т.д. – связей не завязывали. Там, судя по антуражу, властвовали аналогичные порядки.

У себя в резиденции на Чистых Прудах, в пушкинских времён здании Казпредства с удачно пристроенной новой гостиницей Кунаев ко всему этому относился вполне спокойно.

«Пусть на головах ходят, лишь бы мне от москвичей не слышать никаких нареканий», – объяснял он свою позицию. Сам же в гостиницу «Москва» не навевывался. Кого-либо смущать было не в его натуре.

В другой раз сказал: «Все люди взрослые. Каждый за себя в ответе. Если понадобится, спросить можно с любого на полную катушку».

Но спрашивать не пришлось.

Даже с тогдашнего вождя делегации одной из самых экономически крепких областей Казахстана. Прозванный за глаза Салазаром за своё грозное и грузное обличье, он, говоря словами Бернарда Шоу, набрался до седьмой степени самосозерцания. Выходя из оной, покинул гостиницу ровно в полночь. Удивил даже выдавших виды швейцаров, а дежурные чекисты в штатском кинулись вослед.

За парадными дверями примораживало.

Гость в белом исподнем белье перемещался в заснеженном пространстве аки летучее привидение.

Салазара успели нагнать в сквере напротив Большого театра возле могучего гранитного памятника основоположнику научного коммунизма Карлу Марксу – работы скульптора Кербеля. Глава делегации пытался в домашних шлёпанцах вскарабкаться на пьедестал и поцеловать создателя мирового учения в холодные уста, воздав тем самым ему дань глубочайшей личной признательности.

Невероятно, но – удалось.

Великой огласки этот выход в свет не получил. Здоровье гостя тоже не пошатнулось. Он даже не схватил лёгкого насморка. Пересмеивались почти все сочувственно, зная, что страстному почитателю Маркса дома приходится ещё трудней, чем в Москве. Как в праздники, так и в будни, он каждый Божий день по традиции открывал с самого утра солидной дозой её родимой. Закрывал – тоже. В день Седьмого ноября и Первомайские праздники в своём родном городе на трибуне к апогею демонстрации трудящихся он самостоятельно стоять не мог, крепко поддерживаемый с обеих сторон дюжими ребятами. Но дело своё главное знал досконально: его область всегда была в экономике на завидном для многих других счету – между *очень хорошо и отлично*.

«А если бы иначе, то никакой Маркс ему не помог бы!» – поставил Д.А. такими словами в этой истории точку.

Правда, с запятой.

Потому как и после съезда, у себя в области, Салазар лишь на время приуспокоился, а потом взялся за прежнее, хотя уже и не такое яркое, как московское объяснение в любви Карлу Марксу.

Но из области в ЦК об этом никто из трудовых коллективов *не сигнализировал*. Там по-своему любили своего Салазара, всячески покрывали его, оберегали от партийно-служебных неприятностей. Называлось это просто: круговой порукой, при которой ты – мне, а я – тебе.

А коль так, то обходилось лишь очередной не шибко гласной информацией для Д.А., чтобы был он всегда в курсе очередных бахусно-альковных походов Марксова почитателя, к которому, надо сказать, сам Д.А. питал весьма устойчивую симпатию не только по причине несомненно-высоких экономических показателей области, но ещё и потому, что у него с Салазаром была одна *alma mater*, а именно – Московский институт цветных металлов и золота имени Калинина. Бездарных людей, справедливо считал Кунаев, среди питомцев

этого необыкновенного высшего учебного заведения не было и в самом принципе быть не могло.

Невольный пиетет Д.А. внушало ещё и то, что за плечами Салазара оставалась отнюдь не стандартная школа партийной и производственной жизни: в 1944-1948 годах он вместе с Пономаренко поднимал из руин порушенную и сожжённую лютым врагом Белоруссию, затем четыре года при Сталине работал на ответственных должностях в аппарате Центрального Комитета ВКП(б), откуда в 1952 году был назначен на высокие посты в Удмуртию, где отменно потрудился до 1958 года, чтобы потом, уже в Сибири, снискать себе заслуженную известность одного из первых открывателей и разработчиков *чёрного золота* Тюмени – в качестве главы тамошней советской, а затем и партийной власти.

Салазара Кунаеву никто не навязывал.

Он его выбрал для нелёгкой работы в Казахстане сам, заведомо зная, что нигде и никогда идеальных людей не бывает, но зато есть немало таких тёртых жизнью людей, которые даже при всех своих неприемлемых ни для какой партийно-номенклатурной анкеты чудачествах могут стабильно обеспечивать результативное руководство порученным им делом.

Успех, постоянно сопутствовавший кадрам, подобранным Кунаевым, чему он во многом лично научился у прежних первых руководителей республики – Скворцова, Шаяхметова, Ундасынова, Пономаренко, – объяснялся ещё и тем, что в этих кадрах была сильна не *прослойка*, а внушительная *страта* руководителей, обогащённых бесценным практическим опытом немислимо трудной военной поры, приобретался ли таковой на фронтах Великой Отечественной или же в её глубоких тылах, а чаще всего в сочетании того и другого.

Так, например, Байкен Ашимович Ашимов до того, как стать во главе Карагандинского облисполкома, Карагандинского, Талды-Курганского обкомов партии, председателем Совета Министров и Президиума Верховного Совета республики, немало лет отдал службе в рядах РККА – Рабоче-Крестьянской Красной, а затем Советской Армии. Боевым конником он участвовал в сложных операциях, испытал на себе буквально всё, что может испытать за невиданную войну её кадровый офицер и военачальник, при этом ничуть не растеряв самых драгоценных человеческих качеств.

И в этом смысле самая бесчеловечная в истории войн Вторая мировая война (и тут никакого парадокса!) очень и очень многому в истинном человеколюбии научила не только Байкена Ашимовича Ашимова, а и Саттара Нурмашевича Имашева, Молдана Альдербаевича Альдербаева, Хасана Шаяхметовича Бектурганова, Туткабая Ашимбаевича Ашимбаева, Николая Ефимовича Морозова, Василия Андреевича Гребенюка, Александра Михайловича Егорова, Бориса Михайловича Ержанова, Шангерая Жаныбековича Жаныбекова, Аманжолу Каликовича Каликова, Петра Семёновича Канцеляристов, Сакана Кусаиновича Кусаинова, многие

другие кадры Кунаева, лично им выпестованные, на чьих плечах лежала вся ответственность за положение дел на Целине.

Я ничуть не идеализирую партийно-советскую номенклатуру Кунаева, но всё-таки, несмотря на довольно-таки крупные изъяны, издержки, проколы, подавляющее большинство её отличало то, что всегда называлось золотым запасом личной порядочности.

Мало кто видел, например, председателя Павлодарского облизполкома Махмета Каирбаевича Каирбаева с Золотой Звездой Героя Советского Союза – разве что лишь в День Великой Победы.

Сам Кунаев очень дорожил *своими* людьми, нередко доводившимися ему по возрасту *курдасами*, то есть *ровесниками*.

Да, немного было таких, кто кичился бы своими боевыми и трудовыми заслугами, требовал для себя и своих близких всяческих благ и льгот.

Но были, да, были и такие.

Вот только говорить о них совсем не хочется.

Эта весомая штука – миллиард

Все мои минуты, часы, дни, недели, месяцы, годы рядом с Кунаевым (точный счёт только лишь по трудовой книжке – с понедельника 4 января 1971 года по среду 21 сентября 1984 года – 5013 дней, а ведь не терял он меня, а я его и потом) пролетели как будто бы одно мгновение – но зато какое!

И Казахстанская Целина с её большими и малыми проблемами для меня тоже сделалась тревожным и счастливым бытом, одной из самых главных, беспрестанных забот, а многие её люди – бессрочно-надёжными друзьями, даже названными братьями (иногда и сёстрами).

Динмухамед же Ахмедович в самом буквальном смысле денно и нощно жил жизнью Целины со всем её хорошим и неважным, славным и пагубным, что составляло её реальную, а не старательно ома-рафечиваемую действительность, хотя – бывало при его наездах на места – всё-таки находились искусные мастера приукрасить всё и вся. Их Д.А. видел насквозь.

Он был, пожалуй, единственным из членов Политбюро ЦК КПСС (и кандидатов), который в жаркую уборочную страду не засиживался в своём прохладном просторном кабинете. Каждую область Казахстана знал с воздуха (и я ничуть не преувеличиваю) не хуже классного лётчика, в особенности то, что относилось к Большому Хлебу – так именовался со временем ставший для нашей Целины почти традиционным всегда желанный и полновесный ежегодный *Миллиард* пудов казахстанского зерна, засыпаемый в закрома государства.

Миллиард пудов – это 16,4 миллиона тонн.

Для сравнения: Австралия, которой Кремль за пшеницу платил золотом, собирала 12 миллионов тонн в год, Канада – 24 миллиона тонн, США – около 60 миллионов тонн пшеницы.

Кунаеву нравились слова видного казахского поэта-воина Сырбая Мауленова, героически отстаивавшего Ленинград от гитлеровских, испанских, финских пришельцев, как никто другой, знавшего, что такое пайка блокадного хлеба: «Казахи, издавна знакомые с нуждой, всегда относились к хлебу, как к святыне. На небо бедняк не надеялся слепо. И так заявлял в неоглядной степи: «Коран подложи, если тянешься к хлебу, а если к Корану – на хлеб не ступи!»...

Для нас, казахстанцев, слово *Миллиард* стало особенным. В нём слышится нечто родное, близкое, заветное, что заставляет сердце радостно сжиматься. Ведь в этом слове заключена не только полная приятная тяжесть золотого хлебного богатства. В этом слове – апофеоз социалистической нови моей республики.

Когда я слышу слово *Миллиард*, то словно взмываю на ракете с Байконура и оттуда, с космической высоты, вижу сразу весь мой родной Казахстан с его светлыми городами, мощными заводами, бесчисленными сельскими посёлками, элеваторами и дорогами, которые пролегли меж квадратами хлебных полей. И ещё слышится мне в слове *Миллиард* рокот мощных тракторов, комбайнов, тяжело гружённых машин. Но даже космический полёт фантазии не сможет нарисовать картину, которая была бы прекраснее реальной действительности, потому что она сама – уже воплощённая мечта».

Уже с высоты полёта Д.А. намётанным глазом высматривал гигантские квадраты полей, прикидывал вслух для себя сезонные прогнозы – и почти всегда безошибочно, весной ли, когда заканчивался сев, или же под осень с её невероятно хлопотливыми заботами.

«Анатолий Иванович! Пожалуйста, попроси-ка тёзку – пусть прижмёт наш летак поближе к земле», – говорил Д.А. иногда Горяйнову.

Горяйнов, отправляясь в кабину пилотов, для порядка напоминал об архистрогом НПП – Наставлении по производству полётов и специальном контролирующем приборе (бароспидографе), аккуратно и несговорчиво фиксирующем всякое изменение высоты полёта и скорости летака.

На что Кунаев мягко внушал: «В случае чего перед Кузнецовым не ты и не Дуйсетай с Владиславом ответчики, а – я сам... Вы за собой смотрите. А за мной тоже есть кому приглядывать. Вкалывайте и не жалуйтесь никому».

Вкалывали мы на совесть, полностью разделяя мнение Д.А. и целинников: считаться со временем на работе – это как на войне требовать выходных.

Николая Алексеевича Кузнецова, энергичного и талантливого руководителя Казахского территориального управления Гражданского Воздушного Флота Кунаев тоже всегда ценил исключительно высоко за все, можно сказать, подлинно революционные преобразования авиационного хозяйства республики, ставшего тогда в СССР по всем позитивным показателям самым передовым. Две Золотые Звезды Героя и другие государственные награды достойно увенчали трудовые заслуги Кузнецова.

... Петля по просёлочным дорогам от совхоза к совхозу, по целинным областям наезжали по летнему солнцепёку за день по 350-400 километров, а иной раз и по 800, и по тысяче.

Маршруты областным начальством обычно были скорректированы так, чтобы хлеба на пути попадались погуще, а люди на полях – посообразительней. Иным из самых видных директоров хозяйств Кунаев сообщал, что товарищ Брежнев (Андропов, Черненко) просил передавать привет.

В ответ обычно люди смелели и следовала просьба: «Машинами помогите!».

Большегрузных автомобилей на хлебоуборке в Казахстане всегда не хватало. Спасали другие республики – те, что поставляли и механизаторские кадры: своих был вечный дефицит, несмотря на неоднократно принимаемые постановления о необходимости их подготовки на местах.

Особливо тяжкой для Казахской Целины выпала неимоверно жаркая страда 1973 года. В канун своего 20-летнего юбилея она задыхалась от суши и пыли, хронической нехватки бензина, масел и дизельного топлива, чудовищной перегрузки техники, хронического дефицита запчастей.

Кунаев бил челом Брежневу: без армейских и флотских грузовиков Миллиард пропадёт. За американское зерно придётся платить не по 56 долларов за тонну, а свыше ста.

Генсек, поразмыслив, черкнул записку для министра обороны СССР Гречко (записка застала Гречко где-то на охоте), и в 1973-м Большой Хлеб Казахстана был успешно спасён.

Как был он спасаем и спасён потом неединожды.

И не только Армией и Флотом, а и самими целинниками, прежде всех остальных.

Берегом Великого Моря

Всякий раз, когда на Целине назревал очередной Миллиард, Кунаева осеяло желание разделить всеказахстанскую радость со всей страной и даже больше: «Как дадим Большой Хлеб, тогда не стыдно будет любых гостей встречать!».

Его откровенно радовало, что Алма-Ата постепенно, но уверенно перехватывала у Ташкента лидерство в устройстве самых значимых для СССР и социалистического содружества курултаев.

«Вот снова Шарафу воткнём перо!» – говорил не без удовольствия перед Всесоюзной творческой конференцией, посвящённой 25-летию Целины.

Она собиралась по решению ЦК КПСС. Уборка на Целине ещё только начиналась, но уже было совершенно ясно: если не грянут какие-либо форсмажорные обстоятельства, то быть не просто Миллиарду, а с приличнейшим довеском ещё в четверть. Поэтому он согласился с Москвой на проведение конференции: «Риск – благородное дело!».

А партийное Перволицо братского солнечного Узбекистана, мёдоточивого Шарафа Рашидовича Рашидова Кунаев откровенно недолюбливал за многочисленные просьбы в Политбюро под видом необходимости экстренной помощи от последствий землетрясений, ураганов, паводков и прочих стихийных бедствий.

Д.А. говаривал об этой тактике соседа с холодным нарезом: «Ты ж видишь – у нас тоже все эти напасти, полный набор, но ведь мы ничего у ЦК и Совмина не просим!».

А ещё недолюбливал он Рашидова за его сверхнепомерную льстивость к Брежневу, каковой не отличался даже другой верный ленинец, кудесник придворной угодливости – первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Гейдар Алиевич Алиев (у себя дома – Гейдар Али Рза оглы). Разумеется, водились за Алиевым и самые великолепные душевные и прочие привлекательные качества, но перед Брежневым он почему-то всегда пасовал.

Впоследствии, когда Рашидова, уже почившего в бозе, со всех сторон по велению Горбачёва обложили московские гробокопатели, вдохновенные мастера по выделке громких уголовных дел, Кунаев проникся к покойному полным сочувствием. Сейчас на моей так называемой малой родине – в столице Южного Казахстана, в обиходе именуемом Техасом, – достославном городе Чимкенте, или по-нынешнему Шымкенте (а при царе-косаре Скобелеве), есть даже улица имени Рашидова. В самом Ташкенте его тоже не забыли. А вот о былом, я сказал бы, в целом конструктивном соперничестве двух, разумеется, братских республик сегодня мало кто вспоминает. Ну а если быть точнее, то, пожалуй, никто.

Но тогда на радость Д.А. и если не всем, то очень многим казахстанцам уже были успешно (без каких-либо заметных Союзу и всему миру осечек) проведены в Алма-Ате Международный симпозиум, посвящённый 100-летию Ленина на тему «Ленин и национально-освободительное движение народов», Пятая конференция писателей стран Азии и Африки, Третья музыкальная трибуна стран Азии, 50-летие Комсомола Казахстана, 30-летие Победы советского народа в Великой Отечественной войне, Дни СССР во Франции на примере Советского Казахстана, Третий Всесоюзный слёт молодых овцеводов, несколько Декад литературы и искусства союзных и автономных республик, Всесоюзная научно-теоретическая конференция «Исторический опыт КПСС в борьбе за укрепление мира и дружбы между народами», масса других, как полезных, так и совершенно бесполезных, но зато всегда очень представительных международных и всесоюзных мероприятий.

Немалая нагрузка ложилась на плечи Кунаева, когда Политбюро направляло его со своими поручениями за границу. Куда только не ездил и не летал Димаш Ахмедович в мою бытность при нём. В несказанно далёкий Уругвай, на XX-й съезд его Компартии. К коммунистам Италии и Британии. На IX-й съезд Компартии Индии. В Монголию. На переговоры в Пхеньян с великим и уважаемым вождём корейского народа, стальным и

непобедимым полководцем, маршалом Ким Ир Сенем. К Индире Ганди – вместе с Брежневым и Громыко...

Как бы ни было сложно и трудно, а выполнял он все эти и многие другие задания всегда успешно и опять возвращался к непокидавшему его и там заботам о Целине.

Известные события лета 1979 года в Целинограде, связанные с более чем экстренным намерением ЦК КПСС образовать на территории Акмолинщины НАО – Немецкую автономную область (взамен упразднённой Кремлём в 1941 году Республики немцев Поволжья), внешне не повлияли ни на прекрасное настроение Кунаева (а он даже при самом скверном настроении обычно не подавал виду, что чем-то озабочен), ни на ход Всесоюзной писательской конференции, посвящённой 25-летию освоения Целины, ни на намерения её московских режиссёров отправить по самым крупным её регионам десанты из лучших представителей братских литератур союзных и автономных республик.

В самых компетентных инстанциях Кунаеву деликатно посоветовали ограничить ознакомительные поездки зорких на глаз литераторов. Эти хронические доглядчики с Лубянки, где развелось немало и своих (причём, не всегда бездарных) литераторов, уже давно ни в какие дела Союза писателей СССР не вмешивались, однако полнотью пребывали в их курсе.

Д.А. усмехнулся: «Раз люди желают в Целиноград – пусть едут. Пусть смотрят всё, как оно есть. Пусть пишут... Не надо бояться...».

Отправляя меня туда с группой гостей, Кунаев с большой тревогой сказал при Бекежанове и Абдрашитове: «Слушай, там кто-то усиленно разжигает страсти. Присмотришь, пожалуйста... Гости наши приедут и уедут, а наши проблемы с нами и останутся! Всё ж таки не стоило форсировать это дело так быстро... Кому это надо?».

Вздыхнул, помолчал, повертел изящной импортной авторучкой.

Ответил сам себе, успев однако моментально перехватить моё в некоторой степени взыскующее очарование его автоматическим пером: «Да тому, кому выгодно... Ну да ладно. Езжай, Владислав! Действуй. Война план подскажет. Но в случае чего давай знать мне – без посредников. Понял? Вот и хорошо. Счастливой дороги!».

«В любом случае – подкоп», – беструдно читалось в его озабоченном взгляде.

Я пожал его руку и подался на выход, оставляя его с Бекежановым и Абдрашитовым.

«Да вот, постой-ка! Возьми, пригодится там тебе», – сказал Д.А. и протянул свою так мне понравившуюся авторучку – уже не в первый на моей памяти раз, но раньше он это делал наедине, а тут почему-то решил, что будет лучше, если я получу ручку в подарок при свидетелях. Ну раз так, то так, отказываться не стал. Ручка оказалась родом из США. Исправно служит мне и по сей день.

А тогда в одночасье понаехали в Целиноград московские чины КГБ СССР. Прибыл самолётом заведующий отделом по вопросам работы Советов Президиума Верховного Совета СССР Дмитрий Николаевич Никитин,

человек образованный и наблюдательный. От аэропорта до города ему и мне достался один автомобиль. Пока плавно мчали до гостиницы, разговорились. Памятуя постулат известного американского душеведа Дейла Карнеги о том, что ничего не может быть приятней для любого человека его же собственного имени, я сказал Никитину, что в принципе солидарен с его статьёй в газете «Советская Россия», гвозданувшей по одному из самых извилистых литературных критиков – Владимиру Кардину.

Никитин был польщён, изумился: «О-о! Столько лет прошло, а Вы помните!».

«Представьте себе – да. Ваша статья называлась «Раздумья или кредо?» и была напечатана 4 ноября 1968 года», – решил я углубить представление Никитина о моей осведомлённости.

«Нет, не 4 ноября, а 4 октября», – уважительно поправил он.

Чувствовалось: ему стало неудобно, что мне он не может отплатить той же монетой, по тому же великому принципу дедушки Крылова – кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку.

И тогда он полугалантно вручил мне свою отглянцованную визитку, черкнув на её обороте московский телефон, а затем, поудобнее расправив и вжав плечи в заднее сиденье, полнее открыл мне глаза на объект своего давнего внимания: «Да какой, простите, он, простите Владимир, этот Кардин! И откуда Вы взяли, что его полное имя – Владимир? Он ведь только инициал ставит – «В» с точкой. «В» точка «Кардин». Это его псевдоним. А в паспорте он пишется – «Эмиль». Не понимаю людей, которые стесняются своего родного имени. Симонова нашего возьмите. Назвал себя Константином. А ведь не Константин он, а – Кирилл! Ну так и что? Был же Эмиль Золя! Гигант! А не придумывал себе никаких прикрытий...».

Сразу же нашлись общие знакомые по Москве. Например, его же, Никитина, работник Виктор Викторович Юневичюс, живший в Москве по улице Чкалова рядом с академиком Сахаровым (тем самым). С Юневичюсом я вместе ещё в 1967 году исколесил всю Карагандинскую область. Лютой зимой! Готовили тогда для Председателя Президиума Верховного Совета СССР Николая Викторовича Подгорного, как нам казалось и верилось, немаловажные вопросы. Вопросы были поставлены, а вот ответов на них ни Карагандинская область в лице её тогдашнего предоблисполкома, будущего премьера республики Ашимова, ни Казахстан в лице Ниязбекова не дождалась.

С Никитиным общаться мне было легко. Ему со мной тоже.

До Кремля Никитин, в прошлом, кажется, боевой офицер-балтиец, секретарствовал в бывшем Кёнигсберге – нынешнем Калининграде, на родине великого родоначальника немецкой классической философии Иммануила Канта. Ведал в тамошнем обкоме КПСС идеологией, заботясь и о том, чтобы на месте старинных замков восточнопрусских баронов поскорее вырастали серые кварталы «хрущоб». Видимо, опыт общения с немецким архитектурным прошлым учёл и Леонид Ильич

Брежнев, как уже взявший у Подгорного пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, посылая Никитина по горячим следам в Целиноград.

А вот генералы в штатском визиток не дарили и о литературе не толковали. Квартировали они тоже в уютных номерах самой комфортабельной гостиницы по улице Красноармейской, в нестандартном доме без вывески, рядом с берегом славного Ишима. Писательскую бригаду разместили в лучших интуристских апартаментах гостиницы «Ишим», белоколонной, украшенной богатыми коврами и дорогим хрусталём, с сервисом не ниже мирового.

После трудов праведных генералы собирались на первом этаже за хорошо сервированным столом. Они молча проглатывали по коньячному стопарику и в глубокой задумчивости пробовали местные деликатесы. Потом стопарики наполнялись сызнова и мало-помалу завязывался исполненный служебных таинств негромкий разговор под тихое звяканье мельхиоровых вилок и ножей и мелодичный перезвон богемских фужерчиков. Неторопливая беседа велась загадочными для непосвящённых полуфразами, без упоминания конкретных фамилий, в испытанном ключе – дурак со стороны не поймёт, а не-дураку рядом – всё до фени.

Из мозаики реплик складывалось панно довольно-таки неясного сюжета и такой же композиции. Но кое-что прорисовывалось из сферы вполне определённой конкретики, о чём я более или менее подробно (почти 15-ю годами позже, а раньше это было попросту немислимо) поведал в документальной повести «Кремлёвская карусель». Она вошла в мою книгу «Рядом с Д.А.Кунаевым», но сначала была опубликована в первом номере немецкого литературно-художественного и общественно-политического журнала «Phoenix – Феникс» за 1993 год, издаваемого на оси Алматы – Москва – Гамбург при самом активном участии лауреата Президентской премии мира и духовного согласия Герольда Карловича Бельгера.

К этой повести я и отсылаю читателя, которого интересуют зафиксированные мною в ней довольно примечательные и очень многим донныне неизвестные подробности.

Другим пожеланием (поручением) Кунаева было мне поспособствовать углублению взглядов наших дорогих литературных гостей на Казахстанскую Целину и её проблематику, а также на всё прочее, что им там доведётся повстречать на своём пути.

Первосекретарствовал тогда в Целиноградской области габаритный, широкогрудый Николай Ефимович Морозов, сменивший своего тёзку Кручину, который там был много лет, а в 1978 году вознёсся в ЦК КПСС на должность управляющего делами. Печален был, под стать фамилии (тут есть нечто мистическое) конец Кручины. Думаю, прав Кунаев, считавший, что гибель в Москве исключительно порядочного и честного Кручины – целиком на совести Отца Перестройки и Ускорения.

Морозов же, секретарствуя с 1970 года в Семипалатинской области, занимался делами едва ли не самыми сложными – тамошним ядерным полигоном – настолько секретным, что о нём знала вся планета, но ни на одной из советских карт не было его столицы – казахстанского города Курчатова. Правда, был другой Курчатова – посёлок городского типа в Курской области на реке Сейм, образованный в связи со строительством Курской атомной электростанции. Её первый реактор был пущен в 1976 году, а второй – в 1979-м. Никаких там особых секретов ни для кого не водилось.

Не то было в Целиноградской области. Здесь государственные тайны особой важности и связанные с ними чудеса в решете для Морозова не кончились.

Николай Ефимович наш литературный десант встретил в лучших традициях казахского гостеприимства.

Гостей ознакомили с городом.

В ту пору его старожилы прекрасно помнили, причём в самых живописных деталях, красочные рассказы своих отцов и дедов о том, как начинали строить в Акмолинске православный Александро-Невский собор – храм возводил умелый инженер из Тобольска по фамилии Гольшев. В самом Акмолинске, основанном ещё при жизни Пушкина в 1830 году по Указу российского императора Николая Павловича (Первого) как крепость под названием Акмолы, впоследствии ставшей городом Акмолинском, первоначально было девять улиц, а по вечерам центр его освещался несколькими керосиновыми и спиртовыми фонарями.

Первый красный флаг увидели здесь на Успенских рудниках, принадлежащих французам Карно, в 1905 году. Две недели развевался он над рудником, пока забастовщики не одержали победу, правда, частично. Как ни жаден был французский капиталист, но пошёл на экономические уступки. Забастовку возглавляли рудокопы Пётр Топорнин, Алимжан Байшагиров, Искак Каскабаев.

В грозном 1916 году на бой с царскими сатрапами казахских повстанцев вёл сын украинского батрака Яков Латута, он же Джакуп Жоламанов, для которого Казахстан стал второй родиной, а казахский язык – вторым родным языком. После установления Советской власти Латута-Жоламанов создал в своём ауле первую сельскохозяйственную артель.

Сакен Сейфуллин, Захар Катченко, Бакен Серикпаев, Василий и Михаил Грязновы – за этими и многими другими именами стояла сама История. Именами Павла Грекова, Нестора Монины, Адильбека Майкутова, Алиби Джангильдина были названы улицы целинной столицы. Из местного краеведческого музея, в чьём дворе стоял старенький трактор «Фордзон», свидетель суровых лет коллективизации, ровесник героев знаменитого романа Ивана Петровича Шухова «Ненависть», уходить не хотелось.

Гости узнавали о многом, порой вовсе не *целинном*, но если взглядеться попристальнее, то так или иначе с ним связанном.

Ну, например, о том, что Акмолинск является литературной родиной классика русской поэзии, крупного прозаика, историка, путешественника, учёного-энциклопедиста Сергея Николаевича Маркова. Когда он был жив, встречаясь с нами, алма-атинскими журналистами, любил повторять: «Акмола – город, который видел ВСЁ на Белом Свете».

Действительно, с древних времён Акмола видела многое – до фантастического невероятия. И самого Маркова тоже видела – голодным юношей, почти подростком, потерявшим отца и мать. Видела с такими же, как и он, голодными младшими братьями и сёстрами, оставшимися у него на руках. И в то трагическое время юного Маркова посетила Муза. Четырнадцатилетним пареньком напечатал он в акмолинской газете «Красный вестник» стихотворение «Революция».

С тех пор Муза не расставалась с ним до его последнего дня. Она вывела его в большие поэты огромной страны, которую Марков прошагал и проехал потом от Акмолы до Владивостока, от Чимкента до Архангельска и Новой Земли. Где по собственному хотению, а где как ссыльный, осуждённый по пресловутой 58-й статье, он оставил народу классические стихи и прозу, большие открытия – художественные, исторические, экономические и, что не менее важно, – экологические.

Да, Акмола в Великую Гражданскую Смуту видела пьяные орды чёрного атамана Бориса Владимировича Анненкова. Сам атаман, приустав от кровавых злодейств, на сон грядущий садился в одиночестве дописывать очередную главу своего эпохального романа. Он, как и многие его сподвижники по Белому Делу, обладал незаурядным литературным даром. Как знать, быть может, и это творение все мы будем читать взахлёб, как читаем сегодня мемуары генерала Деникина и романы генерала Краснова, хотя кости самого Анненкова уже давно тлеют в истерзанной им казахской земле: в 30-е годы его выманили из Китая чекисты и привезли в Казахстан на суд.

Голощёкинские экзекуции тоже терзали Акмолу.

А после завершившейся коллективизации край стал *зоной*, где чуть ли не каждый третий был заключённым. По суровой воле тогдашних вершителей человеческих судеб за колючей проволокой, деревянными и каменными вышками был полный *интернационал*.

Но тем не менее в годы Великой Отечественной войны десятки Героев Советского Союза, тысячи боевых орденоносцев, десятки тысяч добровольцев дала Акмола, и может быть, они, – как я уже говорил прежде – награждённые и ненаграждённые, известные и безымянные, как раз и стали той силой, которая решает исход Великой Победы, когда чаша её весов колеблется – или туда, или сюда.

Так, наверное, вправе был думать любой из наших гостей, любой край страны, но разве не в Целинограде выходившая тогда там советско-немецкая газета «Фройндшафт» («Дружба») одной из первых написала о крупном, масштаба Кузнецова и Зорге, советском

разведчике Михаиле Ивановиче Ассельборне? (Издание «Фройндшафт» потом по предложению Кунаева было перенесено в Алма-Ату; туда же переехал из Темиртау Немецкий музыкально-драматический театр). Это именем Ассельборна Димаш Ахмедович предполагал назвать столицу несостоявшейся Немецкой автономии. А прообразом советского воина-освободителя по воле скульптора Вучетича в берлинском Трептов-парке стал Иван Одарченко – солдат из здешних, целинных краёв.

Узнавали наши гости о том, как во второй год Великой Отечественной войны на добровольные пожертвования трудящихся были построены танковые колонны «Акмолинский ударник» и «Акмолинский осоавиахимовец». Редкий гитлеровец при встрече с танковым подразделением гвардии лейтенанта Новака успевал перевести надпись с брони на свой язык. А таких лейтенантов воевало много! Автомобили «захары», знаменитые «ЗИС-5», отремонтированные в Акмолинске, обеспечивали продовольствием Ленинградский фронт. Бойцы и командиры частей и соединений, сформированных в Акмолинске, сражались под Москвой, Ленинградом, Сталинградом, освободили Варшаву, Бухарест, Прагу, Белград, штурмовали Кёнигсберг, Будапешт, Берлин.

Более всего гостям запомнились искренние рассказы людей Целины о своих судьбах и судьбах товарищей, их простые и умные слова, прочно подкреплённые делом всей жизни.

«Вы спрашиваете, что больше всего я ценю в человеке и чего, наоборот, не терплю? Больше всего уважаю трудолюбие. Уважаю тех людей, которые берегут время, стараются каждый час наших суток использовать как можно лучше... Не могу терпеть стяжательства, нечестности, лени... Ещё много у нас таких, кто норовит поменьше сделать, а получить побольше. Выехало нас как-то на одно поле несколько трактористов. Поле с овсюгом. Злейший сорняк. Прошёл первый круг – вижу: овсюг крепко держится. Решил – дам двойную обработку. И дал, конечно. А другой тракторист прошёл культиватором разок – и двинул засеять свой загон. И вот осенью наши участки друг от друга отличались, как день и ночь. У меня на четыре центнера больше дал каждый гектар. Посчитайте сами, сколько добрых булок для детишек сверх обычного. Так что работа «на авось» – негожее дело!».

Так говорил гостям Леонид Михайлович Картаузов, до черноты прокалённый солнцем Целины Герой Социалистического Труда, её Маресьев.

«Люди у нас такие, что ничего не надо ни добавлять, ни убавлять. Почти как по Твардовскому!» – заметил с гордостью Дмитрий Ростиславович Бибииков – в ту пору заведующий отделом пропаганды и агитации Целиноградского обкома партии, а сам наизусть не прочь был почитать не только Твардовского, а, скажем, раннего Владим Владимыча – от строчки до строчки.

На беседе в обкоме партии в присутствии знатных первоцелинников Картаузова и Довжика Морозов, выразительно глянув на них,

подчеркнул, что самым лучшим подарком целинникам в год 25-летнего их юбилея стал выход замечательной книги Леонида Ильича Брежнева «Целина».

Оба Героя Целины дружно и подтверждающе разом закачали головами: да, оно так и только так!

Пассаж этот был столь ритуальным, сколь и правдивым, потому как Целиноградская область с вознесением творения Брежнева в шедевры советской и мировой литературы сумела, как и вся Казахская Целина, извлечь для себя немало практических выгод.

На этой же встрече гости слышали, что область явилась *эпицентром* героического освоения Целины. «*Эпицентр*» остался в словарном запасе Морозова с Семипалатинска и его ядерного полигона.

А ещё Николай Ефимович сообщил, что на территории области можно разместить несколько европейских государств – 124,6 тысяч квадратных километров. Для сравнения: в Королевстве Бельгии – 30,5 тысячи. В другом Королевстве – Нидерландах – 41,2 тысячи. Даже западноафриканская республика Бенин – и та меньше Целиноградской области.

Но другое дело (пошутил Морозов) – захотели бы Бенин с Бельгией обрести целиноградскую прописку?

Писатели спросили, а Морозов ответил, что каждую весну виды на хлеб внимательнейшим образом изучаются нашими зарубежными – и компаньонами, и оппонентами. Те из этого никакого секрета не делают. Пристально следят за нашей печатью. Вплоть до районных газет и производственных многотиражек. Их многие посольства капиталистических стран хотели бы выписывать.

(Подоплёка была простой: районные газеты в Казахстане, в отличие от республиканских и областных, не подвергались цензуре из-за их преогромного количества. Поэтому вся ответственность за сохранение государственных и военных тайн возлагалась на редакторов этих газет, которые регулярно снабжались специальными перечнями сведений, не подлежащих публикации. – **В.В.**).

Спецслужбы США, Канады, других капиталистических государств детально изучают материалы наших хозяйственных совещаний, дотошно анализируют спутниковые данные, организуют различные экспозиции – одна из таких выставок США недавно *работала* в Целинограде, и невооружённым глазом было видно, чем предпочитали заниматься её гиды и сотрудники. Кто-то из них довольно нахально брал пробы земли в городе и за городом, кто-то носился со счётчиками Гейгера, точно определяющими радиационный уровень, и все, как один, показали себя большими энтузиастами художественных фотосъёмок.

Главный редактор газеты «Литературная Россия», писатель Юрий Тарасович Грибов спросил, какие будут у первого секретаря обкома пожелания литераторам. Николай Ефимович ответил: «Не приукрашивать борьбу за Большой Хлеб. Не заниматься пустозвонством. Чтобы по-настоящему чувствовать вкус хлеба, надо идти не

иллюстративной дорогой, а смело показывать трудности. Ничего не скрывать от читателя. Не брать шапкозакидательский тон. Целина Казахстана всем богата – трудными коллизиями тоже. И не только в аспекте, так сказать, физическом, но и в психологическом плане – их много... Работы вам хватит!..».

Он напомнил: освоенная Целина – это около двух тысяч людских профессий и специальностей. Попросил литераторов вдуматься в эту колоссальную цифру: ведь все эти профессии и специальности взаимосвязаны между собой, возможно, тесней и чётче точных деталей самого сложного механизма, но они всегда одушевлены одним великим и необходимым для всей нашей страны делом, имя которому Большой Казахстанский Хлеб.

Морозов сделал всё, чтобы гости не чувствовали себя чем-то стеснёнными, долго и откровенно отвечал на все вопросы, приветствовал разделение писателей на три группы – на ту, с какой наш известный казахский писатель Шерхан Муртазаев отправлялся в Шортандинский район к академику Бараеву и его заместителю Госсену, на ту, которая держала курс в совхозы «Берсуатский» и «Октябрь», а также в знаменитое Вишнёвское объединение по птицеводству, и наконец на ту, с какой довелось мне прибыть в город Степногорск – негласную столицу казахстанского урана.

Счётчиков Гейгера, естественно, гостям не выдали и про уран даже словом не обмолвились.

Тем приятнее им, в их полном неведении, было увидеть в Степногорске, куда нас доставил личный самолёт «уранового короля» товарища Алексеенко, распрекрасные ухоженные жилые кварталы и зелёные насаждения, цветники, чудесный Дворец культуры, а неподалёку от Степногорска поистине райские места для охоты, рыбалки и всего прочего, что украшает жизнь и делает её качество несравнимым ни с какими там западными стандартами.

«О-о! Если у вас глава подшипникового комбината имеет в своем распоряжении личный самолёт, то я представляю, какая эскадрилья может быть у главного директора тракторного завода», – говорил мне таджикский поэт Кутби Кирум, назубок знавший всего Омара Хайяма.

Было видно: напыщенный Алексеенко Кутби Кируму не очень понравился, хотя гость, как мог, постарался поглубже сокрыть своё чувство. Впрочем, сам Алексеенко оказался догадливым и незаметно покинул вечерний дастархан – не попрощавшись, на британский манер.

Кутби Кируму серьёзно внимал известный украинский прозаик Александр Александрович Сизоненко – его остросюжетный роман «Корабелы» раньше был знаком, пожалуй, каждому старшекласснику. До этого Сизоненко никогда не бывал на Целине и вообще в Казахстане.

А вот украинскому поэту Виктору Викторовичу Соколову, чью грудь гордо украшала медаль «За освоение целинных земель», Казахстан был не внове. В начале Целинной Эпопеи он был среди первоцелинников,

работал механизатором, и героиня его целинной поэмы Назыкеш не выдумана, а взята от жизни.

Когда на встречах в Степногорске с читателями Соколов рассказывал об истории создания своей поэмы, аудитория ему аплодировала жарче, чем остальным.

После выступления Соколова на сцену вышел ладно одетый рабочий человек с увесистой рукописью в руках и сказал, обращаясь в президиум, алый от цветов, преподнесённых степногорскими пионерами, что живёт на Белом Свете не первый десяток, а живых писателей впервые видит не в кино и не по телевизору, и что было бы неплохо, если бы они взяли над степногорским литературным объединением творческое шефство.

Библиотекарь Дворца культуры Антонина Васильевна Власова после встречи принесла книги писателей, участвовавших в ней, и попросила надписать эти книги, и каждый из нас убедился, что всё-таки не зря работает, раз то, что делаешь, нужно людям.

В Целиноград из Степногорска возвращались не по воздуху, а уже по земле, мчась широкой асфальтированной трассой, которая поэту Кутби Киromу казалась сказочной в своей живой реальности.

Естественно, этому представлению способствовала и добрая чарка казахстанского коньяка, выпитого на посошок, но ведь не миражом, а неопровержимой явью было простиравшееся перед нами Великое Море Хлебов.

Его нескончаемым берегом можно ехать сутками, от рассвета до заката, а оно будет гнать свои изумрудные и золотые волны до горизонта и с каждым часом и километром открывать новые просторы.

Но это только ехать!

А какой мощной силою надо было обладать, чтобы за считанные дни, в капризную погоду, убрать урожай с этих громадных территорий и дать своему народу Хлеб.

Притяжение Великого Моря было безмерным. В жаркую страду выходили в него экипажами семейными – на Целине они и сейчас не в редкость: отцы, сыновья и дочери, матери, даже деды. Всё подчинялось одному желанию, одной цели. Ритмом уборки, если он где-нибудь сбивался, были озабочены все. Помощь спешила немедленно, самый сложный проблемный узел развязывался не сам собою, разумеется, но с быстротой фантастической, нередко через мать-перемать. Но неделей или месяцем спустя люди, перебирая в памяти перипетии случившегося, изумлялись собственной расторопности и смекалке.

Однако и в этом тоже ничего случайного не бывало.

Нам с Кутби Киromом рассказали, что каждую осень на уборку прибывал с Дальнего Востока капитан дальнего плавания, чтобы в свой трудовой отпуск – а он у него не был коротким – в самый напряжённый месяц поработать за штурвалом комбайна. Не ради денег – их у капитана и без того хватало. Деньгами механизатора при его ладной работе не обижали, почестями тоже. В честь хлеборобов поднимали алые стяги

трудовой славы, украшали портретами лучших Доски почёта, передовикам вручали вымпелы, гирлянды цветов, преподносили хлеб-соль. О них писали газеты, говорило радио. Для них, со временем, и личные «Жигули», «Москвичи» и «Волги» были вне всякой очереди. И всё это было очень справедливо. Но тому капитану ни почестей, ни денег, ни машины не требовалось. И фамилии своей он тоже не афишировал. Ему было важно одно – знать, чтобы его вклад – не словесный – стал бы в реальности каждого нового Миллиарда.

И вот сейчас, годы и десятилетия спустя, думаешь об этом, как его иные за глаза называли, чудаке, и непременно вспоминаешь не-стареющее горьковское: *чудаки украшают жизнь*, и ещё приходит на ум вот что: всё правильно, всё закономерно – раз было и есть Море, стало быть, должен быть и Капитан...

А ещё вспоминается мне одно примечательное признание Кутби Кирова, сказавшего, что – *«вы, целинники и казахстанцы вообще, на целый километр и даже намного больше, чем другие, ближе к коммунизму»*.

Он возил с собой по Целине корректуру своих новых стихов и, с трудом урывая свободную минутку, что-то вписывал в неё, но ни утром, ни днём, ни вечером особенно почеркать было нельзя, и потому он сидел над блокнотами до самой поздней ночи, а мне за него было радостно, как, впрочем, и за себя, тоже старавшегося не прятать бумаги и карандаша в эти благословенные предрассветные часы, когда душа особенно отзывчива на самый откровенный настрой.

Наверное, навсегда запомнилась Кутби Кирову не предусмотренная никакой предварительной режиссурой наша затянувшаяся до самого рассвета беседа с главой Степногорска Вилнисом Рамутом и первым секретарём партийного горкома Анатолием Скоропадом. Оба этих руководителя были преисполнены не показной, а истинно-целинной *патриотики*. Хорошо сказал Рамут, мой ровесник (ему тогда едва исполнилось 40): «Порой человеку может казаться, что живёт, проживает он самые трудные дни и годы. Душа и силы напряжены как бы до самого предела. А потом пройдёт время, и оказывается, что эти дни были самыми счастливыми. Надо, наверное, делать всё, чтобы такие дни повторялись бесконечно. И для этого вовсе не громоздить искусственных трудностей, а бороться с теми, которые есть, как говорится, в натуре, чтобы «единица вложенности жизни» была всё ёмче и ёмче».

«Единица вложенности жизни» – это уже термин Андрея Вознесенского, давнего друга Олжаса Сулейменова, через которого он полюбил бунтарскую поэзию Махамбета Утемисова – самого ближайшего соратника бесстрашного Исатая Тайманова, предводителя крупного народно-освободительного восстания первой половины XIX-го века.

К сожалению, ни Вознесенского, ни Сулейменова тогда не было с нами в Степногорске, но и там их давно ждали к себе после долгих отечественных и заграничных вояжей.

Гостей-литераторов поражала цепкая память первоцелинников. Каждый из них мог стать повестью самой жизни.

Рад и я был слышать, когда вспоминали и моих славных друзей, среди них Владимира Васильевича Ненадова, работавшего секретарём ЦК комсомола Казахстана, почти профессионального боксёра, лихо бравшего призовые места не только в Советском Союзе, но и за рубежом; исключительно эрудированного и деликатного Николая Иосифовича Тарадайку, вечного холостяка, бывшего на Целине инструктором крайкома комсомола, а потом работавшего в отделе культуры ЦК Компартии Казахстана; Николая Артемьевича Сидорова, целинного журналиста, активного автора всесоюзного сатирического журнала «Крокодил», нашего старосту на отделении журналистики Казахского государственного университета (тогда) имени Кирова, боевых газетчиков из «Молодого целинника» – народ там подобрался не случайно одарённый...

Вписываю сейчас эти близкие мне имена, а сердце щемит: ведь уже давно нет на Белом Свете многих из этих чудо-ребят. Как уже нет и целиноградского обкомовца, а затем заведующего отделом пропаганды ЦК Компартии Казахстана Дмитрия Ростиславовича Бибикова, странным образом покончившего с собой на этой должности (я в то время уже не работал в ЦК), оставившего после себя три записки о полной своей невиновности, а вместе с ними и самую добрую память о себе, не выдержавшем неких чёрных наветов и свинцовых тягот бытия.

Но тогда, в раздалёком 1979 году, кто знал, что будет и это, и не только это, а ещё и немало другого, тоже невероятно трагического?

Тогда нашим гостям-литераторам из России, Украины, Белоруссии, Таджикистана, Каракалпакии был дарен (каждому) в Целинограде роскошный фотоальбом «Хлеб», выпущенный раньше «Целины» Брежнева московским издательством «Планета», и внимательно знакомясь с этим фолиантом, нетрудно было увидеть, что его богатым содержанием наёмные золотые перья незабвенного Константина Устиновича Черненко знатно подпитали сочинение Леонида Ильича...

Одарили гостей и целинными сувенирами.

Один из литераторов потом напишет мне, что чай из расписанной золотом по белому и голубому фарфоровой целиноградской пиалушки для него стал вкуснейшим в мире.

После поездок по Целине глава Союза писателей СССР Георгий Мокеевич Марков сказал на беседе у Кунаева, что увиденное там литераторами меняет их прежние критерии и что надо осваивать этот новый материал.

Это же подтвердили другие участники встречи, побывавшие в Кустанайской и Северо-Казахстанской областях, искренне подивившиеся размаху Целины, а также тому гигантскому несоответствию между масштабами на ней сделанного и тем, как это скромно отображается в нашей литературе, считающей себя наилучшей литературой на всей планете.

Продолжение в следующем номере.

Анатолий ВОЛКОВ

(Продолжение. Начало в №№ 1-4 за 2013 г.)

Глава 5

3 ноября 1981 года

*Чивитавеккья, Рим, обед с макаронами, Колизей,
собор Петра, ресторан «Ромулус».*

В Чивитавеккью прибыли даже досрочно. На час с лишним. Выехали из порта и почти сразу попали на платную государственную хорошую автостраду. Дрожь пробирает, как только подумаешь, кто только здесь ни проезжал, направляясь в Рим, кто только из путешественников ни глядел и ни описывал этот путь.

Пейзаж сельский, ухоженный, спокойный. Пасутся овцы, а дальше ещё и ещё овцы, овцы, овцы. Водителя нашего зовут Андреа, гидов будет два. Одна, которая (правда, с грехом пополам) владеет русским языком, будет с нами всё время, а другая только в Риме и при поездках на объекты. Обеих, как выяснилось, зовут Изабеллами. Основной гид 21-летняя девушка обучается на третьем курсе русскому языку, месяц уже была на практике в Ленинграде. Она чистая римлянка – черноволосая, живая, смеющаяся, экспансивная. Личико, как у древних римских статуй и бюстов, небольшое, удлинённое, нос римский, губы небольшие (не тонкие, а небольшие). Вторая – настоящая гранд-дама средних лет, в нашем понимании скорее англичанка, светлая – между шатенкой и блондинкой – обстоятельная. Говорит медленно и разборчиво. Наша Вера Аркадьевна предложила звать старшую Изабелла-королева, а младшую – Изабелла-принцесса.

Рекламных щитов по дороге почти не встречалось. Кстати, в самом Риме щитовой рекламы (крупной) тоже сравнительно немного, особенно в исторической части города, где то, что оставили предки, настолько совершенно, что повседневная мишура только испортила бы её.

24 ноября 1985 г. в газете «Известия» была опубликована статья М. Ильинского «Свидание с Вечным городом», в которой он писал: «Разговор об Италии и её людях для каждого приезжающего на Апеннины обещает быть долгим, разносторонним и часто сугубо индивидуальным. Почему? Прежде всего потому, что Италия – это нескончаемое свидание. Свидание различных исторических эпох, людей, диаметрально противоположных политических взглядов и восприятия мира, представлений о прошлом, современности и будущем... Вглядитесь в землю и море, горы и небо Италии с душой возвышенной и глубокой, воспетой в неповторимой поэзии Данте и вечной лирике Петрарки».

Итальянская лира, которая здесь обменивается по курсу, например, на американские доллары. При этом вам дадут 3 % скидки и за доллар выплатят 1 130 лир, а в гостинице с учётом 6 % скидки – 1050 лир. Средняя

заработная плата рабочего 390 тысяч лир, высококвалифицированного – до 500 тысяч. У сельскохозяйственных рабочих до 250, а на юге – до 150 тысяч лир. У лиц умственного труда (видимо, служащих) – от 200 до 650 тысяч лир. У руководителей – 1500 тысячи лир. На пенсию выходят мужчины в 60, женщины – в 55 лет, при условии 40-летнего трудового стажа, в течение которого 7 % от зарплаты отчисляется в пенсионный фонд. Налоги достаточно велики, например, с 500 тысяч – 38 %. Прожиточный минимум семьи из двух человек составляет 515 тысяч, трёх человек – 690 и четырёх – 897 тысяч лир. Из 57 миллионов человек, проживающих в стране на территории в 301 тысячу квадратных километров, 20 миллионов живут ниже самого минимального уровня. На жильё тратится (что нам, советским людям, непонятно) не менее 20 % заработка. Из-за дороговизны только в Риме пустует около 60 тысяч квартир. Домовладельцы предпочитают выселять жильцов и продавать квартиры по цене от 4 до 7 миллионов лир. Много человек работает на так называемых «чёрных предприятиях», где оплата труда очень невысокая. На душу населения в стране производится 53 килограмма мяса в год, 27 % едят его один раз в месяц, 35 % – только по праздникам.

Некоторые цены. Говядина – 10 тысяч лир за килограмм, литр молока – 500 лир. Хороший костюм стоит 250 тысяч, визит к врачу (!) – 70 тысяч лир. При этом считается, что медицинское обслуживание находится на низком уровне. Билет в кино – 3,5 тысячи, газета – 300-400 лир. Бензин – 1000 лир за литр. Автомашина типа «Фиат 124» – 8 миллионов лир. Магнитофонная кассета – 8 тысяч, билет на метро – 200 лир. Квартирная плата в Риме на обычную семью из 4 человек достигает 200 тысяч лир.

В Италии недостаточна сырьевая база, но избыток дешёвой рабочей силы, поэтому, особенно в послевоенное время, бурно развивалась промышленность, в том числе машиностроение и другие прогрессивные отрасли. Многие товары, и хорошего качества, продаются с этикеткой: «Сделано в Италии». Велико число полностью и частично безработных, составляющее соответственно 1,7 и 3,5 миллиона человек. Кроме того, до 5 миллионов трудятся за пределами страны. Среди безработной молодёжи – до 70 % дипломированных специалистов. С 6 до 14 лет образование обязательное. Если затем ребёнок успешно окончит классический лицей, сдав экзамены, то имеет право беспрепятственного, без конкурса, поступления на все факультеты университетов. В технических вузах сроки обучения разные – 3 и 5 лет. Старейшие университеты – Болонский и Пармский. В то же время 4 % населения полностью неграмотно, 20 % имеют только начальное образование, 19 % детей не учится. И это в благодатнейшем средиземноморском климате, в стране, отгороженной Альпами с севера даже от Европы, со множеством рек, крупнейшими из которых являются По, Тибр, Арно.

Но вот впереди показались первые дома трёхмиллионного Рима.

Ю.А. Раков в книге «Сокровища античной и библейской мудрости» (ИД «МиМ», 1999 г.) пишет: «Вечный город. Это наименование Рима взято из стихотворения римского поэта Тибулла (I век до н. э.), в котором Аполлон предвещает необычайное могущество Рима. Позже эту мысль

повторили многие древнеримские поэты и мыслители, говоря о Риме – столице обширной и мощной империи. Наименование «вечный город» сохранилось за Римом и по сей день. Однако в это понятие вкладывают не столько политическую мощь Рима, сколько величие этого города, соединяющего в себе и античность, и христианство, и Возрождение, весь огромный культурный комплекс».

Дома причудливейших форм, например, как перевёрнутые конусы. Окрашены в тёмно-коричневые тона, а пересекающие их трубы – светлые. Или, например, дома в форме кукурузных початков с изъятými зёрнами – круглые и с балконами-ячейками. Едем вдоль Тибра, переезжаем через него. Река, в общем-то, небольшая, вода грязновато-зеленоватая. Конечно, с Москвой-рекой не сравнишь. Но что интересно, после многих виденных мною городов с их узенькими улочками-щелями Рим напоминает Москву широкими дорогами, простором даже в старой части города.

Подъехали к своему отелю, отдали паспорта, получили талоны с указанием номеров комнат. Все двухместные. К ключу привязана огромная пластмассовая пластинка, которую, даже если захочешь, никуда не сунешь. Номер самый простой. Небольшая прихожая, направо совмещённый санузел с ванной. Прямо – комната с двумя большими деревянными кроватями и одной более низкой, типа раскладушки, но со стоящей отдельно у стены деревянной спинкой. Встроенный в стену деревянный шкаф с тёмными дверками, видевшими, наверное, ещё Стендаля. Конечно, если он здесь останавливался.

Побросали вещички и вышли. Своими ногами потопать по улицам Рима. Сколько людей побывало здесь, в том числе и наших соотечественников – писателей, художников, композиторов. Скольких Вечный город вдохновил на создание их творений. За обедом первым блюдом подали макароны, посыпанные мельчайше натёртым сыром и сдобренные небольшой долей томатного соуса. Второе стандартное – мясо и картошка, на третье – мороженое.

После обеда поехали осматривать Рим. Выехали на площадь Республики, на которой сооружён фонтан с наядами, повернули на Via Nazionale. И вот перед нами открылась площадь с прекрасным Дворцом Венеции и памятником Виктору Эммануилу Второму, сооружённым в 1911 году в честь объединения Италии. Под памятником находится могила Неизвестного солдата. Во Дворце Венеция имеется коллекция картин, изделий из бронзы, керамики, серебра, скульптур, гобеленов.

Но вот и Колизей!

Л. Овсянникова в статье «Должен ли «работать» Колизей» (газета «Советская культура» 19 июля 1984 г.) так описала его: «Удивительное сооружение римский Колизей. До сего дня этот огромный амфитеатр, воздвигнутый в начале нашей эры, изумляет людей и своей красотой, и масштабами, и гениальностью архитектурных и инженерных решений. Разные времена видели древние стены... В IV-V веках грандиозный амфитеатр очень пострадал от набегов варваров, в средние века его стены служили

надёжной крепостью, потом в нём были жилые помещения и даже завод по производству селитры... Однако время неумолимо даже к таким колоссам, даже к невероятно стойкому камню травертину, к кирпичным сводам, с таким искусством и тщанием возведённым древними римлянами. Колизей разрушается, а средств, необходимых на его реставрацию, нет, хотя итальянское государство время от времени и отпускает кое-что на частичную реставрацию памятника».

Возведение Колизея начали в 721 году до н.э. и построили за 8 лет. Строили его в честь победы Флавия над Иерусалимом 40 тысяч рабов, в основном из Иудеи. Сооружён он из травертина – камня, карьер которого находится в 23 километрах от Рима. Кстати, и большинство зданий было построено из него. Применялся также и тонкий кирпич, который как дешёвый материал был заложен в основу. Вместимость составляла 50 тысяч человек, что не было пределом для строителей тех лет. Так, в выстроенном на 700 лет раньше Колизея и сравнительно недалеко от него цирке Максим могло поместиться до 300 тысяч человек. Поскольку основа его была деревянной, время не оставило от него ничего, и на этом месте сейчас сквер с прекрасной лужайкой и кустами в тех местах, где были трибуны. Сам Колизей был облицован мрамором, который в XVI веке был снят для строительства собора св. Петра. Под трибунами и сценой Колизея размещались различные помещения, в которых ожидали своих выступлений гладиаторы и животные. Сам Колизей окружён 84 арками, над каждой из которых ещё и сегодня видны номера входов, выбитые римскими цифрами. Поэтому все 50 тысяч зрителей могли его покинуть в течение 10-15 минут.

В книгах, кинофильмах, печати до настоящего времени кочуют байки о том, что здесь убивали христиан. Документы же утверждают, что за всё время его существования здесь во II веке н.э. погиб растерзанный львами епископ Антиохий, а христиане погибали недалеко – в цирке Максима. Исторически с Колизеем связывают высказывание «Хлеба и зрелищ», так как из-за относительно небольшого по сравнению с Максимом количества мест попасть сюда было трудно и не попавшие сюда люди стоя скандировали этот лозунг.

Ю.А. Раков в книге «Сокровища античной и библейской мудрости» пишет: «Хлеба и зрелищ!». Выражение это, обозначающее дословно полатыни «Хлеба и цирковых игр!» приводит в одной из своих сатир римский поэт Ювенал (65–128 гг.). Обличая своих современников, он заявлял, что их можно купить за хлеб и зрелища. При римском императоре Августе (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.) такой лозунг выдвигала городская чернь. Власть, желая погасить недовольство толпы, подбрасывала народу то одно, то другое».

Когда находишься внутри Колизея и видишь его как на модели, с которой сняли оболочку, грандиозность его поражает ещё больше. Удивляет способность человека во все времена к созиданию, творчеству. Совершенно по-другому начинаешь воспринимать жизнь этих загадочных римлян, создававших и использовавших эти здания, причём даже при отсутствии всевозможных проектных и им подобных институтов.

При выходе из Колизея увидели арку, посвящённую победе первого христианского императора Рима Константина над императором-тираном Максенцием. Последнего очень не любили римляне, и Константин, узнав об этом, в 306 году выступил из Британии со своими частями и в 312 году достиг Италии, где разбил войско Максенция. Его труп обнаружили, обезглавили, а голову отвезли в Рим, чтобы показать горожанам. В честь этой победы и была возведена арка, строительство которой закончилось в 316 году. Её хотел вывезти во Францию Наполеон, но столкнувшись с трудностями при её разборке, приказал соорудить Триумфальную арку в Париже.

Колизей же был разрушен во время большого землетрясения 1348 года, затем частично восстановлен и в таком виде дошёл до наших дней. С глубочайшим сожалением расстаёмся с Колизеем. Мимо места, где раньше располагался цирк Максима, выезжаем на набережную Тибра. Вскоре за излучиной видим на нём единственный в черте Рима остров – Тиберина. Два моста, соединяющие его с городом, выстроены ещё в старые добрые римские времена. А вот дальше мост через Тибр следует за мостом. Первый из них – мост Гарибальди, перейдя который попадаешь в улочки со множеством кафе и ресторанчиков, а по воскресеньям здесь шумит рынок. Римляне не любят больших магазинов. И их почти нет. Маленькие же магазинчики вокруг, и надо видеть, как их начищают и надраивают хозяева – различными составами, тряпками и щётками. У моста Сикста, построенного в XVII веке, поворачиваем на Via Djulia, где располагался дом Рафаэля, и по мосту имени Виктора Эммануэля въезжаем на Via della Conciliazione. Она соединяет прямым коротким путём Ватикан с замком S. Angelo, в котором папы спасались в случае каких-либо военных неприятностей. Вот уже и Ватикан, вот и собор св. Петра с колоннадой полукругами перед ним в форме ласково вытянутых вперёд, как для объятия, рук – мол, принимаю тебя в свои объятия и не беспокойся ни о чём, я тебя оберегу.

Ватикан – самое маленькое государство мира, в котором самое большое церковное здание планеты. Место, на котором выстроен собор, имеет давнюю историю. Когда-то здесь был цирк Калигулы, в котором был замучен и распят головой вниз первый папа Пётр. В IV веке император Константин построил здесь базилику. Строительство самого собора началось по приказу папы Юлия II от 12 октября 1506 года и завершилось в 1626 году освящением его 18 ноября. Собор явился плодом коллективного творчества. У его истоков был Донато Браманте. Продолжили Рафаэль, Микеланджело, которому полностью принадлежит купол, далее возведением занимались Антонио де Сангала, Джакомо дела Порта, Карло Модерна, потрудившийся над фасадом, а завершал Джан Лоренцо Бернини, которому принадлежит и возведение колоннады на площади. Микеланджело, понимая, что ему не удастся увидеть собор достроенным, изготовил его точную копию, которой, в общем-то, следовали. Правда, она была искажена одним из последующих архитекторов. Микеланджело задумал здание в виде греческого креста с концами одинаковой длины, а построено оно было в форме католического, то есть с вытянутым одним концом. В результате в значительной мере потерялись перспектива и восприятие здания в

целом, так как фасад загородил купол. Поскольку строительство продолжалось долго, здание снаружи оказалось сооружённым в стиле ренессанса, а внутри – барокко. Когда, войдя в него, начинаешь любоваться огромными полотнами, размещёнными в боковых часовнях, то не можешь поверить в то, что они выполнены из мозаики. Более того, одна-единственная картина, имеющаяся в здании, выполнена так, что именно она создана из мозаики. В XVII веке пытались выставлять здесь полотна, но в связи с высокой влажностью отказались от этой идеи.

Справа от входа в застеклённой нише бесценный шедевр 24-летнего Микеланджело – скульптура Пьета. Она потрясает – как он смог из мрамора изготовить фигуру матери с убитым сыном, а точнее Богоматери с Христом на коленях, как живую? Перед ней можно стоять часами. Это, кстати, единственная подписанная им работа. Он изготовил четыре варианта Пьеты, а у этой на ленте через плечо однажды ночью выбил надпись, что её сделал Микеланджело-флорентиец. Что же больше всего поражает в этом соборе? Конечно, его грандиозность. Причём в его основу заложено то, что войдя, ты буквально с первых шагов сразу же начинаешь терять чувство гигантизма. Подсчитано, что человеческое сознание уменьшает истинные размеры примерно в три раза, а эти размеры нужны были создателям для того, чтобы, войдя в собор, человек отбрасывал все мелочи жизни, разные страстишки и не подавлялся его величием, а наоборот возвышался духом до великого, забывал о суетности земного. Свет горел приглушённо, и мы не видели собора во всём его великолепии и блеске, но впечатление он произвёл ошеломляющее.

В центре Собора на перекрестье Бернини возвёл над главным алтарём балдахин с чёрными витыми, как в храме Соломона в Иерусалиме, колоннами высотой в 29 метров, т.е. с 10-этажный дом. Внутри собора купол, возведённый Микеланджело, уходит на высоту 119 метров, а снаружи его верхняя точка достигает 138 метров. Причём ни когда приближаешься к собору, ни внутри него абсолютно не ощущаешь этих размеров. Диаметр самого купола равен 43 метрам. Под куполом, под главным алтарём на глубине 10 метров в часовне расположена могила св. Петра. Вверху под куполом на опоясывающей здание ленте выбиты тексты, причём буквы двухметровой высоты, но это не чувствуется. В конце зала алтарь, в нём Бернини изменил в Троице ипостась – Дух Святой изобразил в виде голубя. В соборе различные изображения пап, невдалеке от главного алтаря бронзовая скульптура Петра. 29 июля проводится торжественная церемония, посвящённая ему. На этой скульптуре прихожане целуют ногу, поэтому большой палец блестит. Здесь же размещены изображения ключей св. Петра, одного – отрая, другого – от ада.

С грустью мы покидаем Собор.

По Виа Корсо поехали к фонтану Треви. Это слово означает «перекрёсток, место, где соединяются улицы» и посвящён он Нептуну (по-гречески Посейдону). Принято считать, что это фонтан исполнения желаний. Если встать к нему спиной и через левое плечо бросить монету, то вернёшься в Рим, если две, то женишься или выйдешь замуж, если три, то разведёшься. Подошли к нему, а его чистят. Пришлось подождать,

когда начнут пускать воду, хотя нашу группу и поджимало время. Мы с Розой бросили в фонтан по монетке. Невдалеке от него расположен дворец, в котором на званых вечерах у графини Волконской Гоголь читал «Ревизора», здесь же и кафе, в котором он любил посидеть.

Но вот добрались и до ресторана «Ромулус» на ужин. Официанты начали обслуживать с одной из 300 разновидностей макарон, затем подали курицу, а на третье – кофе и что-то круглое и сладкое. Весь вечер, сменяя друг друга, пели двое, причём один из них исполнял неаполитанские песни. Он пел больше, к концу распелся и голос у него стал чистым, а второй больше нажимал на эстрадное исполнение, хотя и с национальной окраской. Когда он выдал мелодию «Подмосковных вечеров», публика, к сожалению, его поддержала слабо, так как до этого употребила только сухое вино. Выходил также новоявленный Робертини Лоретти, про которого, кстати, здесь, кого мы ни спрашивали, никто не знал. А ведь в Союзе его голос звучит повсюду. Исполнил он три песни, под одну из которых один из полтысячи наших туристов даже попытался выйти потанцевать, но его деликатно остановили. Просидели в этом летнем зале, увешанном пучками лука, связками перца и т.п., часа два и пошли по автобусам. Приехали в одиннадцать, в начале двенадцатого, а шеф шумит – не выходить. И действительно: были бы мы на площади Венеции, Виа Корсо, или возле Ватикана, побродили бы вокруг Собора Св. Петра, а здесь-то где? По привокзальным улочкам? Решили идти спать. Кстати, кровати, видимо, служили многим поколениям постояльцев, до того скрипучие, что только начнёшь с бока на бок переворачиваться, они скрипят. Кажется, что вздохнёшь посильнее, и то скрипнут.

4 ноября 1981 года

Площадь Испании, Пантеон, галерея гобеленов, музеи Ватикана, Сикстинская капелла.

Сегодня отправились к площади Испании, рядом с которой размещено испанское посольство в Ватикане. Здесь же самый элегантный торговый центр Рима. Оттуда мимо Квиринальского дворца, где находится резиденция президента республики, поехали в Пантеон, величественное сооружение с самым большим диаметром купола – 44 метра, который много раз пытались копировать, включая и Микеланджело при строительстве купола собора св. Петра, но так и не смогли. Ни по размерам, ни по совершенству. Он построен так, что по диаметру купола можно точно вписать шар такого же диаметра. Как это удалось сенатору Агриппе в 27 г. н.э., до сих пор неясно. Восстановлен он был при императоре Адриане и в 606 г. посвящён христианскому культу. В нём хранится гробница Рафаэля, который умер в страстную пятницу 6 апреля 1520 г. в возрасте 37 лет, в тот же день, что и родился. Его невеста, племянница кардинала, зачахла через несколько месяцев после его кончины, к счастью, не зная, что Рафаэль всю жизнь был увлечён булочницей Форнариной. Рафаэля хоронил весь Рим. В траурной процессии участвовал и Папа.

Едем дальше. По пути встречаются колонны из числа 14 вывезенных в своё время римлянами из Египта. Проезжаем мимо откопанных величественных руин, находящихся, кстати, ниже уровня современного города, мимо магазинов по торговле предметами старины и устремляемся в музей Ватикана. Начало им положил папа Юлий II, приобретая картины и скульптуры, ныне являющиеся одним из самых значительных собраний произведений искусства всех веков.

Нам выпало счастье пройти по Галерее гобеленов, посетить Лоджии Рафаэля, Сикстинскую капеллу и пройти по полукилометровому коридору, соединяющему Капеллу и Апостольскую библиотеку, в которой размещены разнообразные подарки папам, а также шкафы для хранения книг, рукописей и иных архивных документов.

В этой капелле, сообщила наш гид Изабелла, проходит церемония избрания на конклаве пап. Сама Капелла была выстроена давно, но её архитектурное решение было не самым удачным. Обычное здание с плоским потолком. Папа Сикст IV решил художественно оформить её и поручил группе художников расписать две её противоположные стены. Теперь мы можем любоваться ими, разделёнными на три части: нижнюю, на которой нарисованы гобеленовые шторы, среднюю, которую расписали эти художники, и верхнюю, а также и потолок – творение Микеланджело, уже при папе Юлии II, племяннике Сикста IV. Микеланджело трудился здесь с 1508 по 1512 гг., хотя вначале очень не хотел этим заниматься, и папе для убедительности пришлось даже посадить его в тюрьму. Микеланджело всё-таки больше был скульптором и на его фресках многие фигуры почти трёхмерны. Выходим на широкий дворик. Поскольку гидам в Сикстинской капелле объяснять запрещено, рассказ ведётся прямо в этом дворике у подробных фотокопий сцен из жизни Христа и Моисея, а также картины Страшного суда, которую Микеланджело создал годы спустя и над которой работал около шести лет. О сложном и тяжёлом труде Микеланджело говорит хотя бы тот факт, что он так расписал Капеллу, что нельзя поверить в то, что её потолок плоский. Завершив эту работу, он почти ослеп и не мог повернуть шею. Микеланджело в жизни был равнодушен к женщинам, более того, он их не любил и поэтому изобразил их здесь грубыми, страшными и старыми, за исключением дельфийского оракула Сивиллы. Когда после долгого перерыва Микеланджело вернулся и начал работу над Страшным судом, он находился под некоторым влиянием идей Лютера и потому изобразил Христа как языческого бога – наказующим, карающим, а праведников – как разбойников.

И тут раздаётся шум – появляется Сергали Сагындыкович Едильбаев и последними словами ругает свою жену Алевтину Михайловну, которая потеряла 65 долларов. Мы продолжаем слушать Изабеллу-старшую, а Изабелла-младшая взяла это дело в свои руки, и они отправились к контролёрам. Оказалось, что Алевтина Михайловна, очевидно, доставая билет из заднего кармана, выронила эти доллары, а шедшая за нами группа японских туристов подобрала их и передала контролёрам. Так благополучно завершилась эта история.

С трепетом и внутренним напряжением попадаем в Галереи гобеленов. В первой из них гобелены XVI века, выполненные в стиле Ренессанса учениками Рафаэля и изготовленные в Брюссельских мастерских. То, что художники реально знали, они изображали точно, а то, что на слух – по воображению. Так, например, на одном из них слон с неправдоподобно длинными бивнями и зубами, а изображение обезьяны составлено из частей тел различных животных. Бернини, увидев на одном из гобеленов круглые витые колонны в соборе Соломона в Иерусалиме, положил их в основу колонн балдахина в соборе св. Петра. Эти гобелены изготавливались из золотых и серебряных нитей, шерсти и шёлка и от времени потускнели, но стоило закончить реставрацию одного из них, как он заиграл всеми красками. Гобелены имеются и в следующем зале. Например, на тему об избииении младенцев до двух лет по приказанию Ирода. Перед ними можно стоять часами, настолько они прекрасны и удивительны. Есть гобелен, на котором изображён Христос за столом с двумя учениками. Его создатели, умело использовав эффект трёхмерности, добились того, что, проходя мимо него, ты видишь, как стол поворачивается за тобой. Практически в каждой галерее продаются книги, альбомы, многокрасочные издания о Ватикане, о Микеланджело, о Рафаэле и других творцах. А вот ещё галерея – в ней хранятся самые старые в Ватикане гобелены, подаренные в XV веке испанской королевой. На одном из них Христос изображён несколько необычно – с монголоидными чертами лица.

Поворачиваем налево. В зале различные картины, подарки папам. Одна из картин огромная, кисти польского художника Яна Матейки (XIX в.). Она посвящена победе гетмана над турками. В следующем зале начали отчищать фриз комнаты, но затем перестали, так как под верхним красочным слоем обнаружили ещё более старые. На картине, помещённой здесь, изображена казнь св. Александра, а не Иоанна Крестителя, как было принято думать.

Рафаэль начал расписывать эти залы в возрасте 24 лет, параллельно с Микеланджело, который в это время трудился в Сикстинской капелле. Но настолько, как нам рассказали, был могуч его талант, что он смело применял совершенно новые приёмы в живописи. Например, задолго до Рембрандта он решил тему светлого и тёмного в фреске об освобождении из темницы св. Петра, с отблесками и бликами, что до него не делал никто. Совершенство его техники было настолько велико, что фреску с коленопреклонённым папой Юлием II никто никогда не реставрировал с тех пор как Рафаэль её завершил. В третьем зале одна из стен занята громадной фреской, повествующей о битве Константина с языческим императором, которую после кончины Рафаэля завершали его ученики. Удивительна роспись потолка – как бы уходящего в бесконечность. В первой лоджии Рафаэль изобразил Афинскую школу, при этом большинство лиц на ней – его знакомые. Принято считать, что он испытал большое влияние Микеланджело – после того как однажды его друг Браманте, у которого были ключи от Сикстинской капеллы, провёл его туда в отсутствие Микеланджело. Рафаэль был настолько потрясён могучим духом творений великого мастера, что это бессознательно отразилось в его работе над Афинской

школой. Видимо, в знак признательности Микеланджело за его талант он, в общем-то не бывший с ним в близких отношениях, и изобразил его на переднем плане своей фрески. На ней же имеются и портреты Леонардо да Винчи, Браманте и Де ла Роцци, племянника папы, а также автопортрет. Потолок в этом зале имитировал мозаику.

Наконец-то нас повели в Сикстинскую капеллу.

Ирвинг Стоун в своём романе «Муки и радости» о жизни и творчестве великого итальянского скульптора, живописца и архитектора Микеланджело Буонаротти, описывая, как тот создавал Сикстинскую капеллу, очень сопротивляясь вначале, так воссоздаёт это: «Папа Юлий Второй повернулся к Микеланджело и сказал ему тоном рассерженного, но любящего отца:

– Буонаротти, ты напишешь на плафоне Сикстинской капеллы Двенадцать Апостолов и украсишь свод обычным орнаментом. Мы заплатим тебе за это три тысячи больших золотых дукатов. Мы будем рады также оплатить расходы и обеспечить заработком любых пятерых помощников, каких ты изберёшь. Мы даём тебе слово первосвященника, что когда свод Сикстинской капеллы будет расписан, ты вернёшься к ваиянию мраморов. Сын мой, ты свободен.

Он преклонил колена, поцеловал у папы перстень.

– Всё будет так, как того желает святой отец.

Он вернулся в Сикстину и оглядел свод свежим обострённым взглядом. Вся архитектура капеллы не очень-то отвечала его новому видению и тому живописному убранству, какое он задумал. Ему нужен был другой свод, совершенно иной потолок, сооружённый с единственной целью – показать его фрески в наивыгоднейшем свете. Но он, конечно, и не подумал снова идти к папе и просить у него миллион дукатов на то, чтобы перестраивать эту капеллу, разобрав кирпичные стены, уничтожив штукатурку, военную площадку над потолком, крепкую крышу. Нет, он поступит хитрее: будучи сам себе архитектором, он преобразит этот громадный свод, применяя единственный материал, который был ему доступен: краски. Он утвердился в своей мысли написать на плафоне и множество людей, и всемогущего бога, который создал их; он хотел запечатлеть человечество в его захватывающей красоте, в его слабости и одновременно в его неиссякаемой силе: бог, в его могуществе, сделал возможным и то и другое. Фрески его должны быть полны трепетной, глубокой значительности и жизненности, они заставят взглянуть на вселенную совершенно по-новому: реальным миром станет свод, а мир тех, кто будет смотреть на этот свод снизу, станет иллюзией».

Дальний от входа правый угол, противоположный стене с фреской «Страшного суда», занавешен, идут реставрационные работы. На среднем ярусе среди живописных изображений глаз привычно отмечает работы Боттичелли – так характерна его манера. Но вот, обойдя капеллу, взволнованный встречей с прекрасным, замираешь и, боясь что-либо упустить, начинаешь внимательно ко всему присматриваться. Поднимаем головы вверх – и не верим, что потолок плоский. На большой высоте видишь, что он сводчатый. Так велика сила мастера. Отдельные фигуры просто объёмны, выполнены скульптурно, а не в живописной технике. На фреску

«Страшного суда» посмотрели через трансфокатор «Зенита» Сергея Викторовича Кима. Она, несмотря на её величину, входит в глазок объектива вся, а в приближении – частями. Снова и снова любуемся потолком и ею, но вот что удивительно: на стенах-то 12 картин превосходных мастеров, но твой взгляд устремляется только к работам Микеланджело.

Выходим в полукилометровую галерею, соединяющую капеллу с Апостольской библиотекой. В ней размещены дары папам. Как ни странно, но сразу после того как тебе посчастливилось побывать в Сикстинской капелле, все они кажутся мелкими и примитивными, хотя и понимаешь, что для изготовления этих вещей требовались недюжинное мастерство и талант. После этих великолепных проявлений духа и возможностей человека различные небольшие вещи просто не смотрятся, точнее – не задерживают внимания. В сознании, конечно, осталась уходящая в бесконечную даль галерея, освещённая мягким светом, падающим из больших окон, за которыми виднеется зелёный парк, выстроенная в XVI веке вилла папы Пия IV и над ней антенна радиостанции Ватикана, к голосу которой прислушиваются во всём мире 700 миллионов католиков. Эта бесконечная галерея, как я уже отмечал выше, заполнена самыми разнообразными подарками, изготовленными из всевозможных материалов. Здесь же имеются даже куски лунной породы, привезённые американскими астронавтами.

В Риме огромное количество всевозможных памятников, зданий, скульптур, парков – значит, есть что-то в натуре этого народа – и тяга к созданию прекрасного, и стремление к сохранению этого прекрасного.

... Доехали до Чивитавеккья. По пути наша Изабелла-принцесса – Изабелла-младшая рассказала, что её папа зарабатывает в месяц 800000 лир, а она за два дня с нами получит 70000 лир. Распрощались, все дарили ей что-нибудь и от себя.

Прошла посадка на наш любимый теплоход. Прощай, Италия!

5 ноября 1981 года

Впереди два дня отдыха. Липарские острова и вулкан Стромболи, купание в бассейнах, наполненных водой из Тирренского моря, между Сциллой и Харибдой, поход на капитанский мостик.

Сегодня вскочил ни свет ни заря – в 7 часов должны проплывать мимо Липарских островов, а на них действующий вулкан Стромболи высотой 926 метров над уровнем моря. Поднялся на палубу, воздух тёплый, как парное молоко, теплоход идёт прямо навстречу солнцу, прикрытому лёгкой грядой облаков. Справа по курсу острова, а вот и массивная глыба вулкана. К сожалению, лёгкая дымка не даёт возможности хорошо сфотографировать его. Кое-как рассмотрел его двуглавую вершину и то, что он слегка дымится. Выброс лавы, очевидно, происходит в противоположную сторону, а перед нами белеют домики. На самих Липарских островах также виднеются домики.

Позавтракали и снова побежали на палубу смотреть на Мессинский пролив между Италией и Сицилией, как говорили древние – проплыть между Сциллой и Харибдой.

В газете «Известия» 13 июля 1986 года была опубликована статья «Между Сциллой и Харибдой», в которой М. Ильинский писал: «К двухтысячному году выражение «оказаться между Сциллой и Харибдой» будет, вероятно, наполнено новым содержанием и станет означать: проехать через Мессинский пролив по уникальному мосту, длина которого 3300 метров. Как будто всё гладко. Но вдруг пропадает мажорная нота. Снова вспомнили о Сцилле и Харибде. В чём же дело? А вот в чём: все вопросы, связанные с югом Италии, самым тесным образом соединены с... мафией, чьи интересы, оказывается, не могут не учитываться при возведении «стройки века», а она действительно может оказаться между Сциллой и Харибдой – между властями и мафией, могущество которой пока что никем не поставлено под сомнение...».

В марте 2011 года в спецвыпуске «Мосты и дороги» журнала «Дороги. Инновации в строительстве» № 8 был помещён раздел, посвящённый строительству моста через Мессинский пролив. В нём, в частности, отмечалось, что в феврале 2011 года датской инженерно-консалтинговой фирмой COWI, являющейся главным консультантом международного консорциума во главе с крупнейшей строительной компанией Италии Impregilo S.p.A., ответственной за осуществление проекта, была завершена окончательная доработка проекта этого моста. Известно, что Сильвио Берлускони симпатизирует ему, и теперь, если соответствующие регламентирующие органы дадут «добро» и утвердят программу строительства, это станет своеобразной точкой невозврата, и тогда можно будет с уверенностью сказать, что мост будет построен. Ориентировочный срок ввода его в эксплуатацию – 2017 год.

Пролив назван по имени Мессины – города на сицилийском берегу. Выплыли из Тирренского моря по широкой дуге и проследовали между этими коварными Сциллой и Харибдой. На обоих берегах установлены 70-метровые башни высоковольтной линии электропередач. Отстоят они друг от друга более чем на три километра. Проплыли мимо Мессины с её трёхсоттысячным населением, университетом и пляжами, и нос нашего теплохода окунулся в синее-пресинее Ионическое море.

В программе для туристов предусмотрен и поход на капитанский мостик. Нам рассказали, что судом управляет автомат по проложенному курсу и согласно ежедневно поступающей сводке о состоянии погоды, а при непогоде и чаще. Хотя определённые маршруты и накатанные, если так можно выразиться, но есть целый ряд других условий, мешающих прокладке курса по наиболее целесообразному маршруту. Так, например, заглянув в карту, увидели там надпись: район ракетных стрельб, при их проведении либо каких-нибудь других обстоятельствах маршрут изменяется. Так, во время плавания из Туниса в Пальму изменял маршрут и наш теплоход, попав в шторм. Оказывается, когда мы там плыли, скорость ветра достигала 9 баллов по 12-балльной шкале, а волны раскачивало до 7 баллов.

На капитанском мостике имеется сложное навигационное и иное оборудование. Например, американский прибор «Satellite navigator» фирмы «Magnofox», который через систему спутников круглосуточно выдаёт на дисплей точные координаты, т.е. месторасположение корабля – долготу и широту, и абсолютное время – и всё это до сотых единиц. Установлены несколько радаров – итальянский до 80, наш «Океан» – до 140 километров. Есть пульт для введения данных в систему «авторулевой». Сам штурвал, которым пользуются при подходе к порту или в иных сложных ситуациях, невелик и по форме напоминает нижнюю половинку обычного автомобильного руля. Прямо перед глазами рулевого и во все четыре стороны с потолка спускается прибор кругового обзора, на котором стрелкой-индикатором показывается отклонение от курса. Усилия рулевого передаёт система гидроприводов. Имеются рычаги, а точнее кнопки включения английских стабилизаторов качки, которые практически в значительной степени снижают бортовую качку. Также есть радиоустройство, позволяющее в любой момент прервать любые радиопередачи по всему кораблю или его отдельным местам и сделать необходимое сообщение.

Общее водоизмещение нашего теплохода 16000 тонн (для сведения – водоизмещение теплохода «Максим Горький» свыше 40000). На «Белоруссии» установлены два двигателя мощностью по 9000 лошадиных сил каждый. Кроме того, имеется носовое подруливающее устройство со своим двигателем. Теплоход за сутки хода потребляет до 30 тонн солянки, которой заправляется в Одессе в объёме до 280 тонн, чего хватает на такой рейс, так как за рубежом горючее очень дорогое. А вот запасы питьевой воды, которая также идёт на умывание и душ, пополняются по пути. Так, например, в Марселе на борт была принята 561 тонна такой воды. Общий запас – 2135 тонн. Канализация, чтобы не засорять море, осуществляется путём переработки сточных вод с фекалиями, туалетной бумагой и прочим в специальных цистернах бактериями, методом биологической очистки. Нам рассказали, что очищается до прозрачного состояния, причём очень быстро. Изобретатель этого способа, получившего всемирное признание и соответствующие поощрения, смело выпил стакан этой жидкости. Экипаж теплохода составляет 225 человек. На борту имеются флаги всех стран, которые поднимаются при приходе корабля в тот или иной порт или прохождении его в соответствующих территориальных водах.

Сегодня все ходили купаться. Вода, закачанная из Ионического моря, тёплая, +19 градусов, а солнце светит как летом, что очень приятно, так как всё-таки уже ноябрь. Загорающими были усеяны все палубы.

6 ноября 1981 года

Путешествие подходит к концу, и сегодня всех пригласили на праздничный ужин со свечами. Затем концерт, танцы и т.п.

День начался тогда, когда мы плыли где-то между Ионическим и Средиземным морями. Теплонь, благодать, ярко-синее небо. Вода, которую закачали в бассейн, была +22 градуса. Наплавались вволю.

Окончание в следующем номере.

Сауле БЕККУЛОВА,
кандидат искусствоведения

Святая к родине любовь

Статная, высокая женщина властвует над своей жизнью и возрастом. Вернее, ей подчиняются те категории пространства и времени, о которых принято даже думать с почтением, если не со страхом. Тем более, если речь – о женской красоте. Но вы взглянули в это открытое лицо с озорной улыбкой, услышали голос: звучный, решительный, низкий – и случилось чудо. Характерное придыхание и говор, выдающий происхождение, – из западноукраинских наречий выплывает это раскатистое «р» и выразительное «г», имеющее аналоги ещё, кажется, лишь в казахском, – плюс лёгкая хрипотца, – и голос «впечатывается» в ваше сознание. Однако не голос и даже не стать моей героини привлекли однажды моё внимание.

Домодедово

В суете, толчее, немолчном гуле «азиатского» аэропорта Москвы во все времена случались встречи необычайные. Вот и теперь, возвращаясь из Питера через Москву, я попала в этот знакомый, совершенно суверенный от всего остального, мир вокзала. Позади – регистрация и проверка багажа (которого, как всегда, у меня и не было), впереди – короткая дистанция по лётному полю до нашего лайнера. В бегущих под ветром наклонённых фигурах отмечаю упругую пластику движений и стильный вид одной из пассажирок, выделяющейся особенной стройностью. В салоне самолета, устраиваясь в своем кресле, слышу над головой знакомый голос. Рассмеялись одновременно: оказывается, мы обе не узнали друг друга. Передо мной та самая яркая незнакомка – художница Ирина Ярема. В светлом брючном костюме, со своей неизменной короткой стрижкой, она и впрямь выглядит девушкой, элегантной и броской, но не вызывающей красоты. Никогда прежде не общаясь близко, как бы сохраняя необходимую дистанцию «художник – искусствовед», встречаясь лишь на вернисажах разнообразных выставок, но замечая, ощущая смутную симпатию, мы вдруг теперь в тесном соседстве – кресла соприкасались, как в утреннем рейсе автобуса – неожиданно обнялись.

Что-то случилось, необъяснимое словами. Словно шлюз открылся – мы кинулись навстречу друг другу с откровениями, очень личными, искренними и непростительными (если учесть, что судьба нас сведет еще не раз в одном городе, в одном Союзе художников, в малом числе выставочных залов, в тесном кругу общения художников).

Однако время всё расставило по своим местам, а наше взаимное доверие оказалось чудесным подарком, со временем не утратившим свою драгоценную значимость. Именно в этой дорожной встрече, длившейся около четырёх часов, открылся мне образ женщины, которой можно восхищаться бесконечно.

Пришла любовь

Зная произведения художницы, уже признанной и почитаемой и публикой, и коллегами за удивительное мастерство ковродела – гобелены, шёлковые панно, ворсовые ковры, уже известные далеко за пределами Казахстана и экс-Союза, – я невольно обретала при встречах с ней вид «молодого кадра», как про нас говорили старики-художники. Смущалась и не знала, о чем с нею можно заговорить. Наградой стала эта беседа-откровение. Вот когда Ирина, помолодев на глазах, рассказала историю своей любви. Нет, не случай и не короткая страсть, а большая, бесконечная, она вспыхнула в Алма-Ате при встрече с живописцем, красивым мужчиной сорока с лишним лет. Дети – красивые, талантливые, ныне взрослые (сами уже родители), продолжают любить своих родителей, теперь ко всему ещё и восхищаясь этой любовью. «Я каждое лето уезжала домой, на Гуцульщину, работала там, отдыхала, виделась с родными. И каждую ночь, в тот год нашей встречи я писала ему письма о своей любви... Он отвечал...». Прожив в первом браке с мужем 25 лет, родив ему сыновей, которых обожает, эта удивительная женщина начала жизнь заново, встретив единственного. «Так пришла любовь», – тихо вымолвила Ирина, лучисто взглянув на меня.

Творчество

«Восхищение – прекрасное вино для умов», – сказал великий Роден. Детская способность восхищаться в Ирине Яреме поражает меня каждый раз. Как и умение всё заметить и понять.

Праздником для моих глаз стали гобелены Ирины Яремы трёх десятилетий, 70-90-х годов. Истоиво отдаваясь своему делу, Ирина каждый из них создает, как птица утреннюю песню. Но сегодня эта песня – о земле родной.

Вот – мерцающий сверкающими потоками, вспыхивающими от солнечных лучей, беспечно и светом искрится «Водограй». Не изделие из текстиля, но ожившую радость «овеществляет» художница, «подглядев» сквозь солнечную палитру душу воды. Вот «Регистан», призрачный, величественный, нереальный в своем могуществе и сказочной красоте. А теперь – «Голубой всадник», летящий на крыльях любви навстречу судьбе, словно ожившая гератская миниатюра. Особенный ритм и строй присущи композициям на темы наскальных рисунков, которые автор впервые увидела в книге выдающегося учёного Алана Медоева.

«К чему эта архаика?» – была первая реакция на выставке Союза художников, поразившая художницу, которая, сохраняя верность родной Львовщине, болея сердцем за неё, уже срослась с Казахстаном душой, и

его древняя история очередной раз восхитила её. «Солнце Тамгалы» – это ликующая песня света, где, как на ладони, прочитывается история жизни и любви великих воинов и жриц этого уникального азиатского храма, где солнцеликие люди-божества творят мир и судьбу, где сама текстура гобеленной поверхности становится сродни живописи, и камню. В этом уникальном цикле «тканой» каменной архитектуры художница воссоздаёт не только мир далекой цивилизации Востока, но проникновенно повествует нам историю человечества глазами, руками, сердцем восхищённой женщины.

«Знаешь, я считаю, что человек, у которого нет Родины – не человек», – убеждённо, со страстью сказала художница мне совсем недавно, вновь собираясь на лето в отчие края, на Западную Украину.

«Бог делает встречи», – обронила она при случае, а мне видится и в её творчестве «рука Бога». Прав был Роден...

Есть своя закономерность в том, как невероятные житейские трудности как бы вдруг, случайно сменяются у художников относительным достатком, а на смену полной изоляции – неизвестности – приходит шумная и громкая слава. Примеров в истории мирового искусства не счесть. Но при смене строя – а мы живём именно в такую формацию – немудрено увидеть и странности иного порядка. Приятные и закономерные.

Франция

Случалось, и нередко, что члены Союза художников отправлялись в дальние страны, чтобы, набравшись впечатлений, поделиться ими в своих холстах и эстампах, в камне и бронзе с многочисленными почитателями. Под эгидой государства это проводилось в достаточно больших размерах, но, не скрою, до молодых «очередь» не доходила. В нынешнем десятилетии букетом раскрылось дарование именно из числа молодых, дружный «десант» которых, нередко с подачи государства, а порой в частной ситуации, был «заброшен» в разные страны света. И прежде всего – в Европу. Ситуация поменялась, старшему поколению теперь не осталось места для подобных выездов. Именно в этот период и выясняется, что важнее и значимее – творчество или «устройство жизни» для художника, так как для многих из юных дарований экскурсия в «заморские края» не стала первооткрытием, как и откровением, но принесла свои ощутимые «плоды» на нужды лишь бытового уровня.

Вот потому-то и видится мне закономерным сегодняшнее «расширение границ» для Ирины Яремы. Как и для ее сыновей, которым ею привито чувство прекрасного с малолетства. Оба имеют высшее художественное образование: старший – Любомир, керамист; младший Зиновий – преемник матери, мастер гобелена. С юности, после карпатских горных пейзажей с их прозрачными родниками и упругим ветром в гуще лесов, оказавшись в знойном, охристом ландшафте узбекской земли с ее певучими голубыми минаретами и тягучими голосами медлительных азиатов, Ярема открыла для себя бесконечность жизненных проявлений красоты. В Таджикистане её очаровали простодушные и доверчивые, как дети, жители

горных кишлаков, настойчиво приглашавшие каждый в своё жилище, отнюдь не блестящее ни достатком, ни тем более роскошью. Но удивительно красивые, со вкусом оформленные, они покоряли под стать своим радушным хозяевам – совершенным колоритом и простотой, радующей глаз. «С тех пор я всех таджиков обожаю, – признается художница, – и очень переживаю за них сейчас».

А на её холстах, написанных ещё пару десятков лет тому назад, вспыхивают божественно-строгим сине-белым сиянием вершины гор, которые открыл миру великий Н. Рерих, и коим, и сегодня поклоняются художники. И кишлаки, и дувалы, и золотисто-жёлтые пустынные пространства словно бы подёрнутой туманом земли, и миражи загадочных городищ древности – все возникает сказочным видением из прошлого, нити которого ведут в день сегодняшней. А все же при всем великолепии горячих красок юга заставляет биться сердце художницы – и зрителя, конечно! – прохладный ветер с полотен и гобеленов, обращающих нас к горам, прохладе, ветру, воде, свежести. Это дыхание юности слилось со зрелостью первой и вечной любви, одарив нас волшебным сиянием огромных, тяжёлых плодов – яблок, парящих над бесконечной ширью земли с её горами и долинами, с её безмерностью и укромностью, пространство любви моей героини – Вселенная.

Может быть, поэтому искушенные в искусстве своей родины – гобелене, французы не смогли остаться равнодушными к этим невероятным картинам мира в гобелене, как и в живописи, и вслед за первой персональной выставкой, состоявшейся во Франции, последовали второе приглашение и вторая встреча с этой благословенной землей. Поистине, Париж – столица искусства, где моя художница заново открывала секреты красоты! Рядом были сыновья, чьи гобелены тоже украшают интерьеры и французских, и американских, и множества европейских сооружений рядом с произведениями счастливой матери. И если поначалу казалось, что Франция состоялась «нечаянно», то теперь Ирина Ярема, по натуре своей кочевница, страстно влюбленная в само слово «дорога» («самое лучшее слово на свете, честная, жесткая дружба с пространством Земли» - по П. Антокольскому), убеждена, что надобно увидеть как можно больше стран и народов, чтобы лучше узнать мир и жизнь, чтобы всё это оставить людям, подарив своё видение и свою любовь. Только так и может истинная женщина и мать, истинный художник смотреть на мгновения, улетающие в вечность, имя которым – жизнь. В 1330 году японский философ изрёк: «Каким бы выдающимся ни был человек, даже в тысяче вещей, но если он пренебрегает любовью, дела его печальны, и он похож на драгоценную чашу без дна». По счастью, сегодня мы встретились с чашей, полной любви...

«Огуз-намэ» – «Легенда об Огуз кагане»

Неподражаемый памятник древнетюркской литературы «Огуз намэ» – «Поэма об Огузе» – возник предположительно в VI–IX веках, а возможно и ещё ранее. «Огуз-намэ» – выдающееся произведение древнетюркского фольклора, общий для всех тюркских народов памятник литературы, эпическое и историческое повествование, сочинённое древними авторами на основе древнетюркских генеалогических легенд. «Огуз-намэ» – вполне самостоятельное и не зависящее от исторических ситуаций произведение художественной литературы древних тюрков.

Хотя мы называем этот эпос «Поэмой об Огузе» – это сочинение древних тюркских авторов первоначально было написано ритмизированной нерифмованной прозой, организованной в строфы по восемь-девять-десять строк. Особенности языка и ритмическая организация говорят о несомненных поэтических достоинствах «Огуз-намэ». Возможно, что древность этого произведения такова, что в те времена проза ещё не была отделена от стихотворных произведений. Тем не менее, в последнее время среди учёных и исследователей этого древнего эпоса всё чаще бытует термин «поэма». Полное правильное название будет «Легенда об Огуз-кагане». Некоторые авторы называют «Огуз-намэ», «Поэма об Огуз-батыре», мы же используем для краткости «Огуз намэ», поскольку «намэ» не что иное, как и поэма, и книга. При переводе мы большинство строк, поддавшиеся переводу, перевели с рифмой, но в некоторых случаях рифму употребить не удалось, поскольку при дальнейшей рифмовке мог сильно исказиться смысл оригинального текста. Использовано несколько изданий «Огуз-намэ», в частности, «Ранние памятники литературы», Алматы, 1964 г., «Огуз-намэ», Махаббат-намэ», Алматы, «Гылым», 1986 г., Кулмат Омиралиев, «Язык Огуз-намэ», Алматы, 1988 г., Немат Келимбетов, «Древний период казахской литературы», Алматы, 1991 г. и другие издания.

Чтобы понять историческую основу поэмы, необходимо рассказать об огузах, как об одном из древнейших тюркских родов. Огузы – древнее объединение тюркских племен, жили в основном в низовьях реки Сырдарья в начале первого тысячелетия – в середине его. Об этом есть упоминание в Орхоно-енисейских надписях, в частности, в поэме о Культегине.

В IX–X веках объединение огузов создаёт государство, которое имеет свою столицу на Сырдарье, город этот назывался Жанакент или Жана Гузия. В 965 году огузы становятся союзниками Киевской Руси и одновременно воюют с окрепшим в то время Хазарским каганатом. В этой войне они побеждают и распространяют свое влияние вплоть до северо-восточного побережья Каспийского моря. Вместе с русскими князьями огузы идут в поход на волжских болгар и разбивают их в сражении между реками Волга и Кама.

В XI веке под давлением кипчаков огузы откатываются назад, до прежних своих границ. Значительная часть огузов смешалась с родами кипчаков, карлуков, канглы и другими тюркскими народами, активно участвуя в образовании и формировании современных этнических объединений.

Перейдём теперь к содержанию поэмы «Огуз-намэ».

В книге перед началом текста имеется изображение быка-огуза.

Огуз-намэ

1

Да будет таково его изображение.
В день славный для всех жителей земли
Великую мы радость обрели
Присутствовать при славном дне рожденья
От Ай-каган — Огуза... Мальчик этот
Лицом был бел, а губы, как огонь,
Глаза, как лучи солнца на рассвете,
А волосы черны, как уголь. Он
Красивей был, чем ангелы небесные,
Создания воздушно-бестелесные.
Грудь матери он тронул только раз,
И больше не касался тех щедрот...

2

Потребовал его могучий рот
Еды другой, естественной и грубой:
Сырого мяса, хлеба и вина,
Так слово первое его исторгли губы.
А через сорок дней стал взрослым он,
Пошёл, с мальчишками стал бегать в играх,
Ногами — бык, весьма силен был в икрах,
Был в поясице, словно волк силен,
Покал плечами, будто соболь, ловкий,
А грудь, как у медведя, крепко сбита,
Пасти коней, ловить зверей сноровку
Имел, и вырос в сильного джигита.

3

Был в тех местах большой красивый лес,
В нём птиц и зверя обитало много,
Озёр больших и малых... Из чудес
Лес был известен злым единорогом...
Сжирал он и людей, и лошадей,
Держал всех в страхе, истинный злодей.
И на округу наложил он дань...

4

Героем смелым был Огуз каган,
Сразиться с ним решил, и как-то днём
Он на охоту в лес пошёл с копьём,
С мечом, щитом и луком, с парой стрел,
Для дела он оленя присмотрел,
Его у дерева надёжно привязал,
А сам ушёл, и до утра спокойно спал.

Наутро к дереву пришёл Огуз каган,
А там оленя нет, унёс единорог.
Тогда медведя взял Огуз каган,
И к дереву его он приволок,
И поясом из золота своим
Медведя к дереву надёжно привязал,
А сам ушёл, и до рассвета спал.
А утром видит, что единорог
Медведя тоже, как пушинку, уволок.

5

Тогда сам встал у дерева Огуз джигит,
Пришёл единорог, и рогом стукнул в щит,
И не пробил щита, зато Огуз каган
Копьём ударил в голову и череп
Пробил единорогу, а потом
Своим серебряным, как луч, мечом
Отсёк злодею голову по плечи
И удалился прочь. Но в тот же вечер,
Когда вернулся, видит, что орёл
Живот единорогу пропорол,
И внутренности жрёт, кишки и печень.

6

Вот кто у нас всех поедает, злой,
Оленя и медведя, и единорога!
Огуз убил орла стальной стрелой,
А голову повесил над порогом,
Чтоб больше не принёс он людям зла.
Вот вам изображение огромного орла,
Летающего вольно, словно ветер,
И видящего сверху всё на свете!
А вот рисунок и единорога..
Дней и ночей прошло с поры той много,
Огуз однажды стал молиться Тенгри-богу,
Вдруг темноту рассёк великий луч,
Сиянием прекрасен и могуч,
Вокруг всё стало ярко, словно днём,
Подлунный мир тем освещён огнём.

7

И в том сиянье девушка одна,
Прекрасная, словно весной луна,
Возникла, а на лбу у ней пятно,
Сверкало красным золотом оно,
Горя, словно Полярная Звезда.
Она была красива, как богиня,
Огуз в неё влюбился навсегда,
Произнести не смея её имя.

Она смеялась звонко, словно Тенгри,
Казалось, сыпались на землю деньги.
Её послал Огузу Тенгри-бог,
Чтобы жениться он на ровне мог!

8

Огуз женился, рядом с ней возлёт,
Прошёл на свете не один денёк,
Прошли и ночи, понесла она,
Родила трёх сынов ему жена.
Вот сына старшего назвали Солнце – Кун,
А сына среднего назвал он Ай – Луна,
А младший назван был Жулдуз – Звезда.
Народ от сына старшего стал Гунн,
Народ от сына среднего – Уйсунни,
Народ от сына младшего – Коктюрк.

9

И на охоту вновь пошёл Огуз,
Посреди озера увидел дерево,
В его дупле одна сидела дева,
Её увидев, люд лишался чувств.
Глаза её, как Небо, были синими,
А волосы лились крутой волной,
Как ветви, руки тонкие, красивые,
А речь певуча, как поток речной.

10

Огуз, её увидев, полюбил,
Да так, что всё на свете позабыл,
На ней женился, рядом с ней возлёт,
Прошёл на свете не один денёк,
Прошли и ночи, понесла она,
Родила трёх сынов ему жена.
Назвали сына старшего Кок – Небо,
А сына среднего назвали Тау – Гора,
А младший назван был Тенизом – Море.
В честь их Огуз устроил славный пир,
И пригласил на праздник он весь мир!

11

На пир накрыли сорок сорока столов,
Срубили сорок сорока полов,
И сорок поваров, их нет искуснее,
Сварили кушанья вкуснее вкусного,
Рекою бурною вино, шубат, кумыз
Из рога изобилия лились.

А после праздника собрал Огуз каган
Вельмож и беков и сказал народу:
«Я стал вождём у вас, вам богом дан,
Я вам принёс богатство и свободу.
Народ мой, в руки стрелы ты бери,
Пусть будет сильною твоя рука,
Пусть будет крепкой, как скала, Тамга,
Пусть вознесётся знамя до небес,
Пусть нашим кличем станет Кок-Бори*,
И копыя наши пусть шумят, как лес!

12

Ещё сказал вождям Огуз каган:
«Пускай добычей будет нам кулан,
Обширна наша степь, как океан,
Для жизни лучше не найти земель,
Она нам родина и колыбель,
А Небо наше – юрта и шатёр,
Над головами голубой простор!
Огуз каганом издан был указ,
Его народам развезли послы:
«Царём-каганом буду я у вас
До края обитаемой земли.
Четыре стороны земного света
Подвластны мне, поклоны бьют при этом.

13

Кто будет слушаться меня, для тех
Я буду и защитником и другом,
Тех, кто ослушается, уничтожу всех,
Казню, повешу, запрягу их цугом.
На недругов направлю я войска,
Пока не уничтожу без остатка,
Сурова и крепка моя рука,
Суровы и безжалостны повадки!»
И всё же враг один ему был дан,
Жил справа от него Алтын каган.

14

Алтын каган посла к нему прислал,
Привёз тот золото и серебро,
Алмазов, дорогих камней ведро,
Письмо на шкуре белой написал
И вещи дорогие подарил,
В великой дружбе – мире убедил.

---

*Кок-Бори – сизогривый волк, мифический тотем-охранитель древних тюрков.

А слева от него каган Урум,
Указ услышав, его бедный ум
От гнева помутился, возмутился,
Указу, глупый, он не подчинился:
«Его словам не подчинюсь я, нет,
Пускай со мной воюет, и тогда
Увидит этот свет и прочий свет,
Над кем взойдёт победная звезда!..»

15

Тогда Огуз каган поднял знамёна,
Пошёл в поход на глупого Урума,
И через сорок дней пришёл к горе угрюмой,
Огромной, ледяной горе Музтау,
И там шатры раскинул, ставкой стал.

16

А поутру над ставкою Огуза,
Над самым золотым его шатром
Возникло вдруг сияние, как Солнце,
Из этого сияния вышел волк,
Великий прародитель – Кок-бори,
С серебряною гривой и клыками,
Сверкающими, словно полумесяц,
И он сказал: “Урум каган пред нами,
И завтра ты, Огуз, сразишь его,
Врага безжалостного своего.
Бежать я буду впереди орды,
Тебя оберегая от беды...”

17

Так он сказал... И растворился в небе,
Как будто среди людей и вовсе не был.
Собрал шатры свои Огуз каган
И двинулся вперед, а перед войском,
Путь указуя, двигался арлан,
Серебряною гривой сверкая,
Огуз кагана за собою увлекая.

18

И через много дней, пройдя сквозь земли
Различные, достигнув своей цели,
Остановился серебристый волк,
И с ним передовой остановился полк.
Дошли до берега реки Итиль,
С сапог дорожную здесь смыли пыль,
Над берегом росла гора, чернея,
Огуз каган шатёр разбил под нею.
В сражение вступили здесь войска,
Сражая злого непокорного врага.

19

Народ запомнил, битва была страшной,
Бойцов погибло много в рукопашной,
Вода Итиля обагрилась кровью,
Кровавой стали волны на реке,
Народ погибших вспоминал с любовью,
Их плачем не вернуть... Они уж вдалеке.
Огуз каган Урума победил,
Его страну к своей присоединил,
Живые, мёртвые – их много было,
Теперь к Орде Огуза их прибило.

20

Урум каган погиб, но младший брат его
Жил в крепости под самой синевою,
Джигита звали Урусбек – бек Битвы,
Сраженья бек, возможно, драки Бек,
Он, в общем, был хороший человек,
И меч его стальной острее бритвы,
Стояла крепость речки посреди,
Среди высоких неприступных гор,
Для штурма близко к ней не подойти,
Не побеждённая одна во всей стране,
Огуз каган отправился и к ней.

21

Но Урусбека сын был славный малый.
Навстречу вышел он к Огузу кагану:
«Ты – мой каган!» – Огузу так сказал он, –
Дал во владенье город мне отец,
Но его власти ведь пришёл конец,
Я город, как умел, так и сберёг,
Я с горожанами теперь у твоих ног!..
Теперь богатство, власть, указ-приказ –
Всё в твоей власти – ты теперь для нас!».

22

«Всё наше счастье будет от тебя,
Теперь ты нам защита и судьба,
Наш род-народ – ветвь древа твоего,
Так не губи народа своего,
Дал власть тебе великий Тенгри-бог,
Лежит полмира у твоих сапог,
Тебе отдам я голову свою,
Что соберу, всё выплачу в налог,
Пусть дружба будет верный мой залог!..»
Понравилась Огузу эта речь,
И Урусбека он решил сберечь.

23

Сказал, смеясь: «Потратил много ты,
Мне подарив уж очень много золота,
Весьма умён ты, несмотря на молодость,
Спас жизнь себе и город свой сберёг.
Так пусть же сбудутся твои мечты,
Ты другом стал моим, мой друг, сынок!
Пусть твоё имя будет Сактаган...»
Отныне так стал зваться Урусбек,
Так называл его Огуз каган,
Правитель города был славный человек.
К Итилю возвращается Огуз каган,
Не одолеть ни вплавь его, ни вброд.
Но в его войске был один султан,
Улук Орду он звался, так народ
Рассказывал потом, что этот бек
Был проникательный и умный человек.

24

Велел он много тальника срубить,
И из него огромный плот сложить.
На том плоту он реку переплыл,
И жителем реки с тех пор прослыл.
Огуз каган, смеясь, сказал: «Пусть будет так,
Здесь будешь беком, звать тебя Кыпшак!»
И дальше двинулся Огуз каган в поход,
К восходу войско мощное ведёт.

25

Навстречу снова вышел серый волк,
Кагана разговором он увлék:
«Пора бы вам со всем великом войском,
Отсюда уходить, другие ждут дела,
Путь укажу я вам теперь по-свойски,
Вы только наблюдайте из седла...»
И утром впереди шёл серый волк,
За ним разведка шла, за ней пехотный полк,
За ними кавалерия, обоз,
Который юрты на колёсах вёз...

26

Был у кагана жеребец чубарый,
В сраженьях впереди скакал он яро,
Врагов копытами к земле гвоздя,
Любимый конь великого вождя.
В походе том вдруг потерялся конь,
У гор, где снег сверкает, как огонь,
Искали конюхи, найти не могут,
Как без коня кагану быть в дороге?

А та гора звалась Музтау – Гора
Из льда и снега, в эти горы грозные
Конь убежал, хоть были дни морозные,
Кобыл обхаживать пришла пора.

27

Каган был очень огорчён потерей,
И в возвращенье жеребца не верил...
Но тут нашёлся в войске человек,
Привыкший к снежной жизни умный бек,
Умеющий разыскивать коней,
Ушёл на поиски, и через девять дней
Вернулся с тем конём – чубарым жеребцом.
В горах замёрз он, белый стал лицом,
Покрылись инеем изгибы век,
Но очень сильный снежный человек.

28

Понравился Огуз кагану он,
Смеясь, сказал вождь ледяному беку:
«Эй, будешь здесь ты главным человеком,
И имя твоё будет Кагарлык,
В горах твоих ты главный из владык!»
Вождь Кагарлыка одарил добром
И далее пошёл своим путём,
И видит домик с крышей золотой,
С серебряными окнами, а двери
Железные, закрыты на замок,
Никто его ключом открыть не смог.

29

А в войске был умелец Темирду Кагул,
Огуз ему сказал: «Останься здесь,
Откроешь дверь, тогда пошлешь мне весть,
Мы будем звать тебя теперь Калаш,
Ты будешь мастер-открыватель наш!»
И далее пошёл Огуз каган,
Народов, стран, земель великий хан,
Но тут остановился серый волк...
Остановился и каган Огуз,
С повозок сняли весь дорожный груз,
Поставили шатры и стали жить,
А землю ту назвали так – Журжит.

30

Хороший был народ, страна хорошая,
На склонах гор паслись лихие лошади,
Быки, коровы, овцы и телята,
И с серебристой шёрсткою ягнята.

И всё ж каган журжитов на войну
С Огуз каганом вышел, чтоб сразиться,
Не захотел он мирно покориться,
Отдать Огузу землю и страну.
И эта битва была очень страшной,
Звенели пики, сабли в рукопашной,
И в битве победил Огуз каган,
Отрезал голову вождю журжитов,
Враги оружие сложили после битвы,
Так завоевана была одна из новых стран.

31

Достались войску и простому люду
Тюки с добром, коровы и верблюды,
Оружье, деньги, пленные, рабы,
Заложники несчастные судьбы,
Так много было всякого добра,
Имущества чужого навалив,
Переполнялась шаткая арба,
Везли телеги кони и волю.
Был в войске у Огуза человек,
Бармаклык Жосын звался этот бек,
Он на телеги столько нагрузил,
Тащить волам уж не хватало сил,
Тогда в телеги он запряг рабов,
Стал погонять их, как своих волов.
Бармаклык Жосын так учил врага,
Колёса закрипели вдруг: «канга», «канга»...

32

Народ услышал этот скрип колёс
И стал смеяться чуть ли не до слёз,
«Канга», «канга» – телеги все скрипят,
Везут рабы добро и жить хотят.
Огуз каган, смеясь, сказал: «Ваш род
Отныне будет зваться так: «Канга!..
Канга, кангюи... Долго пусть живёт
Ваш род!». Нам память предков дорога!
Был Бармаклыком, стал он Кангалыком,
Огузом названный, вождём великим.

33

Волк сизогривый войско вёл вперёд,
Побеждены Тангуты, Хинди, Шам,
И проливалась кровь, страдал народ,
Огуз каган в сраженье первый сам.
Народы многие он подчинил себе,
В далёкой неизведанной земле
Большой народ жил, звался он Барака,
Земля та горяча была, однако.

34

Здесь много было птицы и зверья,
И золота, и серебра, алмазов,
Народ страны был чёрен, словно сажа,
Каган земли той называл себя Масар..
Вот на него пошёл Огуз каган,
Сражение было жутким, но Огуз
Всё ж победил, и дальнюю из стран
Назвал своей, народ завоевал,
Богатства многие он там собрал.

35

Бессчётные богатства взял Огуз,
Взял косяки породистых коней,
Решил вернуться он домой, в походе
Том находились люди много дней.
С ним рядом был всегда один мудрец,
Белобородый и седоволосый,
С ним трудные решал Огуз вопросы,
Был разумом и знаньями велик,
Великий Тюрк он звался, тот старик.

36

Привиделся ему однажды сон:
Лук золотой с серебряными стрелами,
Как радуга, заняв весь горизонт,
Тянулся лук с востока на закат,
И три стрелы серебряных глядят
Туда, где звёздная таится ночь.
Проснувшись, говорит Великий Тюрк:
— Огуз каган, мой славный вождь и друг,
Пусть будет долгой жизнь твоя, каган,
Виденье было мне, знак свыше дан!

37

Крепка, надёжна будет твоя власть
Над теми странами, где ты стоишь,
В народах этих воцарится тишь,
А люди счастье обретут, богатство,
Благодаря тебя за это царство.
Чтоб сбылся сон, ты должен только
Престол и власть свою отдать потомкам..
Так говорил Великий Тюрк, Огуз каган
Тут понял, Тенгри был наказ тот дан,
Воспринял хорошо советы мудреца,
Словно урок великого Отца.
А утром приказал охране и сынам:
— Пора бы поохотиться и нам,
Давайте, едем на охоту, дети,
Нет ничего прекраснее на свете!

38

Теперь я стар, прошёл уж силы срок,
Кун, Ай, Жулдуз, вы едите на Восток,
Кок, Тау, Тениз – вы едите на закат,
Где солнце в море обмывает зад.
Вот первых трое едут на Восток,
Там много дичи и зверей набили,
Кун, Ай, Жулдуз лук золотой нашли,
И этот лук Огузу принесли.

39

Огуз каган, смеясь, лук разделил
На доли равные и отдал сыновьям,
– Вы, братья старшие, три части вам земли,
Владейте странами, народами вы там.
И тут пришли три его младших сына,
Кок, Тау, Тениз зверьё и дичь набили,
Серебряные три стрелы нашли
И их отцу Огузу принесли.

40

Огуз каган, смеясь, раздал им стрелы:
– Вы младшие мои сыны, вы смелые,
Вот эти стрелы ваши, так стреляйте,
Врагов и недругов уничтожайте!
А сами будьте смелые, как стрелы,
Пронзительны, быстры, умелы.
Потом Огуз каган велел собрать
Великий курултай – собрание народа,
Здесь были лучшие и благородные,
Те, кто совет могли хороший дать.
И стал советоваться с ними он,
С вождями покорившихся племен,
Которые, за родом славный род,
Уже составили один народ.

41

Недалеко от ставки, вправо, около,
Росла берёза, и к её вершине
Тамгу прибили – Золотого Сокола,
А в основанье дерева того
Привязан белый жертвенный баран.

Недалеко от ставки, слева, около,
Росла сосна, народ к её вершине
Тамгу прибил – Серебряного Сокола,
А в основанье дерева того
Привязан чёрный жертвенный баран.
Сидели справа старшие сыны,
Они владельцы лука золотого.
Сидели слева младшие сыны,
Трёх стрел хозяева – орды основа.
Он сорок дней советовался с ними,
Наследниками славными своими.

42

Потом Огуз каган своим сынам
Раздал народы, властвовать над ними:
«Эй, сыновья мои, моё прославьте имя,
Все свои земли оставляю вам.
Я много видел, много раз в сраженьях
Участвовал, крушил за валом вал,
Не испытал ни разу пораженья,
Десятки колчанов я расстрелял.
На боевом и смелом жеребце
Походов мощных много совершил,
Врагов заставил плакать, а друзей
До слёз, до колик в животе смешил.
Теперь пора мне в дальнюю дорогу,
Я отправляюсь к богу, к Тенгри богу!
Страну вам оставляю и народ!» –
Сказал так, всякий речь его поймёт.

Перевод Орынбая ЖАНАЙДАРОВА.

Виктор СОРОЧЕНКО

Огонь, вода без медных труб

(Продолжение. Начало в № 4 за 2013 г.)

Однажды мать серьёзно заболела. Её отвезли в одну из больниц Павлодара. На время её отсутствия у нас поселились бабушка и две её дочери – Лида и Нюра.

Шли весенние каникулы, и потому я беззаботно и безнадзорно весь день бегал на улице с такими же, как я, мальчишками. Возвращался домой с наступлением темноты. Так, в один из вечеров я пришёл домой, когда уже все готовились к ужину. Лида с деловым видом сидела за столом и должна была выполнить самую ответственную работу: разделить булку ржаного хлеба так, чтобы каждому досталось столько, сколько он заслуживает в зависимости от возраста и полезности его в семье. При этом хотела соблюсти демократичный подход и потому то ли в шутку, то ли на полном серьёзе спросила: «Ну и кому сколько отрезать хлеба?». И я первый сразу ляпнул, что мне положено сто грамм, при этом рассчитывал получить, на мой взгляд, достаточно большой кусок. Ведь цифра «сто» для меня казалась значимой, большой. Вот и отрезала мне первому маленький тоненький кусочек хлеба, почему-то с какой-то саркастической улыбкой. Подавая мне хлеб, Лида сказала: «Здесь и есть сто грамм. Столько будешь получать всегда». Геннадия и Галине досталось хлеба чуть больше. Я понял, что очень прогадал. Однако возражать не смел.

Через несколько дней, также вечером, я прибежал домой. Царило какое-то оживление, меня встретили без окриков. В первую минуту меня это насторожило. Но тут же заметил – вернулась из больницы мать. Она лежала на кровати, укрытая одеялом; рядом стоял стул, на котором лежали пузырьки, пакетики с лекарством. Я обрадовался и подбежал к матери. Она прижала меня к себе, погладила по голове.

Лида у стола чистила картошку. Бабушка раскладывала в тарелку кусочки сельди, посыпав сверху её луком. На плите в чугунке варилась картошка в мундирах. Мы поели за общим столом, а матери к постели Лида, приставив табуретку, подала жареную картошку. После ужина бабушка, Лида и Нюра ушли. Мы, спустя некоторое время, разбрелись по своим местам ко сну. Моё место было на печи. Электрическая лампочка, висевшая на проводе над столом, горела всю ночь. Её не выключали, чтобы мы не шарахались в поисках «ночного» ведра. Я проснулся среди ночи. Все спали. Слез с печи, справил нужду. Проходя мимо плиты, я своим чутким носом почувствовал вкусный запах. Он доносился от сковороды, которая стояла на остывшей плите, прикрытая крышкой. Я не удержался от соблазна заглянуть под крышку, снял её и увидел в сковороде жареную картошку. Взял несколько кусочков и проглотил. Залез на печь, но долго не мог уснуть. Меня не покидало желание отведать ещё вкуснятины. Как долго я пребывал в этом состоянии – не знаю, но желание, вернее, голод, взяли верх, и я вновь слез с печи, подошёл к сковороде и принялся за еду, наперёд осознавая, что всю картошку съесть нельзя. Утром проснулся от

ударов по голове тяжёлым полотенцем. Меня колотила родная мать. При этом ругала и стыдила. Боли я не ощущал, но громко орал, прося пощады. Клялся, что подобное не повторится. Этот случай стал внушительным уроком, и с тех пор я ни под каким предлогом, соблазном, ощущением голода никогда не позволял себе что-либо взять без разрешения.

Учёба нам давалась туго, особенно Геннадию и Галине. Если нам с Геннадием ставили «неуды» за лентяйство, то Галину в этом упрекнуть нельзя. Мало того что на её хрупкие плечи легла почти вся работа по дому: выстоять очередь в магазинах за продуктами, поддерживать чистоту в квартире, приготовить нехитрую еду, принести с водокачки на коромысле воды и т.д., просто школьные знания не держивались в её голове. Она старалась, зазубривала, учила, но, выйдя к доске, не могла ответить даже на элементарные вопросы, решить незамысловатую задачу. И потому Геннадий и Галина в каждом классе оставались на второй, а то и на третий год.

Получилось так, что уже в 4-м классе я учился вместе с Геннадием. Мать не очень ругала Галину за неуспеваемость, но Геннадию доставалось. И, если уж подвергался порке, то был бит и за двойки, и за то, что «одежда на нём как на огне», и что по его вине дома что-то ломалось, исчезало. Гена признавал свою вину, но, не желая быть битым, прятался под кровать или убегал из дома. Однажды после очередного разгона Гена убежал из дома и даже не вернулся ночевать. Назавтра, уже во второй половине дня к нам зашёл мальчишка и сказал мне, что меня ждёт Гена. Я вышел на улицу и пошёл в сторону, куда он указал. Гена, как загнанный зверёк, сидел на соломе у навозной кучи напротив дома, где жили Чередниченко. Я присел рядом. Предложил ему вернуться домой, объясняя, что матери дома нет.

– Нет, не пойду. Никогда не пойду домой, – ответил он.

– Ну как же так? А где ты будешь жить? – спросил я.

– А нигде. Я вообще жить не хочу. Надоело. Хочу умереть. Иди домой и принеси мне бритву.

– Да где же я её возьму? Мать на работе.

– У неё в столешнице лежат запасные.

Я этого сделать не мог, ведь обещал ничего не брать без разрешения. И не только это останавливало меня не приносить бритву брату. Меня больше всего пугало то, что от пореза (что и где намеревался порезать Геннадий, я, конечно, не понимал) ему будет больно. И вот, проявляя чувство жалости к брату, желая как-то облегчить его участь, я со своей детской наивностью посоветовал ему:

– Я тебе бритву не принесу. А ты лучше ложись под колесо автомашины.

Рядом стояла большая трёхосная машина «Студебеккер».

Но брат настаивал на своём. Пока мы с ним спорили, автомашина незаметно для нас уехала.

Поздно вечером Геннадий заявился домой. Поел что нашёл. Через некоторое время вернулась с работы мать. Гена мигом под кровать, забрав верхнюю одежду. Мать, как всегда уставшая, перекусила тем, что было приготовлено Галиной, легла в постель. У нас в это время был щенок. Он чаще жил в комнате, спал с нами. Особенно любил Гену. Вот он-то и выдал Геннадия. Всё обошлось, так как находка вылилась в семейную шутку.

О намерении Геннадия я, конечно же, никому не рассказывал; всё забылось. Брат оставался неисправимым. Почти каждый день он что-нибудь вытворял, и матери вновь приходилось устраивать нам всем разгон. Своим поведением, плохой учёбой в школе он настолько, видно, насолил матери, что она уже не знала, какие меры к нему применять и даже, устав от всего этого, перестала обращать на него внимание. Никогда не забуду её отношение к нему: вечером пришла с работы, и что-то ей не понравилось. Кто виноват? Конечно же, Геннадий. Мать была настолько обозлённой, что взялась за ремень. Геннадий, спасаясь от побоев, с криком залез под кровать. Галина в защиту брата что-то сказала. И ей досталось. Когда всё утихло, из-под кровати послышались стоны Геннадия. Галина, заглянув под кровать, с тревогой в голосе спросила: «Ты что, Гена? Что случилось?». Гена сквозь стон ответил, что у него болит живот. Мать услышала это и сказала: «Ничего страшного, не сдохнет».

И позже, когда вечера проходили более мирно, иногда Геннадий испытывал эти боли. Приступы были настолько болезненные, что он падал, катался по полу, крича: «Ой, ойя, оеё!». До сего времени не пойму, почему мать к этому относилась безразлично. А его мучили, как потом оказалось, приступы аппендицита.

В 1948 году были отменены продуктовые карточки. Но от этого легче не стало. Магазины оставались полупустые. Если что-либо привозилось, то мгновенно всё сметалось с прилавков. Приходилось выстаивать огромные очереди, сопровождаемые давкой, криками, руганью, иногда потасовками. Всё это чаще испытывала Галина. Даже за хлебом ей часами приходилось стоять в очереди. А мы с Геннадием этим временем стояли на стрёме в ожидании подводы с хлебом. Мы знали, какой дорогой лошадка будет тянуть телегу или (если зимой) сани с большим деревянным ящиком, в котором был хлеб, чаще – ржаной. Геннадий оставался около магазина, а меня отправлял навстречу повозке. Встретив её, я бежал за ней почти вплотную к створкам ящика. Когда повозка останавливалась около входа в магазин, Геннадий обеспечивал оборону и никого из мальчишек не подпускал к ящику. После выгрузки я первым проникал внутрь ящика и быстро, пока не вернётся из магазина возчик, сметал крошки со дна ящика. Какая это была вкуснятина! Конечно же, делился с братом.

А ещё мне запомнился запах хлеба, который сестра вносила с собой в дом с морозной улицы.

От Зорьки ждали телёнка и потому с определённого времени до отёла её не доили. Молоко покупали в магазине. Его привозили из подсобного хозяйства, которое находилось километрах в двенадцати от Майкаина. Если летом молоко доставляли машиной в сорокалитровых бидонах, то как быть зимой? Особенно в морозные дни? Нашёлся умный человек и

предложил: молоко замораживать, разливая его в миски объёмом в 1 литр, а затем, уложив в мешки, транспортировать в магазин. Получилось быстро и удобно.

Зима 1948-1949 гг. была и морозной, и с частыми продолжительными буранами. Дома замело по крыши. Если заносило снегом днём, то отбрасывали от дверей каждый как мог, а утром соседи помогали друг другу – кто первый сумеет освободиться из «плена». Выкапывались целые траншеи, чтобы выйти из дома. Наметались огромные сугробы. Кому от этого проблемы, а нам, детворе, – забава. Катались с сугробов на санках, рыли в сугробах «пещеры», где проводили время, рассказывая всякие байки, делились своими впечатлениями о просмотренном кино.

Сидеть дома в темноте не хотелось, так как в большинстве электропровода были порваны, а керосин или свечи берегли к ночи.

Уроки делали в полутьме. Тетрадей не было. Приобретали газеты и кроили тетради, используя страницы без фотографий или больших заголовков. Однажды матери на работу кто-то принёс бумажный мешок. Мы его аккуратно раскроили и сшили тетради, а затем долго с помощью линейки и карандаша чертили линии на всех страницах. Писать на них было проще, чем на газетах, но это требовало аккуратности, так как чернила, если немного задержать перо на одном месте, расплзались, образуя кляксу. С чернилами тоже бывали проблемы. Выходили из положения кто как мог. Мы собирали в дымоходе сажу и растворяли в воде, добавляя чуток сахару – чернила готовы. Но и в этом деле, казалось бы, простом нужен был навык и точность: стоило насыпать лишнего сахару, чернила становились тягучими и непригодными для писания.

Последнее время матери и Галине мало приходилось спать. Должна была отелиться Зорька. И всякий раз, как только корова замычит, они выбегали в сарай. Подкладывали побольше сена, чаще выносили пойло, делились с ней хлебом. На пол стелили больше соломы. К весне Зорька принесла бычка. Конечно же, его окрестили Борькой. Мастью вышел, как и Зорька, палевой с белым пятном на лбу. Бычка занесли в комнату. Он требовал много ухода: своевременно накормить, убрать за ним. Был он забавным и шустрым, и на второй или третий день уже стали держать его на привязи: как бы не ушибся и не разбил бы чего.

Мать продолжала работать в парикмахерской. Кто сказал, что труд парикмахера – одно удовольствие? Я-то знаю, насколько это тяжёлый как физически, так и психологически труд: весь рабочий день – на ногах, на передышку времени не было, особенно в выходные или предпраздничные дни. Клиенты – в основном мужского пола. Хоть особых модельных фасонов стрижки ещё не было: бокс, полубокс, полька, ёжик или наголо, и всё же попадались клиенты с норовом. И каждому надо было угодить. Мужчины не только подстригались, но и брились. При этом применялись «опасные» бритвы.

Не меньше усилий приходилось тратить на стрижку. Электрических машинок не было. Использовались ручные: путём сжатия рычагов приводились в горизонтальное движение лезвия этого прибора. Очень уставала рука, особенно кисть. На ладони и пальцах появлялись мозоли.

В парикмахерской работали три мастера. Кроме матери – немец Борн Егов и еврей Боровик Пётр Яковлевич. Ещё была тётя Паша – казашка. В её обязанности входили уборка, топка печи, подогрев воды, необходимой для массажей и мытья бритвенных приборов, подготовка и подача этих приборов мастерам.

Я часто приходил в парикмахерскую к матери не только для подстрижки. Иногда просто так, от нечего делать. Наблюдал за работой мастеров. А процесс бритья у меня вызывал дрожь в коленках. Особенно когда лезвие бритвы скользило у подбородка ближе к горлу клиента, в том месте, где кадык периодически приходил в движение. Я поражался ловкости мастера: обслужить клиента, не причинив ему пореза и не оставив щетины.

Парикмахерская располагалась в приспособленных помещениях и часто менялась местами: то в здании бани, то в клубе. Ни центрального отопления, ни холодной и тем более горячей воды. Периодически холодную воду подвозил водовоз, и тётя Паша вёдрами заносила её, заполняя ёмкости. Так же привозили дрова и уголь для печи.

Клиенты в ожидании своей очереди сидели в прихожке. Все друг друга знали. Вели дружеские разговоры. Большинство – фронтовики, часто делившиеся воспоминаниями о боевых действиях.

Хотя и была весенняя пора, однако часто дни стояли холодные, а ночи – тем более. Дрова закончились, а уголь без жара не разгорался. Геннадий сходил в сарай и набрал соломы. Принёс и положил около плиты, у створки которой на корточках сидела Галина и, пытаясь разжечь уголь, дула в топку. Уголь не загорался. Галина взяла с пола солому и, перегнув несколько раз стебли, затолкала её в топку. Вновь стала дуть на тлеющие угольки. Вдруг солома вспыхнула так, что пламя вылетело наружу. А голова Галины рядом... Жидкие её волосёнки загорелись. Геннадий мигом схватил со стола тряпку и коршуном бросился к Галине, накрыл тряпкой голову. Трагедия миновала. Галя с испугу заплакала. Мать и её сестры завопили. Но когда Гена убрал тряпку и оказалось, что волосы целы, все с облегчением вздохнули. Мать осмотрела причёску Галины, взяла свои рабочие ножницы и аккуратно удалила опалённые концы волос. Уголь в печи наконец-то разгорелся, в квартире стало теплей.

С наступлением лета жизнь наша менялась в корне, как и вся земная природа. Первое, что больше всего приносило радости в наши детские беззаботные головы, – это летние каникулы, которые освобождали нас от всех школьных забот. Однако в каждой семье в связи с этим появлялись новые проблемы: чем занять детвору, куда её отправить на лето. Нас в семье – трое. И все летом оставались дома. У каждого из нас были свои занятия, друзья. Но иногда находились общие интересы, развлечения, к примеру, погонять мяч. Я не говорю, что мы играли в футбол, хотя было много общего с этой игрой, кроме мяча. В качестве мяча мы использовали какой-либо мешочек, набитый тряпьём, опилками. Но его хватало ненадолго. Иногда удавалось раздобыть зимнюю шапку. Набивали её также тряпьём и опилками, зашивали прочными нитками. И пинали этот «мяч» целый день, сбивая пальцы ног до крови. Обувь берегли. Однажды солнечным

днём я возвращался домой. На моих ногах – новые чёрные полуботинки. Очень интересно они мне достались: в Майкаин иногда поступали вещи в помощь сиротам. Кое-что доставалось и нашей семье. По-видимому, из числа этих вещей дядя Ваня принёс и подарил мне бескозырку. Эта бескозырка понравилась одной молодой женщине, которая уговорила мою мать обменять бескозырку на полуботинки. Мать согласилась безоговорочно. Померили на мои ноги. Великоваты.

– Ничего, к началу учебного года будут как раз, – сказала мать и велела отнести туфли домой.

Ну не играть же мне в новой обуви. А желание погонять удачно сшитый тряпичный мяч брало верх. Я снял туфли и положил их по одному на камни, обозначающие ворота. Наигравшись, мы стали расходиться по домам. И только дома я вспомнил про туфли. Побежал к месту, где играли. Но... Туфли исчезли.

Совместными с братом и другими соседскими ребятами, а иногда и девочками, были походы в степь за киззяками (это засохшие коровьи «лепёшки»). Для этого Геннадию необходимо было достать подшипник или шестерёнку для шпонки, он проникал на территорию автогаража, где выпрашивал или отыскивал на свалке металлолома необходимого размера «колесо» и приносил домой. Затем добывал прочные, но не тяжёлые бруски, рейки и изготавливал тележку, удобную для укладки на неё мешков с киззяками.

С такой же тележкой мы ходили в степь собирать кости, которые сдавали на склад техснаба, за что получали необходимые для школы, но отсутствующие в магазинах принадлежности.

Мне нравилось ходить в степь. Особенно за гору Большой Майкаин. Там встречались небольшие кустики берёзы. Нравилась своеобразный запах травы, трескотня кузнечиков и чириканье птичек. Многие из птиц сооружали свои гнёзда в норах, где откладывали яйца, а затем высиживали птенцов. Вход в норку маскировался сухой травой. Когда кто-то вдруг приближался к скрытой норе, птица любыми путями старалась привлечь внимание человека на себя: на небольшой высоте она выделяла разнообразные пируэты, громче во все голоса издавала разноголосые крики. Мы знали её уловки, останавливались и внимательно начинали искать гнездо. Иногда это удавалось. И, не зная последствий своих действий, мы запускали тощие руки в норки, доставали птенцов. Разглядывали их, а затем, сжалившись, возвращали их на прежнее место.

Иногда с нами в степь ходила Галина. Она, занятая бытовыми заботами, кроме сбора киззяков ломала полынь для веников. Запах полыни до сего времени нравится мне.

В жаркие дни мы уходили на окраину Майкаина, где за небольшими дамбами собирались «хвосты»: вода с остатками в ней концентрата. Когда концентрат оседал на дно, то вода становилась относительно чистой и вторично использовалась фабрикой. А мы в ней купались, стараясь как можно реже ступать на дно, чтобы не мутить воду. Грязные, но довольные возвращались домой, когда солнце вот-вот зайдёт за горизонт.

Летом этого года, а может, 1950-го я впервые поехал в пионерский лагерь на Джасыбай.

Сборы элементарные: пара трусов, майка, рубашка, галстук и какая-то обувь. Но это не всё. Необходимо было иметь свои матрасовку, наволочку, одеяло. Ну и, конечно же, туалетные принадлежности, полотенце.

Провожатых было больше, чем отъезжающих. Заботливые родители давали какие-то наставления своим детям, пихали им в карманы конфеты или свёртки с выпечкой, бутылки с водой. Усевшись на свой узел на отведённое мне место в кузове, я ждал отправки. С ними же был и Геннадий. Хоть он и закончил в этот год третий класс, но по возрасту был равен девятиклассникам. И таких, как Геннадий, было немало.

От Майкаина до пионерского лагеря около 80 км. Далековато, конечно, но зато какая благодать, какая живописная местность! На склонах скалистых гор – разнообразие деревьев и кустарников: сосна, берёза, ольха, осина, черёмуха, боярышник, калина, малина, смородина. Изобилие грибов. А какие причудливые скалы вокруг или рядом с озером Джасыбай!

Нас поотрядно разместили в так называемых палатках: небольших строениях из дёрна размером примерно 6х4 метра. Дощатая дверь – напротив небольшое окно. Пол земляной. Справа и слева по входу у стены сплошные нары. Заранее приготовленное сено ждало нас у входа. Им мы заполняли свои матрасовки, наволочки и занимали место на нарах – кто где успел.

С Геней мы попали в один отряд и жили в одной палатке. Его назначили командиром нашего отряда (или звена). В этой же палатке жили Андрей Майбох, Геннадий Борн, Виктор Дуранов... Пионервожатым был уже окончивший 10 классов Николай Ожегов. Здоровый добродушный парень.

Дни заполняли разнообразными занятиями, но в первую очередь разучивали гимн Советского Союза и популярные в то время маршевые песни, которые мы исполняли в строю, следуя на озеро или куда-то в поход. Такими песнями были «Варяг», «По долинам и по взгорьям» и другие.

Особое место занимали у нас рыбалка и купание в озере. Кто не умел плавать, тот брал с собой наволочку и, намочив её, встряхивал и резко разрезом вниз опускал на воду. Образовывался своеобразный пузырь. Некоторые мальчишки делали такой «поплавок» из штанов, предварительно завязав концы штанин.

Хотя и были контрольные посты на выходе из лагеря, но старшие ребята всё-таки умудрялись убежать на озеро, где строили из брёвен плотики, для чего и брали с собой скобы, гвозди, верёвки. Скобами сбивали брёвна. Гвоздями прибивали доски. Один конец верёвки привязывали к плоту, а к другому – камень, который выполнял функции якоря. Это сооружение позволяло ребятам ловить рыбу дальше от берега.

Особых рыболовецких снастей не было. С крючками было как-то проще, а вот всё остальное – самоделки. Удилища выбирали в ивняке, леску изготавливали из белых ниток: отрывали метров шесть нитку и вдвоём, взявшись за концы, скручивали её в разные стороны. Из сосновой коры

делали поплавок. Вот и всё – удочка готова. В качестве наживки использовали кузнечиков, овода или глаз окуня. Ловился в основном окунь или чебак. Мелкота, но и то нам в радость. Улов чистили и, подсолив, сушили рыбу на крыше палатки.

Плавать я не умел. Научил случай. Геннадий с группой его ровесников взяли меня с собой на рыбалку с плота. Отплыли от берега метров на 5-6 и привязались к камышу. У меня удочки не было. Я, по-видимому, стал лишним на плоту, и Гена, не говоря ни слова, толкнул меня в воду. Я с испугу вскрикнул, но почувствовал, что не тону, а нахожусь на плаву. Это меня мигом взбодрило, и я, дрыгая ногами, перебирая под собой руками, поплыл к берегу. Так и освоил самый элементарный способ (по-собачьи) плавания.

Мне посчастливилось в детстве несколько раз быть в пионерском лагере. И каждое пребывание чем-то отличалось от предыдущего. Подрастая, мы приобретали право принимать участие в том или ином походе. Так, например, совершили поход в посёлок Баянаул, где мы когда-то жили. Разместили нас в здании школы. Меня с группой ребят послали в лес за хворостом и еловыми шишками. Когда мы вернулись, ко мне подошёл высокий, стройный, в солдатской одежде парень. Спросил: «Тебя Виктор звать?».

– Да, – ответил я.

– Виктор Сороченко?

– Да, а что?

– Я твой двоюродный брат Николай. – И протянул мне свою руку. – Пошли к нам. Мы здесь рядом живём. С воспитателями я уже договорился.

Так я познакомился со своей роднёй. Это был Николай Бельденинов – сын одной из старших сестёр моего отца – тёти Нюши.

Их дом стоял действительно недалеко от школы, в которой мы расположились.

Позже я неоднократно бывал в гостях у тёти Нюши. Царство ей небесное.

Находясь в пионерском лагере, мы все незаметно подрастали, поправлялись, закалялись и, можно сказать, мужали. Пребывание в коллективе, сама обстановка вынуждали нас, глядя друг на друга, совершать какие-то поступки, каждый стремился что-то сделать такое, чего не мог другой, или лучше, чем остальные. Так мой двоюродный брат Борис Сеннов отличался от всех тем, что проявлял свою сноровку, лазая по скалистым обрывам. Мог демонстративно удалиться от всей группы и встать на самом краю скалы. Были попытки даже встать на руки. Особой меркой силы, отваги и умения плавать было озеро. Для этого необходимо было переплыть его от пляжного места на противоположный берег. Большой страх наводило не расстояние (там, по-моему, было метров триста), а всякие байки, сочинённые нами же. Мол, где-то на середине озера есть омут или водоворот, скрытый от глаз, и можно в него попасть – и тогда тебя затянет на дно. Но ребята, что старше по возрасту, переплывали этот участок и даже обратно.

Однажды и я решился совершить этот «подвиг». Я долго мог продержаться под водой. Пользуясь этим, я зашёл чуть дальше от берега и нырнул. Проплыл, на сколько хватило «дыхалки», вынырнул и поплыл «по-собачьи» на другой берег. Добрался до середины и насторожился, вспомнив о водовороте. Одно это забрало у меня силы. Попытался плыть на спине. Немного передохнув, я поплыл дальше. Осмелел, когда до берега оставалось, как говорится, рукой подать, и даже последние метры проплыл другим стилем – «махом». Встал на ноги, когда уже руками коснулся дна. Оно оказалось илистым, и я, боясь, чтобы меня не «засосало», бегом выскочил на берег. Присел на прибрежный, согретый солнцем, тёплый камень, намереваясь отдохнуть и отправиться вплавь обратно. Но силы с каждой минутой покидали меня. Сколько сидел – не знаю. Принял решение только когда заметил, что на том берегу уже собираются к отходу в лагерь. Рисковать не стал и, «взяв ноги в руки», побежал в лагерь, огибая озеро. К обеду успел. Мой «подвиг» никто не заметил и не оценил, да я и сам был им недоволен. А совершить его хотелось для себя. А как?

Придумал: через несколько дней намечался поход на «Булку» (так мы называли скалу Найзатас), где старшим разрешалось совершить восхождение на её вершину. Бориса Сеннова братья отказывались, но потом, когда он пообещал не совершать «дурацких выходов», всё-таки взяли в поход. Мне на счастье: Борис поспособствовал мне скрытно влиться в группу старших, и я шёл по тропке между Геннадием и Борисом, который подбадривал меня, подсказывал, куда ставить ногу, чтобы не свалиться с крутизны.

На поверхности «Булки» – чудо из чудес. Площадь поверхности небольшая, но самое интересное – на ней около двенадцати котлованчиков с обрывистыми краями, глубиной и диаметром метров до трёх. На дне некоторых была прозрачная вода. А какая панорама с вершины «Булки»!

Да, я преодолел страх, забравшись на «Булку». Брат похвалил меня, а я был благодарен ему и Борису. Если бы не они, не бывать мне на вершине скалы Найзатас!

Запомнился мне и поход в пещеру. Она находилась в лесу за посёлком Джамбак. До него шли по дороге, а затем бездорожьем по пересечённой местности, чистым лесом. Сама пещера в виде грота в скале мне запомнилась только тем, что там было достаточно темно и сыро. С потолка капала вода. Пробовали её на вкус. Вожатый говорил, что в этом гроте когда-то жили древние люди. Но больше всего, по-моему, нас восхищали скалы причудливой формы, которые встречались нам в пути. Каждому такому природному изваянию мы пытались присвоить своё название.

По окончании сезона устраивался большой пионерский костёр. На другой день с утра – сборы домой.

В четвёртом классе я учился вместе с Геннадием. Его расхлябанное отношение к учёбе в какой-то мере отразилось и на мне. Заниматься уроками дома не было никакого желания. Меня спасала Богом данная память. Мне было достаточно внимательно прослушать на уроке учителя, чтобы уверенно ответить на твёрдую «тройку».

Летом этого года наша мать вдруг собралась сменить место жительства. Списалась с братом – дядя Илья Григорюк со своей семьёй проживал в городе Темиртау. Но кому мы там были нужны? Дядя Илья с женой Галиной и ребёнком ютились в однокомнатной квартирке в доме барачного типа, без всяких удобств. Мать долго не могла трудоустроиться. Деньги, вырученные от продажи коровы и дома, заметно «уплывали». Не знаю, чем бы всё это кончилось, если бы нас не обворовали: после стирки женщины высушенное бельё сложили на стол, стоявший ближе к окну. Ночью неизвестный через форточку всё это вытащил. Это было последней каплей терпения, и мать собралась в обратный путь.

В Майкаине купила дом-мазанку, но уже чуть побольше того, в котором мы жили раньше. Мать с Галиной расположились в комнате, а мы с Геной – на кухне. Спали на широченной деревянной кровати.

Слева по входу жила многодетная немецкая семья – три сына и дочь.

Хозяин – дядя Ваня Альт – высокий, чуть ссутулившийся мужчина, работал на стройке плотником. Старший сын жил со своей семьёй рядом. Младшая дочь Маруся – щуплая невзрачная девчонка. Ей достался в наследство от отца большой нос. Петька – наш ровесник и такой же шалопай, как мы. Альты жили в достатке. Имели свою живность, которую содержали в сарае напротив дома через дорогу. У нас с Альтами сложились хорошие добрососедские отношения.

Справа за нашими окнами были окна соседей-казахов. Но вход в их жилище был с другой стороны. Я их почти не знал. Одно запомнил: хозяйка часто готовила курт и иримчик, которые сушила на крыше. Геннадий каким-то образом узнал об этом. Я придерживал входную дверь, а Гена по ней взбирался на крышу мазанки и по-кошачьи добирался до листов с куртом и иримчиком, брал немного в карманы и быстро назад. Курт – выжатый в кулаке кислый творог и высушенный на солнце. Иримчик – это тоже творог, но сладкий, с добавлением ванилина и не сжатый, а просто подвергался сушке на воздухе.

В нашем доме много места занимали сени. Бывшие владельцы, по видимому, держали там скот, а перед продажей всё очистили, освободили. Как планировала мать, можно было всё это благоустроить, расширить жилую площадь, сделать отдельно кухню. Но пока эта площадь была занята нами, детьми. Особенно в непогоду. Где ещё лучше найти место для игры в зоску (лянг), в асики, в орлянку или пристенок?! У нас появились новые друзья: конечно же, Пётр Альт, Роберт Цыгиман, Виктор Антонов, Жёня Никишков, Борис Богомол, Виктор Фельк и другие.

Зимой, когда выпадало побольше снега, мы все уходили на гору Малый Майкаин. Своих лыж у нас с Геной не было. А кататься с горы очень хотелось. Что делать? Геннадий придумал. После занятий в школе он повёл меня не прямой улицей к дому, а предложил сделать небольшой крюк, ближе к казахской школе, двор которой был огорожен забором из деревянной рейки. Гена шёл вдоль забора, дёргая за верхушки рейки, и те, что были слабо прибиты, он отрывал и передавал мне. Раздобыв таким образом четыре рейки, мы скрылись. Дома Гена с помощью топора и ножа округлял, загибал концы реек, затем прибивал ремни в качестве креплений

для валенок, и мы гордо шли с этими лыжами на гору. Для пущей важности Гена отшлифованную скользящую часть лыж натирал воском.

В те годы в системе образования нашего огромного государства значилось: начальное образование – 4 класса; неполное среднее – 7 классов и среднее – 10 классов. Начиная с 4-го – назначались переводные экзамены. Пришёл и мой черёд пройти это испытание. Я, как и мой брат, да и как некоторые, к экзаменам отнеслись без особого энтузиазма. Всё сводилось на «авось».

За день до начала экзаменов я почувствовал себя плохо. Поднялась температура. Но я в школу пошёл. Предстояло сдавать математику письменно, не знаю насколько верно, но очень быстро я в черновике выполнил задание и собирался переписать решение в чистовик. Но писать уже не мог. Меня стало трясти. Рядом сидевший со мной за партой подталкивал меня локтем, умоляя прекратить «баловство», а затем обратился к учителю, заявив, что я ему мешаю писать. Учительница подошла ко мне и сразу поняла, что происходит со мной. Меня трясло, лицо покраснело. Она пробежалась по моим записям в черновике, спросила: «Ты, Витя, болен?».

– Не знаю, но мне плохо, меня трясёт.

Учительница переговорила с присутствующими экзаменаторами, подошла ко мне и заявила, что зачтут работу по черновику, а сейчас я могу идти домой.

Признаки заболевания – малярия. В те годы она часто свирепствовала у нас. Дома я выпил таблетки хинина – горькие, противные; лёг в кровать, укрывшись одеялом.

Через пару дней – другой экзамен. С утра я себя чувствовал относительно хорошо и потому отправился в школу. Мне было приятно находиться на улице, ощущая тёплые лучи солнца. Но до начала экзаменов меня вновь стало трясти. Я отошёл к жилому дому, прижался к стене. Она была тёплая – солнечная сторона, затем присел на корточки, но не удержался и упал, растянувшись вдоль стены. В классе обнаружили моё отсутствие. На поиски отправили брата. Гена сразу заметил меня. Ему ничего не надо было объяснять. Об этом он сообщил учителю, и с его разрешения повёл меня домой. Ноги меня не слушали, тогда брат взвалил меня на свою спину.

Больше недели я провалялся в постели, то замерзая, то сгорая от жары. От экзаменов меня освободили. В пятый класс перевели по годовым оценкам.

В пятом классе я учился «спустя рукава». Особенно были пробелы в математике. До экзаменов по этому предмету меня не допустили. Оставили «на осень». Но и «осенью» я не справился с заданием и получил «неуд». Остался на второй год.

В 1952 году закончили строительство новой двухэтажной школы. Просторные классы, большие коридоры, где проходили занятия по физкультуре, проводились «линейки», другие мероприятия во время большой перемены и, конечно же, устанавливалась новогодняя ёлка.

Встреча Нового года в школе – это всегда радость: получить бумажный кулёк – подарок от Деда Мороза. Для нас, бедняков, наступление этого праздника заключалось в том, что появлялась возможность ходить по домам как к знакомым, родным, так и другим жителям посёлка. Готовились к этому по-разному: мастерили маски, да чтобы пострашнее, выворачивали наизнанку верхнюю одежду, шапки и стучались в двери, чтобы своими писклявыми голосами прокричать: «Сею, вею, посеваю, с Новым годом поздравляю!». За это нас одаривали конфетами, выпечкой. А иногда давали копейки.

Мне шёл четырнадцатый год. В этом возрасте кое-кто совершал подвиги или какие-то поступки, или достигал каких-либо успехов в учёбе, спорте. А я, как все наши дворовые ребята, проводил время впустую. Сам ни к чему не стремился, и меня никто не примечал, ни во что не вовлекал.

Однажды через Женьку Никишкова мы узнали, что набирают работников – и подростков тоже – для сортировки вскрышных земель, которые были свезены и свалены недалеко от карьера. В этих отвалах было много полиметаллической руды, содержащей в себе как золото, медь, свинец и серебро. Мы заинтересовались этой работой.

Она была простой, но трудоёмкой. И всё-таки мы вчетвером вышли на работу. Бригадир указал нам кучи грунта, показал место, куда необходимо складывать руду, извлечённую из породы. Этой работы нам хватило на два дня. Бригадир тут же выдал нам семьдесят пять рублей. Это были трудовые, коллективно заработанные деньги. Однако бригадир одну двадцатипятирублёвую купюру отдал Женьке Никишкову, а остальные деньги на нас троих – мне. Когда подсчитали, что на троих осталось гораздо меньше, чем Женьке одному, тут же мы сговорились и убедили Женьку всё-таки поделить заработок поровну. Он без особого желания согласился. Но когда мы приблизились к нашему дому, он вдруг завозмутился и стал требовать вернуть ему двадцать пять рублей. Мы не соглашались, объясняя, что руду складывали все вместе. Деньги необходимо делить поровну. Женька убежал к себе, распустив сопли, а мы зашли ко мне домой и, сидя в кладовке, намеревались разделить деньги на четверых. Для этого надо было разменять купюры на более мелкие. И тут в кладовку вошла Женькина мать. Из моих рук она выдернула купюру в двадцать пять рублей со словами: «Бригадир дал их Жене, значит, он их заработал», – и ушла. Наши возражения она даже и слушать не хотела.

Женькина мать преподала нам достаточно убедительный урок, что не все в мире равны.

Не знаю, кто как распорядился своим заработком, а я, после дележа сбегал в магазин спорттоваров и купил дешёвые, из кожзаменителя тапочки, а также мяч – дерматиновую покрывку с камерой. Вот уж было удовольствие для всей дворовой ребятни! И Женька тоже приходил. Мяч с такой покрывкой был рассчитан для игры в волейбол, но никак не в футбол. И потому покрывка часто расплзлась по швам.

По-видимому, от безделья меня осенила мысль съездить в Джасыбай. И в один из субботних дней, когда совершались коллективные выезды туда, я, можно сказать, случайно оказавшись около гаража, откуда

отправилась автомашина с людьми, уже на ходу через задний борт заскочил в кузов. Взрослые, находившиеся в кузове, просто улыбнулись моей сноровке, и никто из них не выразил протеста. К вечеру я был уже в пионерлагере. На мне были штаны со сквозными дырами на ягодицах и колленках. Снизу штанины разошлись по швам. Рубашка также была далека от свежести. В таком виде было рискованно появляться на территории лагеря.

От озера, где мы остановились, я лесом, скрываясь за камнями и кустарником, дошёл до палаток, оставаясь для всех незамеченным. Среди бегавшей детворы я заметил одноклассника и, выбрав момент, подозвал его к себе. Он удивлёнными глазами смотрел на меня, на мою одежду, спросил: «Витёк, ты что здесь делаешь, как ты здесь оказался?». Я развёл руки, как бы подчёркивая, что и сам не могу понять, что происходит, сказал: «Вот приехал на машине, а теперь не знаю, куда деваться». В это время прозвучал горн, приглашая на ужин. Я попросил одноклассника принести из столовой хлеба. Он согласился и убежал. Начало темнеть. Я сидел на камне, нагретом за день солнечными лучами. Появился одноклассник перед построением на вечернюю линейку. Он был в чистой белой рубашке, с красным галстуком. Задержку свою объяснил тем, что был занят какими-то мероприятиями. Передал мне два тоненьких кусочка хлеба и предложил мне после отбоя провести ночь в их палатке.

На территории лагеря всё утихло. Я потихоньку пробрался в палатку. Одноклассник, ожидая моего прихода, позвал меня к своему месту на нарах. И только я прилёг, как за дверью послышались шаги и голоса пионервожатых. Они пришли с проверкой – все ли на месте? Спросили – не заходил ли кто из посторонних. Мальчишки в один голос ответили – «нет!» Вожатые ушли, приказав никого не пускать в палатку. По-видимому, моё появление в лагере не осталось незамеченным. Я же соскочил с нар и забился под ними в дальнем углу, прижимаясь к холодной дерновой стене и земляному полу. Сидел там, пока меня не позвали. Чуть забрезжил рассвет, я покинул своё убежище.

На улице меня обдало утренней прохладой. Не боясь быть обнаруженным, я смело от палатки по территории лагеря пошёл к дороге, ведущей в Майкаин. Дошагал до озера, где мы часто ловили рыбу, и по каменным плитам отправился дальше. Метров через двести-триста – развилка. Одна в Майкаин, другая в обход озера вела в Баянаул. Минуту поразмышляв, двинулся в правую сторону – в Баянаул, не осознавая: зачем? Дорога знакомая. Солнце быстро поднималось, становилось теплее. Вскоре на горизонте появилось озеро Сабындыкуль, у побережья которого находился посёлок Баянаул. Считалось, что с этого места до посёлка около семи километров.

Зайдя в посёлок, я вдруг решил найти тот дом, в котором мы когда-то жили. Маршрут был выбран верный. Слишком близко подходить к дому я не решился и шёл по тропинке ближе к домам противоположной стороны улицы, обращая свой взор на дом, из которого около десяти лет тому назад в кузове грузовой автомашины мать отправила меня в Майкаин к дяде

Ване. Увлечённый этим, я чуть не столкнулся с женщиной, которая стояла у своей калитки. Низенькая, средней полноты, с сединой на голове, одетая во всё тёмное. Только передничек был посветлее и цветастый. Она молча смотрела на меня без всякого удивления. Вот это да! В этой красивой женщине я узнал подругу матери, соседку тётю Марусю Бутакову. Я был обрадован этой случайностью, тем более что и тётя Маруся узнала меня. Пригласила в дом. Напоила чаем.

Я без всяких утаек рассказывал всё, о чём она меня спрашивала. И когда она убедилась, что я не беглец из дома, а просто безмозглый шалопай, успокоилась. Глаза её уже смотрели на меня без прищура, более открыто, отчего она мне казалась ещё добрей.

Ближе к обеду дома появились дядя Коля (если память не изменит) – её муж и Валера – её сын, с которым я дружил в самом малом (до пяти лет) возрасте.

Не буду описывать, как я провёл время в доме Бутаковых, но то, что мне было хорошо – факт.

Догадываюсь, что тётя Маруся созвонилась с моей матерью и известила её обо мне.

Дядя Коля работал лесничим и однажды он взял нас с Валерой в лес. В лесу дядя Коля обнаружил и поймал маленького серого зайчонка. Передал его нам в руки. Мы с Валерой полюбовались этим трясущимся от страха комочком, погладили, пытаюсь успокоить. Поочерёдно с Валерой носили зайчонка на руках. А затем, возвращаясь домой и проходя мимо того места, где был пойман зайчонок, по просьбе дяди Коли мы отпустили его на волю.

Тётя Маруся встретила меня с какой-то тревогой на лице, а затем сказала, что у меня в селе Алексеевка (это километрах в пятидесяти от Баянаула) есть родственники, и они сейчас придут за мной. При этом добавила: «Всё-таки у родственников спокойнее».

В Алексеевке проживали родственники по линии матери: семьи Кулидиных, Навалихиных и другие.

Через некоторое время за мной зашёл Володя Кулидин. Мой ровесник. С ним дошли до здания почты, где стояла запряжённая телега с небольшими бортами, заполненная сеном. В ней уже сидели несколько человек. Ждали нашего прихода.

С Володей мы сразу побратались, моему внешнему виду он не придал никакого значения.

В Алексеевку приехали, когда стало темнеть. В корыте помылись, напились молока с хлебом, испечённым тётей Галей, и легли спать. Тётя Галя дала мне Володиные трусы, штаны и рубашку.

В Алексеевке меня познакомили с родственниками. Подружился с некоторыми ребятами. Время проводили, по сельским меркам, весело и дружно. Вечером ходили в кино, куда чаще всего старались проникнуть без билетов.

Прошло несколько дней, пролетевших для меня быстро и незаметно.

Однажды тётя Галя позвала в дом и, показав на стопочку одежды, предложила мне переодеться. При этом она озабоченно смотрела на меня. На столе лежали неузнаваемые мои штаны, рубашка, трусы. Вещи были чистые, выглаженные. На штанах ни одной дырки. Они были заштопаны, наложены аккуратные, под цвет брюк, заплатки. Когда я переоделся, тётя Галя осмотрела меня, вздохнула и сказала: «Извини, Витя. У меня пока нет новой для тебя одежды. Отремонтировала как могла». Будто стесняясь своих слов, тётя Галя попыталась встать со стула, но я – до сего времени не могу толком объяснить, откуда во мне такое появилось – подошёл к ней и, чуть не плача от радости, стал её благодарить, поцеловал её жилистые, натруженные руки.

Тётя Галя погладила меня по голове и сказала, что с минуты на минуту подъедет машина. На ней я могу доехать до Майкаина, где меня ждёт и переживает мать.

Дома меня встретили спокойно, без взбучки. Мать была довольна тем, что я, бродяжничая, не натворил бед. На меня никто не жаловался, и сам я был невредим, тем более в чистой, хоть и заштопанной, одежде, что избавляло мать от лишних забот.

За время моего нахождения в «бегстве» я и не знал, что мать решила сменить место жительства. Вскоре дом был продан, собраны все необходимые школьные документы, а затем и вещи (два-три узла с пожитками), и мы на поезде (для меня впервые) из города Павлодара уехали в Сибирь – в посёлок ТуимШиринского районаКрасноярского края.

Как пришла матери в голову эта затея, кто надумил её – не знаю. В Туиме в то время жили наши односельчане Баженовы. По-видимому, как-то она с ними списалась, договорилась. Тем более, по приезду в Туим мы поселились в их квартире и прожили несколько дней до покупки своего дома.

Туим – рабочий посёлок, что и Майкаин, с горнодобывающей промышленностью. В посёлке проживало и трудилось много бывших заключённых, что накладывало определённый отпечаток на отношения между людьми, атмосферу обитания. Местность – чисто сибирская, таёжная, гористая. Мать купила небольшой домик, недавно небрежно срубленный. Состоял он из небольшой комнаты и такой же кухни. Разделяла их печка. При входе – небольшие сени. Двор большой. Ближе к огороду стоял сруб, где планировалась баня. У дома участок земли – сотки три – засажен картошкой.

Когда было всё согласовано с куплей-продажей дома, бывшая хозяйка повела мать в лес, где на небольшом участке, свободном от зарослей, была посажена картошка, переходившая в нашу собственность. Взяли и меня с собой в надежде, что я лучше запомню место.

Наш дом стоял на улице Ключевой. По правую руку от входа во двор жила семья Королёвых, а по левую – Барсуковых. И с теми и с

другими у меня сложились очень хорошие соседские отношения. А с Петром Королёвым даже дружеские. Мы были ровесниками. Но он был намного ниже ростом. Сдружились так, что порой и часа не могли быть друг без друга. Нас многое объединяло: у них была гармонь – и у нас, у него был велосипед – и у меня. А это для тех времён ох какое богатство! Любили петь дуэтом. Особенно вечерами, проходя мимо домов, в которых жили наши сверстницы. Но особенно нас объединило отвратительное отношение к учёбе. Я учился в шестом классе, а он, окончив кое-как пять классов, вовсе не желал учиться. В школу не ходил. Но дядя Ваня – отец Петьки – заставил его поступить в ФЗО для учёбы на каменщика.

В разговоре Пётр говорил, что научится класть печи. Вот тогда он и заживёт.

Мать работала парикмахером. Геннадий поступил слесарем на рудник. Мы с Галиной ходили в школу. Она – в пятый класс. Но посещала школу недолго. Девчонке 16 лет, а она только в пятом классе. Устроилась тоже куда-то.

Жизнь шла своим чередом. Мне тоже учиться не хотелось, хотя в школу ходил с удовольствием. Видно, для разнообразия. Вечера да и ночи, порой до утра, проводил у Барсуковых. Семья их состояла из пяти человек: тётя Паша – глава семьи, дядя Петя – её муж – работал в быткомбинате. Занимался заготовкой дров в тайге. Старший сын Федя – инвалид, полоумный парень. Он тоже работал с отцом на заготовке дров. В этом деле много ума не надо – была бы сила. А Федя обладал ею. На работе числилась тётя Паша, а сын отрабатывал; две дочери – Валентина, чернобровая красавица, и Нина. Жили в надежде выгодно выйти замуж. Дом у них был большой, но комнат всего две.

Тётя Паша не запрещала нам, молодёжи, собираться в их доме, где мы могли спокойно играть в лото, очко. Да и сама она частенько принимала участие в этих играх.

Окончание в следующем номере.

Людмила ЛАЗАРЕВА

Посох Байбосына

Фантастическая повесть

Было время, когда Земля, окутанная лесами, представляла собой рай. Было время, когда наши корни сплетались друг с другом и передавали из поколения в поколение простую истину – умение жить. Деревья находили себе пару и даже влюблялись! И каждый раз при восторженном соитии мужского и женского начала цветы превращались в плоды. Созревая, плоды опадали в благодатную почву, прорастали. Вот она – любовь Земли и Неба! Столетия сменяли столетия. Росло и множилось живое. Связь миров, как единое целое. Мир растений – душа, нервы и кожа планеты Земля. Земля к нам, деревьям-великанам, относилась по-особенному трепетно и бережно. Каждый из нас был частью единого целого, сохраняя и передавая энергию Света. Наши ветви тянулись к солнцу, пытаясь дотронуться хоть листочком до золочёного диска. Наши корни впитывали и делились с другими мудростью рода. Наши семена разлетались с помощью ветра и птиц, уплывали с потоком воды, разносились животными и даже людьми на далёкие расстояния. Было время. Было время, когда нам поклонялись, как богам.

***

Профессор слыл личностью странной и неординарной. И если он читал лекцию первой парой, то не опаздывали даже студенты «совы», а «жаворонки» кружили у закрытой двери за полчаса до начала «представления», боясь опоздать на премьеру. Особый магнетизм речи Профессора и тембр его голоса завораживали учеников, как волшебная флейта.

– Господа, мир прекрасен в разнообразии форм и представлений о нём. Но есть тема, которая требует особого внимания и уважения. Время, вот что веками тревожит величайшие умы человечества. Некоторые считают, что время, выделенное для чего-то, имеет начало и конец. Возможно, и они правы – закончится, к сожалению, даже моя лекция. Не так ли? Замечу, у всего в природе есть начало и есть... Нет, не конец. Лишь частичное изменение, похожее на смерть. Ибо жизнь – вечная материя. Она может трансформировать форму, менять содержание. Но константа всего живого остаётся неизменной. Стремление оставить после себя достойное потомство себе подобных. Жизнь в любом проявлении – благо. Так было. Так есть. Так будет. – лектор вынул из жилетки часы на цепочке, откинул позолоченную крышку, улыбнулся чему-то своему, поднял вверх указательный палец. – Слышите (в аудитории прозвенел звонок), время гонит нас вперёд и требует уважения.

Лекция подошла к концу, но что-то удерживало студентов на месте. Они будто знали, или чувствовали некий подвох.

– А теперь, дамы и господа, объявление, – так и есть. Интрига и продолжение беседы на перемене была обеспечена. – Я срочно уезжаю в командировку. Потому достойно и с пристрастием вашему слуге принять зачёт не удастся.

– Как же так? Почему? – аудитория зашумела, затараторила. Аудитория взорвалась! Неожиданные перемены всегда наводят на крамольное и негативное. – Кто останется вместо вас? Так нечестно.

– Тише, тише, – студенты ещё гудели. – Хорошо. Не будем откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, сейчас. «Автомат» каждому, у кого с собой зачётные книжки!

– Ура, браво! – зачётные книжки к концу сессии носили все. На всякий случай.

– Господа, на два тона тише, пожалуйста. Иначе передумаю, – восклицания одобрения сменились на аплодисменты. Так звучит листопад во время дождя. – Ну-с, начнём с первого ряда. С мест не вставать, не толпиться.

– Профессор душка!

– Наш человек, – студенты встали в длинную вереницу, ожидая зачёта, как манны небесной.

– Арман, надеюсь, ты как истинный капитан покинешь корабль последним? – только староста не боялся сидеть на первом ряду во время лекций, но сейчас любой из группы поменялся бы с ним местами.

– Армаша, передай мою зачётку на подпись, здесь такая толпа... – Гульназ знала себе цену и всегда пользовалась малейшей возможностью показать окружающим, что может крутить любым парнем в любой ситуации.

– Ар, послушай женщину и сделай наоборот. Получи зачёт последним.

– Фи, грубиян. И ладно, подожду, когда вы разойдётесь.

– Последнее, – Профессор встал. – Тот, кто хочет откосить от сессии и поехать со мной «в поле» на два месяца, тот..

– Я! – прервал преподавателя взволнованный голос с галёрки.

– Меня возьмите!

– И меня.

– Я тоже не откажусь.

– Поехать в экспедицию сможет каждый, кто откажется от «автомата». Любой, кто рискнёт здесь и сейчас сдать экзамен по моему предмету... – гробовая тишина в аудитории, будто нет ни одной живой души. Испарились. Убежали. – ... По моему предмету без подготовки. На принятие решения три минуты. Время пошло.

– А если не получится ответить? – всё тот же голос с галёрки подлил масла в огонь.

– Тогда передача осенью, раньше не ждите. Дела архиважные, други мои. Итак? По правую руку – экзамен. По левую – «автоматчики», – о том, что Профессора среди студентов зовут «Левша» не знал только глухой. – Меняю свой автограф на вашу зачётку.

Длинная вереница получить халявный «автомат» таяла быстро. Раз. Два. И вот она – заветная подпись самого крутого из преподавателей. Без

нервов. Без шпаргалок, зубрёжки и переживаний. Легко и просто. Каждый знал, либеральному с виду Профессору сдать сходу предмет мог только гений или сумасшедший.

Через несколько минут в опустевшей аудитории осталось трое. На первой и на последней парте парни, а посередине девушка.

На первой парте восседал староста курса Арман. Несбыточная мечта всех девчонок института. Отличник. Владелец великолепной памяти и идеальной внешности киногероя. Высок. Строен. Широк в плечах.

На последнем ряду алела рыжая шевелюра Вариса, разгильдяя и баламута, который постоянно напоминал окружающим, что ударение в его имени исключительно на второй слог. Его раздражало, когда старинное русское имя извращали другим звучанием. Гораздо чаще парня звали просто Вар. А девчонки нежно шептали «Варушка». Учился он в полнакала, будто делал одолжение, но умудрялся, тем не менее, сдавать сессию без хвостов. Вар отличался среди сверстников нанотехнологичным росточком и впечатлительной натурой.

Ровно посередине красовалась Гульназ. Девушка точно знала, что не упустит возможность, (даже на одну сотую процента) провести лето в обществе неприступного Армаши. А зачёт «автоматом» пусть летит к черту. До осени ещё далеко. Если что, времени подготовиться будет достаточно.

– Тяните билеты, други мои, – на столе рассыпалась пачка тетрадных оборвышей в клеточку.

Билеты, что там? Экзаменационные вопросы Профессора всегда отличались оригинальностью.

***

Купец Байбосын водил караваны по Шёлковому Пути почти всю жизнь. Его уважали, а порой и побаивались. Кому захочется связываться с человеком, который одним лишь взглядом мог остановить разгорячённого скакуна и странным мычанием вперемежку с клёкотом превратить дикого коня в послушного друга и помощника.

Ещё мальчиком Байбосыну посчастливилось стать мюридом – учеником старшины общины дервишей. То было странное время, тревожное. Отец намеренно отдал десятилетнего сына в ученики. Дервиш, принявший обет бедности, стал для мальчишки вторым отцом и первым наставником. Из шёлковых одеяний в холщёвую рубашу. Что может быть страшнее для избалованного материнской любовью первенца? Мама, милая мама, рыдала и целовала ноги отцу, моля о милости оставить сына рядом. Но тот был непреклонен. Богатство развращает. Что может быть хуже для юноши в эпоху перемен? Постоянная борьба за власть и за новые территории среди соплеменников могла в любой момент испепелить кочевье, спрятавшееся далеко в горах. Мальчиков, выросших выше колеса арбы, не жалели и предавали смерти. А Байбосын был на удивление высок.

Так, Байбосын ещё ребёнком впитал знания великих суфиев и понял, золото и серебро не самое важное в жизни. Года два он жил в обители («ханаке») под началом шейха – блюстителя порядка. Иногда бродяжил вместе с наставником, питаюсь мирским подаванием. Периодически возвращаясь в общину, Байбосын проводил время в молитвах и постах.

Когда ему исполнилось семнадцать, умер отец, оставив старшему сыну немного скота, юрту и многочисленную семью малолетних братьев и сестёр. Выжить в таких условиях оказалось труднее, чем бродить мюридом по свету. Ещё один голодный рот в семье? Именно поэтому Байбосын напросился погонщиком в караван, уходивший в Китай. Мать отдала сыну немного золотых украшений и кое-что по мелочи.

Через год, вернувшись окрепшим батыром, способным держать меч, Байбосын вновь вернулся в кочевье. В седельной сумке каждому из семьи были припасены подарки. На удивление, междоусобица не коснулась высокогорья. Лето и осень принесли много забот со скотом. Приятных забот, связанных с продажей многочисленного приплода овец. Жить бы да радоваться! Но зима принесла лютый холод, часть скота помёрзла, вокруг рыскали голодные стаи волков и резали овец набегами, истребляя поголовье. Этой же зимой умерла мать, и на руках Байбосына остались три сестры и шесть братьев. Самому младшему к тому времени исполнилось пять лет.

Прошёл год скорби. И весной на празднике весеннего равноденствия молодой глава рода выдал замуж сразу трёх сестёр в одну семью. Их мужьями стали три родных брата. Малышей взяли на воспитание новые родственники. Разделив скот на четыре равные части, Байбосын отдал три из них сёстрам. Новость, что мюрид Байбосын не только не взял калыма за сестёр, но и сам поделился тем, что имел, облетела близлежащие кочевья.

Воспитание и законы дервишей вошли в его кровь – только так можно было объяснить сей странный поступок. Свою четвертую часть он продал и с кошельком монет вновь ушёл в Китай, а затем в Индию по Великому Шёлковому Пути.

Что за человек этот Байбосын? Молодой и горячий батыр? Отчасти да. Несостоявшийся дервиш, который делится с близкими имуществом, не думая о себе? Отчасти да. Будущий купец? Или глупец, выбравший дорогу вместо уютной юрты, молодой жены и тучного стада овец? Отчасти да.

***

– Профессор, посмотрите, – Арман протянул деревянную резную пиа-лу. – Нашёл у старого кострища.

– Ну-ка, ну-ка. Сандал? Нет. Что-то другое... Откуда? Удивительно, – глаза искрились от восторга. – Варис, прими находку в лабораторию.

– Да, Профессор! – донеслось из соседней палатки.

– Проверь возраст сего артефакта.

Лаборатория, она же палатка, была напичкана разнообразными приборами. Доставить на точку сложное оборудование оказалось нелегко в прямом и переносном смысле. Груз по горам везли на двух лошадях, с трудом договорившись об аренде вьючных животных с местными жителями.

– Так сразу и артефакт, – ревниво прошипел Варис, забирая найденный предмет. – Ар, ты её в индийском магазине когда купить успел? Да липа всё это. Ли-па! Профессор, не может артефакт сохраниться так в естественных условиях. Не верю.

– Просто проверь – отчеканил Профессор. Он вошёл так тихо, что ни Арман, ни Вар не услышали даже шороха и оттого вздрогнули. – Привыкай делать выводы только после исследований.

– Есть, проверить. Армаша, не горюй. Наша экспедиция не только археологическая, но и с биологическим уклоном, так сказать. Посему, собирай гербарий, это у тебя лучше получается, – рыжая шевелюра склонилась над столом. Парень попытался отщипнуть перочинным ножом частичку древесины. Не получилось. Ещё раз. Лезвие ножа соскальзывало, будто от стекла. – Что за чёрт..

Последующие два часа, используя все возможные варианты, трое исследователей с трудом срезали тончайший слой со дна пиалы.

Предположения оправдались, возраст находки привёл в восторг.

– Ребята, скоро вечер. – очнулся Профессор. – Ар, где ты нашёл эту штуку?

– Недалеко, с пол километра от нас. У старого кострища, я же говорил.

– Так веди, пока не стемнело. Варис, возьми с собой фотоаппарат. Фиксируй всё: кусты, корни елей, даже следы на земле. Понял?

– Как не понять. А вы засекреченное оборудование возьмёте?

– Обязательно.

Об аппарате, что прислали из России в последний день перед экспедицией, первым узнал Арман. И то потому, что студент присутствовал волей случая во время передачи небольшого свёртка.

В тот день Арман помогал упаковывать химические реактивы. В дверь постучали, у порога стоял высоченного роста белобрысый парень с каменным выражением лица. Он вежливо спросил Профессора и скрылся вместе с ним на кухне. Беседа была на удивление короткой. (Благо перегородки в современных домах тонкие, их толщина не является препятствием для звуковой волны). Оговорили срок использования аппарата и только. Как и когда вышел незнакомец, Арман так и не понял. Человек будто пропал, даже дверь не хлопнула.

– А нам испытать дадите? – Арману не терпелось подержать тщательно охраняемое оборудование в руках.

– Нет, – отрезал Профессор. – Не время ещё. Вперёд, други мои.

Так, налегке с одним фотоаппаратом и с зачехлённым предметом, похожим по форме на обыкновенный термос, трое вышли из лагеря.

– Помните, я два дня назад говорил, – больше всех болтал Варис, – что ночью мимо нашего лагеря прошёл человек. Под уздцы лошадь вёл. Огромную, метра под два в холке будет. В ту сторону и шёл, куда Ар ведёт. Смотрите, следы от копыт!

– Сфотографировал?

– А надо?

– Естественно.

Надо так надо, сделано. Группа продолжила путь, Вар продолжал балагурить.

– Профессор, я понимаю, вы человек особенный, спасибо вам, что на зачёте не засыпали да с собой взяли. Я чел иррациональный, знаю. Но уверяю вас, отчасти гениальный. Школу в пятнадцать лет закончил, даже

в институт не брали. Дядька с трудом, через деканат пробил. Смотрите, какая каменюка! А рядом куст рябины. Валун красивый, щёлкну и его, на всякий случай. – Вариса почему-то морозило, и чтобы скрыть нервное напряжение, парень дал волю словоблудию. – У меня друг в Инете есть, фамилия смешная Рябина. Он тоже из вундеркиндеров. Сейчас с двумя братьями в Сколково лабораторят. Я им помогал расшифровывать интересный текст. Говорят, из самой Атлантиды.

– Атлантида? – не удержался от смеха Арман. – Почему раньше молчал?

– Скажи, попробуй. Засмеют. Мол, салага языком метёт, как помелом.

– Так и есть, – Ар щёлкнул болтуна по голове. – Саечка за враньё.

– Не вру я, не вру! У нас даже сайт был. В него девчонка одна тексты скидывала, которые братья Рябина на её адрес в паутине посылали.

– Фантастика – штука замечательная, Варис, но не доказуемая, – Профессор остановился, посмотрел внимательно в глаза болтливому мальчишке. – Странно, вроде, правду говоришь. Что, и старшего Рябину знаешь?

– Нет. С ним не знаком.

– А я знаком. Действительно, есть такой писатель в России. И его приёмным сыновьям недавно выделили лабораторию. Они архиважную тему изучают...

– Ваш секретный аппарат не оттуда? – гениальная мысль сама слетела с уст Армана.

– Нет, – Профессор понял, что сболтнул лишнее. – Не оттуда. Но проверку «в поле» пройти, хотя бы в частном порядке, должен.

У Армана будто щёлкнуло в голове.

Интересная информация. Врать Профессор не умел. Значит, аппарат, требующий испытания «в поле» от неизвестного Рябины. Вот когда открылась тайна, почему троечник Вар вдруг с блеском сдал сложнейший зачёт. Варис связан общими темами с какими-то парнями под такой же фамилией Рябина? Всё по знакомству! Везде и всюду, даже здесь!

– Вот оно как... – Арман кипел от гнева. Глаза налились кровью. Обернулся и уставился на Профессора, будто встретил инопланетянина. – А я вам тогда зачем? Мальчиком на побегушках? Арман, принеси сухих веток. Арман, разведи костёр. Арман, возьми срез с корня самой высокой и толстой ели. Арман – то, Арман – это!

– Что-о-о? – повысил голос Профессор.

Вспышка гнева у парня прошла так же быстро, как и появилась. Нужно было как-то смягчить ситуацию. Он понял, что погорячился. Ничего не оставалось, как искусно перевести разговор в другое русло.

– Жаль, что Гульназ провалила зачёт. Сейчас проблем хотя бы с готовкой не было.

Ар взглядом попросил поддержки. Да, Вариса раздражала горячность сокурсника, но что не сделаешь ради общей цели.

– Твоя Гульназ повар высшего разряда? Женщина на корабле – к несчастью. А у этой маникюр, как когти у птеродактиля. Тоже мне... – Вар недоговорил. Потянул носом, приняхался. – Люди, дымком пахнет.

– Хорошо, что напомнил. – Профессор тоже был немного смущён и с радостью принял правила игры. – Юноши, смотрите, сухостой. Запомните место, на обратной дороге заберём. Я вам такой чай с травами на костре заварю. Не чай будет, песня! А это что?

Впереди поблёскивал огонь.

– Древнее кострище! – заорал Арман. – Кто его разжёт? Всё рушится! Я ничего не докажу. Ни одной достойной фотографии, ни одного достойного внимания анализа почвы и углей. Ничего там больше не найти.

Троица ринулась к кострищу напролом.

– Туши, туши! – кричал Арман. Он вырвался вперёд и первым появился на поляне. У разведённого огня копошилась девичья фигурка. Палатка кое-как закреплена за огромный корень ели. Алая материя лениво трепетала на ветру, не желая натягиваться, как положено настоящему жилищу туриста.

– Что? – девушка оглянулась. – Ой, это вы?

– Гульназ? – Арман плакал, глядя в огонь, где рассыпался в пыль древний пепел, переворошённый женскими ручками.

– Армаша, я всё-таки нашла тебя.

– Гульназ-с-с? – прошипел Профессор.

– Ба! Девушка, какими судьбами? – нервно захохотал Варис. Он щёлкнул затвором фотоаппарата. Ещё несколько раз. Шаг за шагом. Шаг за шагом парень начал фотографировать местность, которая совсем недавно сохраняла следы прошлого. – Стой, не шевелись. Не шевелись, я сказал.

– Смотрите, что я здесь нашла. – Гульназ встала в позу победителя. – Вот!

Варис обернулся и автоматически запечатлел исторический факт. У горящего костра стояла высокая, стройная, как тростник, девушка. В одной руке она держала деревянный посох с закруглённым концом, в другой – узел из пёстрой шёлковой ткани. Что было в том узле, пока никто не знал.

– Деточка, опусти находку подальше от огня и отойди метра на два, – заискивающе пропел Профессор, расчехляя секретное оборудование. Неяркий свет, как от фонаря, коснулся посоха. Учёный осторожно развязал узел ткани. – Как интересно, будто вчера оставили. Идеальная сохранность. Возраст? – Профессор посмотрел на светящийся индикатор. – Не может быть! Арман?

– Я здесь.

– Забери леди и в темпе вальса отсюда. Я надеюсь, ты хорошо знаешь законы гостеприимства.

– Варис?

– Я.

– Не вижу должной расторопности. Демонтируй палатку и в лагерь. Я буду позже.

Китайчонок Ли

Зелёный храм со сводчатыми залами. В палящий зной – шатёр, тенистый сад. Даёт он кров и пищу людям, а птиц бесчисленные стаи находят в нём приют. Что это? Чудо из чудес божественного Света? Да. И дерево

при этом. Люди называют баньяном. Из одного корня баньян способен разрастаться в храм. Там ветви-корни-листья-цветы-плоды сплетаются в единое творение. В рощу. В сад блаженный. Защита мира и покоя жизни.

Среди гигантских фикусов – баньянов, сам Будда новое ученье создавал и просвещал народ.

***

Многие земли обошёл купец Байбосын. Он говорил на нескольких тюркских наречиях, постоянно изучал китайский, считая его самым сложным. Благо что рядом всегда был преданный слуга, карлик китайчонок Ли.

Карлик Ли был куплен как раб у диких монгольских воинов и боготворил хозяина, потому как не чувствовал себя рабом в его караване.

Несмотря на малый рост, человечку было около тридцати лет от роду, умел читать, считать и писать. До рабства у монголов он служил во дворце императора на женской половине. И занимался тем, что носил бумагу, сделанную из шёлка, даже помогал прекрасным пери осваивать каллиграфию. Можно сказать, Ли волей случая получил одно из лучших образований. Потом Ли попал в мастерскую краснодеревщика, делавшего ритуальные чаши, маски, вазы и посуду для дворца императора. Маленькие ручки карлика и здесь оказались очень кстати. Он занимался самой тонкой работой – инкрустацией, используя древесину священных растений: сандала, баньяна, пипала и даже ашока.

Ли попал в немилость, когда испортил при резьбе одну из ваз. Наказание не заставило ждать, его тут же продали диким монголам как забавную живую куклу. Суровым воинам говорящая игрушка быстро надоела. Забаву выкинули на улицу за ненадобностью и держали вместе с собаками.

Издевательства и насмешки, постоянный страх, что прожитый день – последний, сделали Ли похожим на забитого щенка. Он был уверен, что помрёт, как шелудивый пёс. Но судьба смилостивилась. Новый хозяин, купец Байбосын, не только отмыл и дал чистую одежду, он даже позволил охранять казну в поклаже купца. Так китайчонок Ли поселился в уютной и тёплой сумке, сделанной из нежнейшей кожи. Трястись на боку верблюда или лошади оказалось не так уж и плохо. Главное – Ли был жив, сыт, одет и пользовался особым вниманием хозяина.

Как Байбосын понял, что китайчонок образован, не мог понять даже сам Ли. И потому очень удивился, когда новый хозяин протянул ему чернила, перья и свиток редчайшей бумаги. С тех пор счастливый карлик с благоговением относился к способностям хозяина видеть, что невидимо глазу, слышать то, что невозможно услышать, и при этом не болтать лишнего. Ли учил хозяина родному китайскому наречию, с радостью делился всем, что знал сам.

Впервые в жизни Ли мог почувствовать себя настоящим человеком. Он путешествовал. Пусть не по своей воле, но разве это важно? Важно было другое. Каждый день маленький человечек встречал рассветы и провожал закаты в обществе настоящего волшебника. По крайней мере так казалось карлику Ли. А где это происходило: в Индии, в Китае, в степях или песках Азии – было неважно.

Вот и в тот день Ли прислушивался к голосам караванщиков. Куда теперь двинется хозяин Байбосын? «Самарканд. Самарканд», – шептали люди, показывая в сторону, где возвышались белые и бурые утёсы. Каменные глыбы стояли, как стражи над долиной, укутанной цветущими садами. Они делили территорию на две части. С одной стороны густая зелень, благодать Всевышнего. А с другой – пустыня, кишачая скорпионами, и горячий песок.

Караван остановился на отдых в небольшом ущелье. Здесь, на границе жизни и смерти, у небольшого озера рос огромный карагач в окружении кустов тамариска. Листья нижних ветвей были оборваны, и густо покрыты кусочками разноцветной материи.

– Где мы? – Ли подал хозяину пиалу с водой.

– На священной земле под сенью священного дерева. Женщины, старики и дети приходят сюда, чтобы попросить благодати небесной или здоровья своим родным и близким. Люди верят, что получают милость, ниспосланную свыше, если священное дерево донесёт их просьбы до небес. Даже мужчины приходят сюда, чтобы отдохнуть в тени, умыться, испить чистой воды и оставить лоскут одежды. Особенно часто сюда приходят в годы войны, в надежде на чудо.

Китайчонок Ли поднял голову. Огромное дерево загородило полнеба, оберегая людей от палящего солнца. Чёрный карагач трепетал яркими лоскутками, будто цвёл.

– Хозяин, это Ваша земля?

– Нет. Но здесь я почти дома. – Байбосын снял дорожные сапоги, с наслаждением опустил босые ноги в зелёную траву. – Разведи огонь.

– Мой дом там, где вы. – Слуга поклонился, побежал исполнять приказ. Нужно было собрать хворост. Недалеко от ствола гигантского дерева он увидел большую сухую ветку. Видимо, она надломилась, упав наземь от непосильной ноши желаний, а может быть, и от старости.

Находка порадовала, но оказалась довольно тяжёлой и громоздкой. Еле-еле человек дотащил ветку до будущего кострища.

– Что это? Как ты посмел? Со священного дерева ничего нельзя унести просто так. – Байбосын знал о предупреждении предков, но первым к ветви прикоснулся Ли. Именно ему и придётся держать ответ. А вдруг это подарок, дар небес?

– Если я нарушил закон, накажи меня, – Ли упал на колени.

– Хороший будет посох, – купец поднял сухую ветвь.

***

В далёкой Индии Байбосыну посохом служила ветвь дерева сал. Светло-коричневая, крупнозернистая древесина отличалась прочностью и имела особый смолистый запах. Да, такой посох ходил долго, но не поддавался резьбе или полировке. Оттого посох внешне казался чуть корявым, будто его выели муравьи. Рука привыкала к шершавой поверхности долго. Но привыкнув, будто прорастала в священное дерево. Местные жители Индии особо чтили эти деревья-гиганты. Они верили, что Боги делятся частью своей силы и передают божественную добродетель священным

деревьям, живущим не одно столетие. Сохраняя полученную энергию, деревья создавали вокруг себя особую ауру и растворяли сознание человека, внушая им особые чувства во время медитаций или религиозных служений. Кому как не Байбосыну знакомо это? Время молитвы, связь с Всевышним. Кому как не Байбосыну, ученику дервиша, чувствовать особую ауру живого?

Как не помнить время, проведённое под сенью баньяна, божественных деревьев пипал или ашока? Но те гиганты росли далеко-далеко. Там, где почти нет холодов и люди не знают, что такое снег.

Нет, посох, сделанный в Индии, годился только для дорог этой страны. А он, Байбосын, сын бескрайних степей и высоких гор, искал на своей земле предков не палку, которую можно выкинуть в пути и найти любую другую. Он искал настоящий посох. И нашёл его.

***

Караван остался у озера на ночлег. Прохладный ветер убаюкивал, чуть посвистывая в ветвях тамариска. Уснули все. Только не Ли. Человек решил угодить хозяину и вырезать удобный посох с закруглённым концом. Большой посох! Такой высокий, как и его хозяин. Всю ночь трудился мастер, но успел украсить резьбой лишь закруглённый конец. Древесина была жёсткой, слабо поддавалась обработке. Ли почему-то не смог содрать кору и оставил так, решив, что сделает это позже.

... Утром погонщики нашли карлика мёртвым. Его мозолистую ручку и древко нового посоха обвивала белая змейка.

Похоронили слугу Байбосына под кустом тамариска недалеко от священного чёрного дерева. И как только люди разошлись, на земляном холмике свернулась клубком всё та же змея.

Караван покинул место стоянки через день. Байбосын даже не предполагал, что так привязался к маленькому человечку. Ему не хватало верного слуги. И кому теперь поручить охрану его казны? Купец опустил руку в мешок, откуда ещё несколько дней назад выглядывала добродушная физиономия Ли. Что-то холодное и упругое обернулось вокруг кисти. Змея! Бесстрашный человек вынул руку на свет осторожно, чтобы не прятать глаза перед неминуемой смертью.

– Ты пришла за мной? – Байбосын не испугался, всё когда-нибудь происходит. Но почему именно сейчас? Гибкое тело, как живой браслет, обвил запястье, сверкая редким окрасом, серым с сетчатым белым узором. – Красавица, давай, я жду.

Момент, когда Байбосын достал из мешка ядовитую находку, заметили несколько человек его окружения. Никто не попытался помочь, боясь спугнуть. Люди ждали развязки. Купец что-то шептал змее, не сбрасывал с руки, не топтал её копытами коня.

– Зачем ты здесь? – алый язычок, лизнул руку. Змейка сама соскользнула в мешок, высунула голову, внимательно оглядела караван и исчезла в недрах казны любимого хозяина. – Ли, это ты?

Как только опасность миновала, караванчики с облегчением вздохнули, будто ничего не произошло, продолжили изнурительный и опасный

путь. О чём они думали? О том, что Байбосын умеет разговаривать со змеями? О том, что Байбосын удачливый человек, и его не берёт даже яд рептилий? А может быть, о том, что посох, вырезанный рабом Ли из ветви священного чёрного дерева, будет охранять не только своего хозяина, но и всех, кто находится рядом? Или о том, что казна каравана теперь под надёжной охраной? Но, пожалуй, каждый подумал о том, что душа китайчонка Ли вселилась в тело загадочной змеи.

А о чём думал сам Байбосын? В памяти проявился образ учителя, который не раз поучал маленького мюрида: «Посох для дервиша или другого путника не просто палка. Как бы ты ни передвигался: верхом на лошади или пешком, помни: всегда имей при себе обыкновенную палку. Она станет опорой в пути или даже защитой. Древко должно иметь удобную форму, определённый вес и размер под стать хозяину. Но самое главное, посох должен быть крепким. Дорога полна неожиданностей, не всегда приятных. Самооборона здесь – необходимость. Какой противник встретится, знает только случай».

– Благодарю, Всевышний, за дар небес. – Байбосын погладил посох, притороченный к седельной поклаже. – Нет крепче древесины, чем чёрное дерево родной земли.

***

В этот вечер в лагере царила особая тишина. Никто не хотел нарушать перемирие, тонкое, как первый лёд. Сказать, что Арман был зол на Гульназ, значит, ничего не сказать. Он был в бешенстве. Эта капризная девчонка испортила всё, что могла, да ещё присвоила пальму первенства себе любимой. Где и как она смогла найти посох и узелок с предметами, от которых у Профессора голова пошла кругом? Ведь у кострища Арман ничего подобного не увидел, хотя исследовал всю территорию. Значит, что-то особенное произошло, пока он собирал другие материалы для исследования. Но что?

Варис утверждал, что видел лошадь и спешившегося всадника. Возможно, именно всадник оставил странные предметы у кострища. Что же Гульназ? Она утверждает, что угли были ещё горячими, именно поэтому она остановилась здесь на отдых. Как городская фифа вообще решилась на дальний поход самостоятельно? На что и на кого она рассчитывала?

На обратной дороге к лагерю студенты собрали огромную кучу хвороста, но не смогли дотащить всё сразу, поэтому оставили часть на тропе у большого валуна.

Гульназ вежливо попросила ребят поставить её палатку поближе к костру, чтобы было теплее и, напевая, принялась готовить ужин, хозяйничая в чужих рюкзаках с провиантом, будто у себя на кухне. Друзья не стали возражать, пусть готовит, если ей в радость глотать дым и пачкать холёные ручки. Интересно, что она придумает особенного из стандартного набора продуктов: картошки, тушёнки, лука, вермишели, сгущенки и пряностей?

Профессор появился в лагере часа через четыре, когда солнце уже зашло и наступила настоящая ночь. В глазах если не испуг, то точно шоковое состояние. Даже божественный запах горячей пищи из дымящегося

котелка не смог удержать учёного у огня, и он поспешил продолжить исследование удивительного материала. Естественное желание любого мужчины сначала подкрепиться, а потом благоговейно предаваться работе, на него не действовало. Итак, Профессор нервно улыбнулся, подмигнул студентам и скрылся в палатке-лаборатории.

– Сюда не входите, – отрезал взволнованный голос. – Варис, работает ли у нас Интернет?

– Да, – Вар соскочил с места, откинул полог палатки. Профессор сидел спиной к входу и что-то записывал в блокнот, который всегда держал в нагрудном кармане. На столе горкой рассыпаны какие-то образцы в полиэтиленовых пакетиках. – Можно помочь?

– Последнее предупреждение. Не входите.

– Мы ждем вас на ужин. Все проголодались.

– Ешьте без меня, – Профессору льстила забота о его персоне, но когда истинный учёный занят делом и в его глазах загорается нетерпение, не следует сбивать мысли человека суетными предложениями бытия.

Повторять не пришлось. Ребята так проголодались, ожидая руководителя, что содержимое первой порции горячей картошки с мясом были проглочены вмиг. И только когда густая добавка легла на дно вылизанных тарелок, друзья с благодарностью посмотрели на Гульназ. «Сытый мужчина – добрый мужчина», – говорила бабушка Гульназ, когда учила внучку готовить. Девичья внешность часто бывает обманчива. За гонором и высокомерным взглядом нередко скрывается доброе сердце и удивительная способность выживать в любых условиях. Отличительная внешность, так сказать, внешняя красота для женщины чаще испытание, чем привилегия. Умение быть гибкой, покладистой, молчаливой, где надо, нередко становится важнейшим плюсом слабой половины человечества. Особенно, если необходимо уладить конфликт.

– Отчего наш Профессор восторжен, как золотой петушок на пике, когда увидел огромную палку, которую я нашла у костра?

– Глупая, – Арман сладко зевнул, наливая себе чай из горных трав. Ему нравилось поучать несмышлёную. – Ты не палку нашла – посох. Чувствуешь разницу?

– Не особенно, – повела плечиком девушка. Она точно знала, как быстро разговорить человека, достаточно просто прикинуться глупой и всякий раз заглядывать в глаза с чувством восхищения и любознательности.

– Понимаешь, даже посох посоху рознь. В древности считалось, что посох сделанный из особого дерева да с заговорами обладал магической силой и в трудную минуту оказывался единственным предметом, который способен помочь по-настоящему. Считалось, что данный предмет олицетворяет мужскую силу или даже власть.

– Точно, – подтвердил Варис, – особенно власть. Жезл Будды означал закон и порядок. А человек на древних гравюрах, держащий в левой руке посох с закруглённым концом, чаще всего оказывался кардиналом или епископом. Бог Гермес в греческой мифологии, Иоанн Креститель, много кто ещё имели такие посохи. Или вот, помнишь наброски Пушкина? Там почти все мужчины ходили с тростью. Думаешь, она лёгкой была?

– Уверена! Зачем дворянину тяжести носить.

– А вот и нет! – перебил Варис. – Трость весила от трёх до семи килограмм. Рукоятку часто из кости вырезали, металлом с драгоценными камнями украшали и намеренно утяжеляли. Такая трость нужна, чтобы рука всегда натренирована была для пистолетов или чтобы шпага, сабля казались легче во время сражения или дуэли.

– А я видела на одной репродукции дядьку, он посох с листьями в левой руке держал. Зачем ему живая палка? Она же мягкая, толком не обопрёшься, – не унималась Гульназ, чувствуя, что попала в точку и поток информации, обрушившийся на неё, будет очень кстати во время сдачи зачёта Профессору. Откуда он узнает, где и как получены ценные данные про обыкновенную с виду палку.

– Вот даёт! – обалдел от невежества Арман. – Как ты вообще у нас на курсе оказалась? Дядька с посохом покрытым побегам, наверняка был Иосифом Аримафейским*. Историю любой религии надобно знать, голубушка.

– Кто такой Аримафейский я не помню, – разобиделась Гульназ не на шутку. – Лучше принёс бы хворост. Профессор выйдет, а огонь погас, еда остыла. Нехорошо это.

– Тебе нужно, ты и иди, я спать хочу, – недовольно прошипел Арман. – Поддерживать тепло очага – привилегия женщин.

– Ну и пойду, – завелась с пол оборота дерзкая девчонка. – Так и скажи, что темноты боишься.

Гульназ резко встала, взяла фонарик и исчезла в ночи.

– Зря ты так, Армаша. Женщин нельзя обижать, к тому же опасно одной среди ночи в лесу ходить. Ты как хочешь, я следом за Гульназ прогуляюсь. Она права, на утро сухих веток, раз-два и обчёлся.

– Топай-топай, подкаблучник. Я в палатку пойду, меня не кантовать до утра, – Арман зевнул от души.

Варис не нашёл второго фонаря, потому намотал на палку тряпку, зажёт от тлеющего костра – получился вполне сносный факел. Он чувствовал себя первобытным человеком в огромном тёмном лесу, полном диких зверей и неожиданностей. Самое удивительное, что неприятные неожиданности не заставили себя ждать. У валуна, где ребята оставили большую горку сухого хвороста, лежал только включённый фонарь. Гульназ явно постаралась, забрав большую часть веток. Но куда она ушла в темноте? Возможно, Варис пошёл не по той тропе, и девушка сейчас уже в лагере? Тогда почему фонарь оставила? На заданные самому себе вопросы нужно было как-то отвечать. Варис захватил немного хвороста, чтобы не идти пустым, и вернулся в лагерь, неся в зубах фонарь. Факел к тому времени уже погас.

Костёр догорал, вокруг никого. Первым делом парень заглянул в лабораторию. Профессор спал, облокотившись на стол. Вот и пусть спит. Вторым делом он заглянул в палатку к Гульназ, хоть и стеснялся, – вдруг девушка переодевается.

---

*Иосиф Аримафейский — хранитель святого Грааля при дворе короля Сарроса.

– Тук-тук, – прошептал Варис, покачивая лёгкую материю у входа, ответа не последовало. Холодный пот пробил парня, куда делась Гульназ? Внутри никого не было. Сердце заколотилось бешено. Где искать пропавшую девушку?

Теперь не до вежливости, и Варис застучал изо всех сил по железной миске, висевшей в лагере на случай экстренного сбора.

Из лаборатории выскочил Профессор, из дальней палатки выполз Арман.

– Что ещё? Ты на время смотрел? – заорал Арман, он ненавидел, когда его будили.

– Что случилось, молодой человек? – вежливо поинтересовался Профессор.

– Гульназ! – Варис прижался спиной к ближайшему дереву, сполз по стволу. Ноги, не держали то ли от страха, то ли от нервного напряжения. – Гульназ пропала, пошла за хворостом и... пропала.

– Какой хворост ночью? Признайтесь, вы неважно пошутили, – не верил в происходящее Профессор.

– Она переживала, что костёр потухнет, а вы так горячего и не поели, – оправдывался Арман.

– Вы здесь на что? – заорал учитель.

– Что-что? То-о-о-о? – ответило эхо.

– Понимаете, я следом за ней через минуту пошёл, но её нигде нет...

– Говорите внятней, юноша. Где именно?

– Мы оставили кучу веток у валуна, недалеко отсюда.

– Я видел. Дальше?

– Дальше? – на глазах Вара заблестели слёзы, – дальше ничего... Большой части хвороста нет, фонарь, что она взяла, у валуна остался, а Гульназ исчезла.

– Да ладно, мужики, – успокаивал Арман, хоть и чувствовал беду. – Спряталась, наверное, за деревом, наблюдает, как мы здесь волосы на себе рвём. Гульназ, золотко, выходи. Шутка удалась, выходи, я не сержусь.

Ответа не последовало, только ветер трепал из стороны в сторону алый язык открытого входа, безразлично посвистывая в пустой палатке девушки.

***

Искали всю ночь. Обошли все тропинки, побывали на древнем кострище, в березовой рощице. Заглядывали под еловые корни, что змеями переплетались над огромными валунами. Кричали, звенели металлической посудой, закинули дрова в костёр, чтобы отблески огня помогли ориентироваться в кромешной темноте. Всё тщетно. Под утро в фонариках сели батарейки, костёр потух, а Гульназ так и не появилась, будто и не было её вовсе. Исчезла, как сон. Может, это и был сон? Или коллективная галлюцинация?

Руна Гебо

Деревья, наделённые душой, – живые сущности Земли и Неба! Услышь, собрат наш, человек, поверь! Что миром правит? Жизнь. Стремление корнями прорасти, цвести, плоды дарить земле, достойные продления рода. Деревья – не бездушные!

Возьмём хотя бы одного из нас. Смотри, перед тобою вяз. Две скрещённые ветви в форме руны Гебо. Мужское дерево – от корня до листа. Удача ждёт того и жизни красота, кто мир поймёт и будет убеждён, что вязом крепким был рождён. Он неудачников не любит, кто «раскисает» – силы придаёт. За прочность древесины «чёрным деревом» назвал его народ. В семье у вязов есть и карагач, растущий на камнях и скалах. В степи бескрайней, где пробилась родники, шатёр в зелёной роще, зною вопреки. Недаром древки копий прочной древесины, ценили воины и настоящие мужчины. Вселяет карагач отвагу, и удачу принесёт тому, кто посох сможет сделать из зрелой ветви. Что страх? Пускай карагача боятся!

Живое корчевать по прихоти – нельзя! У Матери Земли без ведома украв, ты можешь оценить её суровый нрав. Не жалуйся, когда она ответит каждому и отберет взамен достойную награду.

Забыли люди, грань переступив, что каждому дано рождением.

Достоин уважения лишь тот, кто разрешение у дерева возьмёт.

***

Гульназ ещё раз посмотрела по сторонам. Тропа еле видна, темно и страшно вокруг. Неужели ребята такие бесчувственные и никто за ней не побежит, не поможет? Тишина. Женщина поддерживала очаг, очаг требовал огня, огонь – пищи. Всё закономерно и на удивление просто. Бери в охашку хворост или ломай сухостой, да неси к очагу.

Сухие ветви были разбросаны по тропе, пришлось наклоняться за каждой и складывать в кучу. Чтобы было видно в кромешной тьме, Гульназ положила фонарь на землю. Ещё пару веточек, и хватит.

Что-то ухнуло сверху и пролетело над самой головой, задев ногтями волосы. Девушка вскрикнула, отпрыгнула в сторону, зажмурилась, но хворост из рук не выпустила. А когда открыла глаза, оказалось, что тропа не освещена. Погас фонарь? Нет, его просто не было, но зато появилась огромная луна, и ночное приключение уже не казалось опасным. Одно плохо, Гульназ потеряла ориентир. Налево или направо? Тропа огибала валун с двух сторон, и определить местонахождение лагеря можно было только по запаху костра. Девушка повела носом, принюхалась. Значит, всё-таки направо. Тропа под ногами пружинила, луна светила, впереди палаточный лагерь и трое недовольных мужчин...

Через несколько минут Гульназ увидела отблеск от костра. Радость-то какая! Девушка уже предвкушала, как она отчитывает нерадивого Армана, и как Варис прячет виноватый взгляд.

Ещё метров десять и она.... И она....

У костра сидели трое мужчин в странной одежде. Что за шутки?

– Не ждали? – юная особа с шумом опустила хворост на землю. Гульназ специально говорила на казахском языке, чтобы обратить на себя особое внимание именно Армана. – И как вам не стыдно?

Мужчины обернулись на звук женского голоса.

– Пэри! – прошептал первый.

– Дочь Дива, – решил второй.

– Спасибо, что пришла не с пустыми руками, – третий говорил на странном тюркском диалекте, но речь можно было понять. Незнакомец жестом предложил место у костра. – Кто ты, дочь луны?

***

Ни Профессор, ни Арман с Варисом не знали, что делать в первую очередь. Спустится в близлежащий посёлок и подать заявление о происшествии в полицию? Отправить срочное сообщение о поиске по Интернету? Или самостоятельно ещё раз тщательно проверить территорию и найти пропажу без шума?

– Друзья, – прошипел Профессор. За ночь поиска он потерял голос, что было удивительно, так как лужёное горло опытного оратора раньше никогда его не подводило. – Предлагаю вновь разделиться и поискать Гульназ при свете дня.

– Необходима помощь, вдруг она далеко зашла и заблудилась. Или уже в посёлке чай пьёт, а мы не знаем, – Арман не мог себя простить, ведь именно из-за него влюбленная девушка оказалась в опасности.

– Согласен, – кивнул Вар. – Чтобы поиск оказался оптимальным, необходимы её фотографии...

Варис зашёл в палатку-лабораторию, подсоединил к компьютеру фотоаппарат и начал скачивать все фотографии, что были сделаны за последние сутки.

– Все сюда! – голос Вариса дрожал от волнения. – Смотрите, что я обнаружил.

– Ну-ка, молодой человек, чем обрадуете? – Профессор отодвинул ученика и самостоятельно начал листать кадр за кадром. – Так, так. Кострище, наша Гульназ с посохом в руках, хороший кадр получился, его необходимо увеличить и объявить о поиске. Дальше какая-то ерунда...

– Ерунда? – завопил Варис. – Вы же учёный с мировым именем и не видите очевидного?

– Объяснитесь, молодой человек! – теперь вскипел сам Профессор.

– Я намеренно снимал всё подряд, чтобы не упустить мельчайших деталей. Чтобы в спокойной обстановке исследовать каждый сантиметр окружения у древнего кострища.

– И что? – Арману надоели загадки. – Говори конкретней, иначе я тебя придушу...

– Ладно, смотрите сами.

Варис вывел на экран валун с горкой хвороста. Кадр, ещё кадр. Ничего интересного.

– Что тебя здесь поразило? – повёл плечами Арман – Картинки смазаны, наложены друг на друга, с явными дефектами.

– Это не дефекты, – прошипел Профессор. – Нечто подобное я уже видел год назад. Варис, я думаю о том же, о чём и ты?

– Угу.

– Тогда необходимо кое с кем связаться. Уверен, нам помогут, если это вообще возможно.

– Не понял, – взмолился Арман. – Объясните.

– Я сам, – Варис взял ручку. – Ар, только не перебивай и не спорь. Вот валун до того, как мы подошли к кострищу, ничего особенного – каменюка, как каменюка. А теперь взгляни на эти кадры. Помнишь, ты высыпал сухостой на тропе и предложил оставить так, чтобы точно не забыть, где мы его оставили.

– И?

– Когда уходили, даже не знаю почему, я сделал несколько кадров валуна на разном расстоянии.

– Вижу! – ткнул в монитор Арман. – Картинка, будто сквозь стекло – двойная. Очертания размыты и ощущение такое, что камня нет. Потом сквозь камень проявляется куст и стволы деревьев. Разве такое возможно? Что это?

– Это ещё не всё. Когда мы пошли искать Гульназ, я взял фотоаппарат и повторно сфотографировал место, где остался включённый фонарь. Данный кадр, прошу обратить внимание, снят со вспышкой. Видишь?

– Да! – Арман не верил своим глазам. Валун был почти прозрачным, даже очертания совы на ветке можно разглядеть. – Я понял – это дверь?!

Арман соскочил с места, выбежал на улицу.

– Этого мне только не хватало, – Профессор запаниковал, сердце бешено колотилось. – Вар, догони его, ещё одной потери я не вынесу!

Студент вырвал шнур соединения фотоаппарата и с камерой наперевес понёсся следом за непредсказуемым Арманом.

Парень перевёл дух и отдышался только когда увидел друга сидящим у камня с огромной шишкой на лбу.

– Кадр на память, не возражаешь? – вспышка фотоаппарата немного ослепила. – Что, халява не прошла?

– Причём тут халява? – Арман пальцем рисовал на тропинке крестики.

– Надеюсь, ты рисуешь руна Геба.

– Геба, кто такая Геба? Что приходит в голову, то и рисую.

– Руна такая. Многие считают, всё, что она дарит, достаётся просто так.

– Больно, – Арман потёр шишку. – Ты мне сейчас зубы заговариваешь, отвлекаешь?

– Возможно, ты прав.

– Я устал от загадок. Говори проще.

Варис хорошо знал сокурсника и всегда удивлялся его способности интуитивно находить оптимальные варианты в сложных ситуациях. Да, он душил в себе свободный дух фантазии, во всём предпочитая жёсткий прагматизм. Но если не было логического объяснения, мог выслушивать всякого рода небылицы, стараясь даже в них найти рациональное зерно.

– Геба и есть загадка.

– Геба? Красиво. Какая она на самом деле?
– Символ партнёрства, свободы выбора, обретения единства и борьбы противоположностей.

– Значит, неизбежен конфликт? – наконец начал соображать Арман.
– Мы его уже имеем. Конфликт времени. Предлагаю считать его отправной точкой нашего партнёрства.

– Хватит философствовать, – Арман встал. – Словобудием делу не поможешь. Я пойду к кострищу, дай камеру, там пощелкаю и Гульназ поищу. А тебе в лагерь пора, доведём старика до инфаркта нашими выходками, совсем туго станет.

– Хорошо. На всё тебе час времени, – Варис отдал фотоаппарат другу и быстрым шагом направился в лабораторию.

В уме бешено крутились различные варианты событий, как броуновское движение частиц. Никакой логики, лишь странные обрывки-картинки. Вдруг что-то щёлкнуло, и рассыпавшийся пазл медленно собрался в нечто объяснимое. Нужно было срочно проверить новую гипотезу на деле.

***

Гульназ не раз видела телепередачи, где за бешеные деньги сценаристы воссоздавали для испытуемого различные ситуации, в которых человек должен повести себя как-то иначе. Даже несколько фильмов приключенческих смотрела, где современные люди, якобы попадали в другое измерение и вынуждены были менять свои принципы сообразно ситуации. Но ей, дочери XXI века, даже в ужасном сне не могло привидеться, что она сможет оказаться на самом деле в другом временном цикле, решив прогуляться за сухими ветками в ночное время.

Сказки сказками, а в реальной жизни это почти невозможно! Слово «почти» и отрицание «не» сейчас отпали сами по себе. Оставив девушку без объяснения причины коренного изменения ее дальнейшей судьбы.

В полном недоумении оказались и три путника (жившие приблизительно во II веке н.э.), когда к их костру в безлюдном предгорье, по тропе, освещенной золотой луной из темного леса вышла высокая девушка в странной одежде.

Ни одна женщина того времени не ходила без платья и платка. А тут, стройное гибкое тело обтягивала блестящая алая материя, одежда больше походила на мужской костюм воина, но без кольчуги. К тому же одежда не скрывала, а откровенно подчёркивала прелести звёздной девы. В глазах не то гнев, не то азарт. Чёрные, как смоль, волосы чуть вьются, рассыпаны по плечам. Ножки в белых коротких сапожках на странной пористой подошве.

Незнакомка будто знала куда идёт. Она не плакала, оттого что заблудилась. Она не была голодной и не набросилась на лепёшки и вяленое мясо. Она даже не испугалась мужчин и не прикрыла рукой луноликого лица. Дева сама принесла огромную охапку сухих веток для потухающего кострища из леса, леса полного опасностей и диких животных. И говорила уверенно на не совсем понятном тюркском диалекте.

– Кто ты? – ещё раз переспросил Байбосын, подавая кусок лепёшки. – Откуда?

– Гульназ из Алматы. – Она надкусила хлеб, присела, и нервно одёрнула плечо, когда коренастый мужчина в одежде воина, сидящий справа, прикоснулся к её руке.

– Гулиназ? – извиняясь, прошептал коренастый. – Алматы – имя твоего кочевья?

– Почему кочевья? В моём городе живёт более миллиона человек.

– Миллион? Это сколько? – не унимался коренастый.

– Это столько, – рассмеялась дерзкая девчонка. Она взяла горящую ветку и начертила огнём след числа. – Единица и два раза по три нуля...

На самом деле Гульназ очень испугалась, она не могла поверить в происходящее и потому старалась быть независимой, непредсказуемой, а значит опасной или даже смешной... Но не испуганной, только не испуганной! Ни один мужчина мира не увидит её заплаканной и растерянной.

– Ты умеешь считать до миллиона? – пришло время удивиться Байбосыну.

– Я умею писать, читать и считать как угодно. Умножать, складывать, делить, рассчитать степень, вычислить корень из числа и даже знакома с геометрией. Кроме родного языка свободно владею русским и английским! – Гульназ даже не моргнула.

– Она умеет писать огнём в небе и живёт там, – коренастый показал на звёзды, – в большом городе Алматы, похожем на улей с пчёлами.

– Да, ты прав. Действительно все куда-то бегут, едут, летят. Настоящий улей. Я поэтому сюда и приехала, отдохнуть от суеты.

– Летят? – выбрал из потока слов странное третий мужчина, который всё это время молча наблюдал за происходящим. Он был сравнительно молод, с тонкой бородкой и чётко очерченными бакенбардами. Острый взгляд чуть прищуренных глаз, казалось, буравчиком впился в душу.

Что взять с мужчин, которые не верят ни одному слову? Только дерзить.

– Как зовут... тебя? – женский пальчик ткнул в сторону самого молодого. Гульназ чувствовала, что нужно срочно перевести разговор на другую тему.

– Меня? Бекбосын. Предупреждаю, не смей нам лгать, я умею читать мысли и не потерплю, если ты нас обманываешь.

– А вас? – она почему-то вспомнила первый курс и лекцию англичанки, которая утверждала, что первая встреча всегда проходит по определённой схеме, и люди обязаны быть вежливыми. Самое главное, поздороваться. Второе – представиться. Третье – узнать, кто и откуда прибыл, есть ли семья и кто куда следует...

– Бибосын, – коренастый положил руку на грудь, чуть сжимая кулак, склонив голову, будто перед ним была настоящая богиня Умай. Ну и кулачища у него, настоящие кувалды!

– Байбосын, – чуть кивнул мужчина, который первым предложил гостю присесть.

– А чем вы занимаетесь? – все трое в замешательстве переглянулись. Незнакомка не выглядела жертвой и чувствовала себя равной среди равных, пусть и более взрослых мужчин.

– Я не понятно говорю? Какое дело привело вас всех именно сюда?

Мужчины редко рассказывают женщинам о своих планах, предпочитая обойтись общими фразами. Так было и на этот раз.

– Я купец, хожу по Шёлковому Пути, – решил поддержать беседу Байбосын. Он непроизвольно улыбнулся, поняв, что перед ним обыкновенная девчонка племени Алматы.

– Я дервиш, – Бекбосын многозначительно посмотрел на небо.

– Я воин. Прекрасной пери ни к чему знать, что привело меня сюда, – Бибосыну не понравилось, что женщина суёт нос в чужие дела.

Гульназ подумала, что англичанка была права, определенный алгоритм знакомства действительно существует.

– Что здесь ищешь ты? – Байбосын встал во весь рост. Тень от костра увеличила его размеры, сделав фигуру более внушительной.

– Кто тебя сюда послал? – поднялся дервиш Бекбосын.

– Где живёт твой род? – произнёс Бибосын, тяжело опираясь на колени. Он расправил плечи, повёл головой, чуть похрустывая шеей. При желании батыр с лёгкостью мог закрыть грудью обоих друзей.

Пришло время мужчинам задавать чёткие вопросы. Обманывать и лгать было совершенно ни к чему.

– Гульназ, – девушка тоже встала. Оказалось, она одного роста с Байбосыном, самым высоким среди друзей. – Живу в городе Алматы, учусь в институте на последнем курсе, сейчас на каникулах. Приехала к друзьям в гости. Они здесь что-то изучают. В лагере кончились дрова, а Профессор ещё не ужинал и я пошла за хворостом к камню. Собрала сухие ветки, тут меня сова испугала, я зажмурилась. Потом смотрю, а фонаря нет, но появилась луна. Я пошла по тропе на запах костра...

Гульназ говорила и говорила, будто за каждым её словом стоял щит, который защищал испуганное дитя от странных событий, произошедших за последнее время. Перед глазами только дым от костра и огонь. Дым... Тело перестало слушаться, девушка упала в обморок.

– Она устала, – мужские голоса и лица расплывались в густом мареве. Байбосын положил Гульназ на кошму, укрыв плащом со своего плеча. – Я не всё понял, о чём говорит это дитя.

– Дитя? Уж не влюбился ли сердцекаменный купец? – съехидничал всезнающий дервиш. – Могу сказать одно: она не врёт, но то, что она говорит, не может быть правдой. Она сумасшедшая!

– Это настоящая пери, – Бибосыну не приходилось раньше видеть столь откровенное сочетание изысканного соблазна в одной женщине. Сила и грация необузданной дикой лошади, иссиня черная копна волос, высокий рост, удивительно длинные ноги. Алая одежда, похожая на кожу смущала, притягивала, а нежный запах волос сводил с ума. От женщины пахло ветром, цветущими розами, миндалём и белым лотосом. – Вдруг она улетит утром, как луна покидает предрассветное небо? Спите, я сам буду охранять стан.

Когда взойшло солнце, батыр обрадовался, дервиш остался недоволен, купец оказался в замешательстве. Гульназ не улетела и не растаяла с первыми лучами солнца.

Но зато у дервиша пропал узел с вещами, сделанный из шелкового платка. Внутри он хранил драгоценные сердцу предметы: деревянную пиалу из каменного дерева предков, нефритовую палочку, отточенную как острière бритвы, несколько свитков с китайской каллиграфией и самое главное, там лежали чистые листы редчайшей бумаги, сделанной из коконов шелкопряда.

– Кто-нибудь видел куда исчезли вещи, завёрнутые в женский платок? Она (дервиш кивнул в сторону Гульназ) не просыпалась?

– Спала, как дитя. Даже белка с плеча не спрыгивала. – блаженно улыбался Бибосын.

– Белка?

– Представляете, с дерева спустилась, свернулась клубком и греется у сердца.

– Возможно, ты оставил платок под корнями ели, – купец полез в тюк, чтобы найти подходящую одежду для Гульназ. Смотреть на женское тело, обтянутое алым, без постоянного чувства соблазна – настоящее испытание. Выбрал необходимое – шабур*, платок, белую длинную рубашку. Байбосын аккуратно сложил одежду рядом со спящей девушкой, посмотрел по сторонам и опешил... Полупустой чувал** с белой змеей внутри висел на ветке, но посоха, сделанного китайчонком Ли рядом не было.

Куда мог исчезнуть посох?

– Бибосын, ты точно не спал? – серьёзно спросил купец.

– Я воин! – гордо вскинул голову батыр. – Я спугнул разъярённые тени джинов, летающие ночью вокруг костра.

– Тени? Ты хочешь сказать, что джины украли мою пиалу, узел с редчайшими предметами и посох Байбосына?

– Здесь не было чужих людей.

– Я так и знал, она дочь Дива, нам с ней не по пути, – отрезал дервиш Бекбосын.

– Машалла!*** – Байбосын нечасто выставлял эмоции напоказ. Ночная гостья поразила его сердце, и мужчина был уверен, что небесное создание будет идеальной женой. А тут такое...

Совокупность бесконечных последовательностей

Деревья предков в землю проросли, корнями глубоко обвили камни, воды испили родниковой. Посаженное человеком древо, со словом добрым и любовью к миру, воздаст в стократ уставшему – даруя тень, покой, прохладу, сон младенца.

Души переселенье в ствол могучий, доказывает свету – смерти нет! Есть переход живого в жизнь другую. Весенний ливень, летний зной, осенний листопад пылает золотом и всполохом зари, зима под снежным одеялом... Всё это больше, чем покой... И вновь весна и вновь цветут сады! Из года в год спиралью вверх, в веках срастаются деревья предков с небом.

*Шабур — верхняя женская одежда из домотканой шерстяной материи.

**Чувал — большой вьючный мешок, кожаный или шерстяной, часто с ковровым рисунком

*** Машалла! — Не дай Бог!

Вблизи воды: у рек или озёр, растут гиганты-обереги. Под куполом листвы, болящий духом или телом, найдёт выздоровление, усладу жизни, радость бытия и понимание священного рождения природы. Целители, дарующие силу, способны излечить дитя, иль раны воина быстрее зарастут, здесь птицы, мелкий зверь найдёт в ветвях приют.

Кто ж спилит дерево такое? Спилит – проклят будет. Судьба накажет, «умирает на бегу» глупец, поднявший руку на святое древо. Алтарь живой во времени, как символ жизни, нарушивший его покой разрушит целый мир!

Дубы иль ясени, каштаны, вязы становятся священными не сразу. Они в борьбе суровой взяли верх. Ломались сучья – ветви отрастали. И каждый год, как новый день. Из почки – лист, из почки – цвет и плод. Из плода – семя, из семян – побег. Пускай, достоин будет человек, возможности продлить историю Земли. Да не нарушится стремление жить вовек!

***

Арман пришёл в лагерь ни с чем... Расстроенный, злой на себя. Уж он точно знал, почему девушка рискнула появиться в их лагере. Влюбилась в Армана, как кошка, вот в чём истинная причина. Если бы пошёл провожать или вызвался принести дрова, то обязательно попал бы в её наточенные коготки.

– Профессор, всё чисто. Если бы ни её палатка и вещи, я бы сам утверждал, что Гульназ никогда здесь не появлялась.

– Армаша, – донеслось из лаборатории, – неси сюда фотоаппарат, проверим улов ещё раз.

Юноша вошёл в палатку и опешил. Рядом с Профессором стоял высоченный парень, согнувшись под низким пологом дугой, и что-то показывал на экране монитора.

– Давай, давай! – Профессор почти вырвал камеру из рук. – Познакомься, это Семён. Прибыл к нам по первому зову. Хорошо иметь друзей, не правда ли, молодой человек?

– Когда успел и на чём? – вырвалось у Армана.

– Я не волшебник, я просто учусь, – ушёл от ответа парень и протянул руку. – Буду вас консультировать, постараюсь помочь в ближайшее время.

– Я тебя помню, ты доставил Профессору аппарат, – Арман взглядом показал на чехол с секретным оборудованием. – В арсенале появилось что-то ещё?

Варис молча вышел из палатки, будто неожиданное появление Семёна считал обыкновенным проявлением вежливости. На Армана накатила волна любопытства и странного раздражения. Его так и подмывало расспросить высоченного парня о многом, что сводило с ума последнее время.

– Человек не может знать всё, – Семён будто прочёл чужие мысли. – Всё объяснить невозможно.

– Арман, знаете, почему я взял именно вас в экспедицию? – Профессор решил раз и навсегда прекратить вспышки недовольства ученика. И не дождавшись ответа, продолжил, – Вы самый рациональный из всех

моих студентов и, как истинный учёный, ставите всё под сомнение, предпочитая найти реальное объяснение любому происходящему событию. У вас цепкий ум и идеальная память. Но жутко непримиримый характер, как оказалось. Прощу, милейший, не разочаровывайте меня и займитесь делом.

– Слушаюсь, – Армана как подменили. – Чем могу быть полезен?

– Найдите Вариса, он где-то ходит и чётко, по секундам, распишите каждый свой шаг с того момента, когда вы нашли кострище. Распишите время Вариса, Гульназ и своё по отдельности. Конечной точкой прошу считать этот момент. Который сейчас час?

– Восемь сорок, – отчеканил Ар.

– Не совсем верно, – Семён посмотрел на странный четырёхцветный шар, висевший на шее как кулон или оригинальное украшение. – Восемь часов, сорок минут, тридцать семь секунд. Простите, тридцать восемь...

– Погрешность считать до секунд?

– Так точно, уважаемый, – прошептал Профессор, махнув рукой, как на надоедливую муху. – У нас очень мало времени. Вернуть Гульназ мы должны сегодня же! На всё даю час, не больше!

– Час? – в голосе Армана сквозило возмущение. – Я не успею.

– Всё продумано, – Семён подал сумку с ноутбуком. – Он твой, пока я здесь. Варис уже пишет отчёт. Через час сверим, определимся в точках пересечения и начнём...

Арман выскочил из лаборатории, увидел Вариса на пенке. Парень увлечённо стрекотал клавиатурой.

– Присаживайся. Как тебе Сенечка? Легендарная личность, скажу я.

– Чем докажешь?

– Сам увидишь. Задание получил?

– Да. Только... как он здесь оказался? Из Интернета выскочил? Звук вертолёта или топота копыт я не слышал...

– Он не волшебник, просто учится. Ар, дружище, не тупи. Сам хотел настоящего дела, так не теряйся.

Работа учёного это очень кропотливый труд, тщательное изучение любого с виду обыкновенного процесса может привести к удивительнейшим открытиям в разных областях. Процесс исследования – скрупулезное изучение в комплексе многих показателей или образцов. В данной ситуации образцом, исследуемым «под микроскопом», стало время.

Что же такое на самом деле, это Время? Физическая объективная реальность, продукт человеческого мышления? Философская субстанция, или даже религия? Безразмерная величина в результате подсчёта определённых физических циклов? Нахождение координат материальных объектов и их состояний?

Движущаяся материя, процессы и их характеристики в определённый момент времени, указывающие на взаимосвязь между пространством и невозможность абсолютной зависимости движущейся материи? Объективный факт? Субъективное ощущение? Некий материальный предмет, отображающий связь с другими действующими предметами? Совокупность бесконечных последовательностей?

***

Через час, собрав все ноутбуки в единую сеть и загрузив какую-то программу, Семён сделал первые выводы.

– Необходимо точно определить как минимум три точки, чтобы провести между ними связь хотя бы в трёхмерном пространстве, в котором мы сможем вырезать момент времени перехода (или пропажи) Гульназ. Также необходимо учесть, что предметы, попавшие к нам в руки, имеют огромную археологическую ценность, и я могу с определенной точностью поставить в нашей системе координат четвёртую точку, определив, когда и где они были сделаны. Но этого мало... Предметы, которые вы нашли настолько разнятся по времени изготовления и месту, что заблудиться во времени будет меньшим из зол.

– Что же делать? – Варис заворожённо смотрел на великана Сенечку, язык не поворачивался предложить свои версии событий.

– Как что? Вернуть предметы на место, откуда взяли.

– Ни за что! – упёрся Профессор. – Вы даже не представляете, какие находки попали к нам в руки! Архиважные открытия!

– Банально мыслите, Профессор, – перебил Арман. – Мне недавно Вар объяснил значение одной из рун. Руна Гебо и её дуальность. Я подумал, что необходимо поступать так, чтобы каждый имел право на жизнь в соответствии со своими внутренними программами, заложенными временем. Любая попытка взлома программы – насилие. Как объяснить тем людям у кого исчезли архиважные для вас предметы, что вы сейчас поступаете правильно? С их точки зрения, мы обыкновенные воры. И, естественно, понесём наказание. Исчезновение Гульназ – наше наказание. Вернём посох и предметы в шёлковом узелке – получим назад нашу потерю. Иначе, наступит момент разрушения, как закономерный итог борьбы. Так система защищается от насилия и вторжения в неё без спроса.

– Я знал, что ты гений, мой мальчик, знал. – восторженно прошептал Профессор. – Осталось только вернуть предметы назад в прошлое, ты прав.

– Конечно, прав, – поддержал Семён. – Скажу больше, время разрушения уже началось. Нам необходимо войти в нужный нам отрезок как можно быстрее. Первой точкой будем считать момент, когда Гульназ прикоснулась к посоху и подняла шёлковый узелок у кострища. Вторая точка – вхождение Гульназ в коридор временного перехода. Мы почти точно знаем время и место в нашем пространстве, значит... Я постараюсь рассчитать и всё остальное. Самое удивительное, что у нас есть и физическая точка этого перехода – валун. Хотя, из практики, могу сказать, что данный переход штука зыбкая и постоянно смещается, исчезает, вновь появляется в другом месте. Именно поэтому нужно торопиться.

– Нет, мы собрали не все компоненты, – возразил Арман. – Я думаю, что найденная мною пиала из того же времени, что и остальные вещи. Понимаете, я нашёл её у костра, где были разложены дрова, и рядом находились свежие следы. Посоха на тот момент не было, я бы его увидел. Но там уже был тот, кто оставил пиалу и просто ушёл, например за водой. Недалеко ушёл... Следовательно, именно я первым прошёл сквозь врата времени туда и обратно... Понимаете, Профессор?

– Не совсем.

– Ну как же? Я принёс пиалу того времени в хорошем состоянии! Она действительно не могла сохраниться так идеально в естественных природных условиях. Вот что смущало и раздражало Вариса. Помнишь, Вар, ты даже упрекнул, что я купил её в индийском магазине. Скажи, Семён, пиала из Индии?

– Да, – кивнул Семён, – но пиале более тысячи лет..

– Тогда получается, что Гульназ сначала прошла сквозь время, захватив посох и узел с ценными артефактами туда и назад. И ничего не заметила? И только ночью, переступив порог перехода, она исчезла и не вернулась... – резюмировал Варис.

Всё заново пересчитать. Глаза Семёна бегали из стороны в сторону, пальцы летали над клавиатурой ноутбука, он бубнил себе под нос странные звуки и изредка покачивал головой в знак согласия с самим собой.

– Предлагаю сначала вернуть посох, запустим пробный шар... Заодно проверим, там ли Гульназ. Не дай Бог, если она уже в другой точке. Мы должны задержать её, а, следовательно, и тех, кто сейчас с ней рядом.

***

Первый эксперимент удался процентов на тридцать, не больше. Но это лучше, чем ничего. Решили, что для начала необходимо вернуть все найденные у кострища предметы и проверить, насколько точно можно прикоснуться к точке перехода. Было бы идеально войти и выйти вдвоём, чтобы правильно рассчитать проникновения в чужое временное пространство.

Необходимо рассчитать всё! Даже вес и рост девушки. Именно поэтому вместе с Семёном в эксперименте участвовал Арман, а не Варис. Естественно, Варис был недоволен. Он так надеялся, на необыкновенное приключение... Что же делать, жизнь Гульназ важнее гордыни.

Чтобы вернуть посох и узелок, попробовали восстановить местонахождение данных предметов у кострища в тот день, когда их нашла Гульназ. В центр потухшего костра встали Семён и Арман, держась за руки, как дети на утреннике. У Армана в руках посох и узелок, в руках у Семёна – стеклянный пульсирующий шар, состоящий из четырёх разноцветных частей, соединённых вместе каким-то сплавом, похожим на серебро или белую платину.

Вспышка и исчезновение ребят, несмотря на время подготовки, оказались полной неожиданностью. Вар следил за происходящим с экрана монитора на расстоянии чуть менее километра у огромно валуна, а Профессор в самом лагере. Данный разброс помог точнее рассчитать вхождение во второй этап.

Через три с половиной минуты путешественники вновь оказались на прежнем месте. Удалось вернуть только узелок с артефактами. Посох остался в руках Армана. Видеокамеры, закреплённые по кругу кострища, фиксировали с разных точек происходящее на поляне и сразу отправляли информацию на головной компьютер Семёна.

Арман шёл к лагерю медленно, опираясь на палку, как старик, ищущий опоры везде, куда ступают его непослушные от усталости ноги. Шёл

молча, глаза округлены, бледное лицо выдавало наивысшую степень концентрации. Он не верил, что вернулся назад невредимым, и пока не увидел Вариса, точно не был уверен, где находится.

– Вар, родной! – бросился обниматься, будто не видел лет сто. – Я дома, понимаешь? Я дома!

– Понимаю, ну как там? – Вар дрожал от нетерпения, ожидая сиюминутного отчёта. – Что видел, чувствовал?

– Толком не понял, – признался Арман, вопросительно посмотрев на Семёна. Тот шёл рядом, спокоен, как танк. Шар, висящий на его шее, ещё теплился радужными переливами.

Уже в лагере плотно перекусив и выпив крепкого чая, Семён свалился от усталости в палатке Гульназ и попросил разбудить его через часик-другой. Но до этого Семён загрузил все записи в свой ноутбук и отправил полный отчёт о происшедшем по почте. Кому и куда не было известно даже Профессору.

Нервное перенапряжение и сильнейший стресс свалил и остальных покорителей времени.

Лишь через три часа в лагере вновь началось броуновское движение. Арман сидел и писал отчёт о происходящем. Вара отправили следить за изменениями к валуну, Профессор анализировал видеозаписи.

Чтобы войти во второй раз в канал временного перехода, требовались точнейшие измерения и особый настрой на стопроцентный результат.

«Я взял Семёна за руку и вошёл в потухший костёр, – писал Арман. – Вспышка странного белого света на секунду ослепила и я зажмурился, а жаль... Когда открыл глаза, то понял, что стою в центре горящего костра. Я не чувствовал жара и даже не обжёгся, я будто бы растаял или стал тенью, всполахом пламени.

– Не двигайся, – предупредил Семён. Он взял у меня посох с узелком и сделал шаг в сторону. Я жутко испугался, что останусь один и, несмотря на предупреждение, пошёл следом. Это была грубейшая ошибка! Семён успел положить шёлковый узел на камень, но посох вылетел из его рук, опрокинув меня вглубь костра, палка начала летать по спирали, как живая! Я успел схватить древко с третьего круга, и тут же вернулся в центр.

– Как ты, дурень? – Семён держал меня за руку и бил по щекам.

Что я мог ему ответить? Дурень – это мягко сказано! Я испортил не только эксперимент, но и подверг опасности наши жизни. Что самое страшное, я не смог использовать по максимуму время, данное мне свыше. Только глаза будто сфотографировали небольшой эпизод.

Вроде та же поляна. Глубокая ночь. Вокруг костра люди. Двое мужчин спят. Третий охраняет сон путников. Вот он осторожно прикасается к плащу, которым укрыта ещё одна фигурка поменьше. Белка спрыгивает с ветки и сворачивается клубком на этом плаще. Лица человека в плаще не видно, лишь копна черных длинных волос, выбившихся из-под ткани.

Уверен, что это была женщина, но считать, что это Гульназ пока рано. Неужели она так быстро адаптировалась в новой среде и преспокойно спит в окружении чужих мужчин? На неё это совсем не похоже.

В следующее мгновение мы выскочили из горящего костра, как черти из табакерки в другое измерение. Я это почувствовал, хотя бы потому, что ноги уже начинало припекать, а здесь было ужасно холодно, будто ледяной водой окатили. Контрастная температура оказалась кстати, я пришел в себя, и шагнул вместе с Семеном в зыбкое пространство. Следующий шаг я сделал уже в настоящем.

Я схватился за посох, будто он единственное доказательство места, где я был еще минуту назад. Я даже обрадовался, когда встретил Вариса на тропе около валуна. Вот где настоящее счастье, просто быть дома».

Семен не мог понять, почему всё пошло не так, как было задумано вначале? Что могло спровоцировать изменение ситуации? Почему посох чуть не улетел по временной спирали? Почему узел с артефактами пришлось дважды переключать в разные стороны, пока он не коснулся реальной земли в реальном моменте того времени? Неужели было что-то упущено? Но что именно, вот где загадка, которую необходимо решить. Иначе Гульназ никогда не проявится в нашем времени, и еще не понятно, что может произойти, если не вернуть вовремя этот странный посох.

***

– Бибосын, ты точно не спал? – серьезно спросил купец.

– Я воин. – Гордо вскинул голову батыр. – Я даже вспугнул разъярённые тени джиннов, летающие ночью вокруг костра.

– Тени? Ты хочешь сказать, что это джинны украли мою пиалу, узел с редчайшими предметами и даже посох Байбосына?

– Здесь не было чужих людей.

– Я так и знал, она дочь Дива, нам с ней не по пути, – отрезал дервиш Бекбосын.

– Машалла! – Байбосын нечасто выставлял эмоции напоказ. Ночная гостья поразила в самое сердце, и мужчина был уверен, небесное создание будет идеальной женой. А тут такое...

Купец ещё раз оглянулся по сторонам, встал, обошёл потухший костёр два раза, нашёл что-то и спрятал за спину.

– Бекбосын, я знаю, ты ревнив и часто даёшь волю фантазии. Признайся, ты влюблён. Зачем наговаривать на невинное дитя? – Байбосын подал другу шёлковый узел с якобы потерявшимися предметами. – Не это ли ты искал?

– Не может быть! Этого здесь не было, – ткань раскрыли, внутри лежали: чистые листы бумаги, свитки с китайской каллиграфией, древняя пиала из каменного дерева. – Я же говорю, здесь не всё. Помнишь, пиала пропала днём раньше, странно всё это. И куда делась нефритовая палочка, наточенная как остриё кинжала?

– Ищи, – батыр Бибосын недовольно повертел головой, как бык перед боем, поставил кулачищи на пояс. – Она спала, понял? Даже чуткая белка не шелохнулась на плече пери.

– А где твой посох, Байбосын? – не унимался дервиш.

– Найдётся и он.

Окончание в следующем номере.

Виталий ДУНАЕВ

Занимательная астрология

Введение в астрологию

Божественны законы мироздания:
обмен энергией, движения миров,
рождение звёзд, потом их угасание,
из космоса Вселенной вечный зов.

Мы отвергаем ворожбу и карты:
мы за парад планет и тайны чёрных дыр.
Мы против самодурства и азарта,
за то, чтоб обнаружить антимир.

Там, далеко, среди созвездий всяких,
двенадцать самых важных в зодиаке.
Они влияют с нашего рожденья
на нашу жизнь, судьбу и вдохновенье.

Нет знаков ни хороших, ни плохих.
Но лишь для тех, кто понимает их,
кто твёрдо верит: всё это от Бога,
они самопознанию помогут.

Мы дети космоса и с ним соедины,
хоть в этом ни заслуги нашей, ни вины.
Но это значит: мир наш очень мал,
что выбор есть и есть потенциал.

Овен

с 21 марта по 20 апреля

Тот, кто рождён под знаком зодиака «Овен»
за будущее может быть спокоен.
Ведь это первый в зодиаке знак.
А значит, «Овен» этого достоин.
Тем более он благородный воин
и в лести не нуждается никак.

Он по легенде раньше был Бараном,
но проявил себя на поле бранном.
Ему стать жертвой было суждено
и называться «Золотым руном»

И вот теперь защитник он для всех,
упрям и твёрдо верит в свой успех.
Но и сейчас любого он врага
готов поднять, как раньше, на рога.
И всё это не вымысел, не фарс:
ведь управляет «Овном» грозный Марс!

Телец

с 21 апреля по 21 мая

Очаровательные «Тёлки» и «Тельцы»
под щедрым покровительством Венеры.
Заботливые мамы и отцы —
хранители своей семьи и веры.

Они умеют создавать уют
и одеваться тоже безупречно.
А если руку дружбы подадут,
она, как и любовь у них, навечно.

Но они быстро привыкают к роскоши
и в спорах неуступчивы подчас.
Однако на большой жилплощади
их притязанья всё же в самый раз.

Близнецы

с 22 мая по 21 июня

Рождённые под знаком «Близнецы»
почти профессиональные лстецы.
У них бывают в каждом деле
семь пятниц на одной неделе.

А также склонность к раздвоенью личности,
к приобретению на чёрный день наличности,
сменить семью, фамилию и пол,
заглядывать кому-то под подол.

Они шуты, стилаги и пижоны,
но главное — они хамелеоны.
В одном они вполне уверены:
что в нищете жить не намерены.

Рак

с 22 июня по 22 июля

В клешнях родившихся под знаком зодиака «Рак»
мужская сила — идеальный брак.
Порой и несостоятельность Луны,
а значит, — вещие предчувствия и сны.
От грязи у него иммунитет.
Финансовый он гений и поэт.

Он не боится никаких преград,
как дипломат, попятится назад.
За дело правое всегда готов он к бою,
а надо — и пожертвовать собою.

Поклонник путешествий, дальних странствий,
он в тоже время символ постоянства.
Но иногда излишне осторожен,
для понимания другими слишком сложен.

Лев

с 23 июля по 22 августа

Геракл в схватке победил когда-то Льва
и доказал на собственном примере,
что если сила есть, то и права,
А значит, только ей и надо верить.

У тех, кто по гороскопу «Лев» и «Львица»
тщеславие написано на лицах:
культ гордости и силы на показ.
«Лев» — царь зверей, его слова — указ.

Он говорит и движется с апломбом:
как будто у него в кармане бомба.
Он лицедей. Но у него отдушина —
гостеприимство и великодушие.

Любимец Солнца и развратных дев,
он повелитель, он типичный «Лев».
Но на охоту ходят только «Львицы».
Он лишь рычит и сам собой гордится.

Дева

с 23 августа по 22 сентября

История названия проста:
Ведь в эти дни на свет явилась Мать Христа.
И в честь её созвездие назвали,
Так что оспорить можно здесь едва ли.

И не случайно «Девы» обаятельны:
они чрезвычайно пронизательны.
Ещё они талантливые критики,
достойные партнёры и политики.

Не терпят «Девы» разгильдяев,
альфонсов, трутней и лентяев.
Склонны к порядку и гармонии,
но презирают церемонии.

А пунктуальны «Девы», как часы,
точны, как электронные весы.
И работяги-трудоголики,
бесценные везде работники.

Весы

с 23 сентября по 23 октября

С «Весами» нелегко ужиться:
на них опасно положиться.
Ведь, добиваясь равновесия,
«Весы» способствуют депрессии.

Чтобы добро со злом уравновесить,
нельзя самим им куралесить.
А между тем «Весы» — повесы,
о чём свидетельствует пресса.

Их колебанья вверх и вниз
то просто прихоть, то каприз.
У них пожизненный союз
со знаком «минус», знаком «плюс».

«Весы» пример самоотдачи
так как не могут жить иначе.
Они искатели любви,
но сами для себя враги.

Скорпион

с 24 октября по 22 ноября

Рождённые под знаком «Скорпиона» амбициозны и самовлюблённы. Энергию избыточно имеют – распорядиться ею не умеют.

Одни из них повсюду и всегда – пример общепольного труда. Другие – дебоширы, хулиганы, живут как будто сами ураганы.

Спасают третьих спорт и секс: ведь в них килокалории для всех. А вот с четвёртыми и впрямь беда: энергию не тратят никуда.

В своей душе всё молча переносят и ничего ни у кого не просят. Так что они, по сути, самоеды, от этого как раз у них и беды.

Их замкнутость, необъяснимый гнев свидетельствуют: снова перегрев. А если в споре аргументов мало, они готовы выпустить и жало.

Стрелец

с 23 ноября по 21 декабря

Кентавра-лучника наследники «Стрельцы» за жизнь без лицемерия борцы, за дружелюбие, открытость, яркий свет. А оптимизм – успеха их секрет.

«Стрельцы» – знак приключений и удачи, ведь сам Юпитер управляет им. Они стремятся к правде. Это значит: их вечный альтруизм непобедим.

В них жажда путешествий и романтики, культ долга, благородства и добра, гарантия, что не исчезнут радуги, что завтра будет лучше, чем вчера.

Их стрелы справедливы и точны:
они ведь неподкупны и честны.

Козерог

с 22 декабря по 20 января

Знак «Козерога» очень прост:
козёл рогатый, рыбий хвост.
Бог «Козерога» наградил рогами,
чтоб тот всегда мог справиться с врагами.

Рождённому под знаком «Козерога»
всегда благоприятная дорога:
надёжный он партнёр и верный друг,
за что и любят все его вокруг.

Честолюбив и беспредельно честен,
неутомим и горд, душою чист,
нередко повсеместно он известен,
как в самом лучшем смысле карьерист.

Чтобы добиться выбранной им цели,
готов он все преграды одолеть.
Привык оценивать людей он только в деле
и самого себя не пожалеть.

Водолей

с 21 января по 19 февраля

Подвластные Урану «Водолеи»
сплошь гении, таланты, чародеи.
В отдельности же каждый «Водолей» —
носитель светлых мыслей и идей.

Душа любых компаний и застолий,
загадочен, изыскан, многолик.
И всё-таки открыт и сердоболен:
от жизни отрываться не привык.

Стараясь человечество улучшить,
он выливает свою личность в этот мир:
в надежде, что, как минимум, получит
взамен богатство, славу, сувенир.

Он мыслит и живёт на опереженье:
с отрывом от других лет на пятьдесят.
И это, как таблица умноженья,
для «Водолея» лучше всех наград.

Рыбы

с 20 февраля по 20 марта

Те, кто рождён под знаком зодиака «Рыбы»,
отзывчивы, добры, миролюбивы.
Всегда в плену каких-то увлечений,
но плыть привыкли только по течению.

Казалось бы, сама любовь и нежность,
у них в душе тревога и мятежность.
Быть может, от того, что их фортуна
зависит от Акул, а не Нептуна.

Тем более, что жить легко и весело
мешают часто приступы депрессии.
Их ненадёжность, лень, непостоянство
порочат их и в целом — рыбе царство.

«НИВА»

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы 8-701-337-45-55.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Исполнительный директор **Жанарбек Ашимжан.**

Главный редактор **О. К. Жанайдаров.**

Набор и вёрстка **Ю. В. Богдановой.**

Корректор **И. Н. Юзупанова.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Журнал основан **В. Р. Гундаревым**
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 20.03.2013 г.

Подписано к печати 21.04.2013 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 1505.

Номер набран и сверстан

в ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.